Сергей Сюрсин

Фантастика

Повести и рассказы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В третью книгу собрания сочинений вошли фантастические повести и рассказы, различные по тематике и созданные в разное время.

- Фантастика
  -
  - Фантастические
    - Керкира
    - Запретная зона
      - Крушение
      - Планета-призрак
      - Секреты Интела
      - Прародина
      - Контакт
      - Неизвестный дисколет
      - Патруль
      - База
      - Из глубины веков
    - Химеры Летящей
  - Фантастические
    - Узник времени
    - Жук
    - Призрак
    - Когда не вышло у человека
    - Вторжение
    - Жил-был у бабушки серенький…
    - Неизбежность
    - Первый
    - Последний

Фантастика
Повести и рассказы
Сергей Сюрсин

© Сергей Сюрсин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Фантастические повести

Керкира

Последний завет

Она ждала… И все племя, собравшееся вокруг Нее, ждало. Сплоченное, единое, словно живой организм, ждало. Оборванные, грязные люди, забывшие, что такое душ и ванна, забывшие многое из того, что знали их предки, ждали Ее слова. Ее движения, жеста, мимики. Потому что от этого зависела их жизнь, их будущее.

– Н-н-ет! – выдохнула Она.

И племя, рассыпавшись на отдельные особи, уныло разбрелось к стенам. Жестким, костлявым, холодным. Но в то же время надежным, сберегающим их от той стихии, что ярилась, бушевала там, за стенами, неприступными для нее. Здесь было тихо. Но голодно. И холодно. Не так, как там, снаружи, но несоизмеримо с ним. Здесь можно было выжить, там – нет. Взбесившаяся стихия рушила все – деревья, скалы, высасывала воду из озер вместе с рыбой. Рыбаки зачастую возвращались, разводя руками и не в силах объяснить буйство стихии.

Спасали охотники. Нашли недавно стадо оленей. Град размером с теннисный мячик, – Она не знала, что это означает, – побил все – и деревья, и оленей. При этом убило троих охотников, но это не так страшно. Есть еда, ее можно принести. А это главное. Еда восполнит силы и даст сил возродить племя. Вот только нельзя сейчас, в данный момент. Что-то опять надвигается. Она это чувствовала. Интуитивно. По давлению небес. По электрической ауре, колышущейся вокруг людей и наполняющей своими сполохами пещеру. По гнету, давящему изнутри. По стелющемуся лесу, затихшему в ожидании чего-то ужасного. Потому Она сказала «нет». И люди подчинились. Хотя были голодны и злы. Но их злоба распространялась не на Нее, – Она это чувствовала, – а на тот мир, что грохотал и злобился у входа. Мир, обозленный на них, людей. А они, обозленные на него, стояли у входа и ждали, зверея. Зверея на него, на окружающих, на все кругом. На Богов, наконец, которые допустили это. Допустили, чтобы они, люди, скатились до такого состояния, до питекантропов, австралопитеков и всех прочих тогда, когда казалось, что весь мир в кармане, что они, люди, управляют миром и стихиями на планете, что они… Боги! И вот свершилось.

Исчезло все. В течение нескольких лет. Где те мировые

державы, что так гордо и властно управляли миром? Могучие цивилизации, да вообще цивилизация всей Земли, несокрушимая, должная существовать вечно, канула в небытие. Человек возомнил себя Богом, и где он? Что осталось от былого? Природа надругалась над Разумом. В очередной раз. А ведь предупреждали далекие предки. Но кто ж поверит им? Далеким. Легендарным. Превратили все в сказку и даже не докопались до крупицы истины. Что Солнце каждые двенадцать тысяч лет проходит через плоскость Галактики. Что возрастает температура от сближения с другими звездами и центром Галактики. Что здесь, в гуще больше блуждающих планет и астероидов. Что возрастающая от сближения Солнца с центром Галактики и соседними звездами гравитация сдвинет и перемешает то месиво планетоидов между Юпитером и Марсом и обрушит обстрелом на все планеты. И на Землю. Что на самой Земле от возросшего тепла растают ледники на полюсах и горах, а высвободившая волна захлестнет материки и скроет под собой сушу. И ничего не останется на Земле. Она это узнала. Но уже позже, когда уже не было смысла узнавать. Потому что не осталось ничего – ни городов, ни тупых, думающих только о себе и своих деньгах правителей, ни техники и ученых. Все вернулось. Опять. В каменный век. И тем горсткам разума, что каким-то образом умудрились выжить на планете, приходилось приспосабливаться, выживать, чтобы опять возрождать цивилизацию. Опять. В который раз. Как говорили майя, уже в шестой. Она много из этого не понимала, Она не знала, а может, и забыла, что означают все эти слова и знания, которые Она носила в себе. Но знала одно – это все неспроста, это не Ее бред, не выдумка. Так надо! И хоть все они погибнут, умрут, но через пять тысяч лет Ее пра-пра-потомки и потомки других, спасшихся где-то в других уголках планеты, возродят все то, что потеряли ее предки. И ради этого стоило жить!

– Мать Му, – неслышно приблизившийся Охотник остановился в отдалении, – скажи слово.

– Нет, – повторила Она. – Ты слышал.

– Я слышал, Мать Му, – вождь замялся. – Но когда?

– Когда соизволят Боги, – Она обратила на него грозный взгляд. – Жди!

Вождь, ужаснувшийся своей смелостью, покорно уполз в темноту.

Она опять повернулась к отверстию пещеры. Только там был свет. Истинный свет. Только там можно было ждать ответа. Вот только будет ли он? Она каждый раз усомнялась в этом. Правильно ли Она истолковывает то, что приходит Ей? Правилен

ли будет ответ? Она этого не знала. Оно то приходило, то уходило, это предчувствие. И постоянно Она колебалась в интерпретации этого предчувствия. Оно же неуловимо. Не скажет «нет» и не скажет «да». Только ты сама можешь сказать – «да» или «нет». А верный ответ неизвестен. И только по мановению фибр души, по чему-то такому, что гнетет тебя и неслышно подсказывает, направляет, ты знаешь. И говоришь Слово. Откуда это все зарождается, что руководит Ей в такие моменты. Она, как ни пыталась проанализировать, этого не знала. Но говорила Она правильно. И народ слушал Ее. Даже вождь, новый, молодой, убивший Старого вождя, хоть и нехотя, но подчинялся Ей. А что будет, когда Она уйдет?

Свое прошлое Она помнила смутно. Давно это было. В сравнении со всей Ее жизнью. Маленькой себя помнила. Город, квартира, покой. Удобная кроватка и коляска. Голоса отца и матери. Ворвавшийся откуда-то голос деда, приехавшего издалека и требующего чего-то. После этого все изменилось. Дальняя поездка на машине, тряска, неудобная ездка на чьих-то спинах, больно кусающие насекомые, жизнь в пещере у костра, на берегу озера, скандалы взрослых и тихий плач матери. И постоянная диктовка, требование запомнить, что они говорят. Потом дожди, снега, грохот, вздрагивающая земля. И люди, появившиеся их леса. Деревенщина, оленеводы и рыбаки, они шли сюда, к Сейд-озеру, чтобы спастись. Что они знали? Да ничего. Единственными знаниями обладали дед с родителями. Они и возглавили народ. Когда-то, говорил дед, в позапрошлом цикле здесь была страна Гиперборея, здесь спасся и вышел в прошлом цикле народ, обжил Мурман, а затем и всю Европу, и весь мир. Теперь же в нашей жизни это следует сделать нам.

Они уже давно умерли, – и дед, и мать, и отец. Единственным носителем знаний осталась Она. Кто будет после Нее? Сын предрасположен больше к охоте, чем к древним знаниям. Нового вождя не интересуют древние знания, которые не дают еду. Стремясь досадить Ей и усилить свое влияние и власть, он рисует на скалах рисунки оленей. Такое уже было. Дед когда-то рассказывал про такие рисунки. Утеряв знания и культуру позапрошлой цивилизации, люди начали жизнь с начала, с первобытного состояния. Так же рисовали картинки на стенах. Ее же цель – сохранить знания и не позволить своему народу опуститься опять до пещерных людей. Так было, но не должно повториться.

– Вождь! – властно произнесла Она.

– Слушаю тебя, Мать Му, – вождь был поблизости.

– Нам пора уходить.

– Куда?

– На юг, – Она поправилась. – К солнцу.

– Но зачем? – возразил тот. – Нам и здесь живется неплохо.

– Уже плохо, – Она помедлила. – Стадо погибло. Пришел большой снег. За ним придет вечный снег. Погибнет лес, мох. Погибнет все живое. Погибнем и мы.

– Ты не права, Мать Му. Разойдутся тучи, и опять засветит солнце. И все будет. Как всегда.

– Уже не будет. Этот град – начало беды. Так меня предупреждали Предки. Так чувствую я.

– Ма! – Ольга всегда называла Ее так в отличие от всего племени. Ма – это была привилегия ее и никого другого. Потому что Ольга была Ее дочерью. Рожденной от Другого. Которого звали Свен. Он был из норгов, из Скандии…

И сказала Она:

– Пришла Волна. С каждым днем она подбирается к нам все ближе и ближе, захватывает наши земли, отбирает корм у наших оленей, забирает наши жизни. Мы не сможем бороться с ней. Вода непобедима. Мы погибнем, если останемся здесь. Надо уходить! – и она отрядила три группы по два человека на три стороны – запад, юг и восток – с заданием найти проходы на Большую землю. Так она решила.

И Свен ушел. И с ним Радо. Радо тоже был нездешний, откуда-то с юга. Черноволосый, смуглый, он сильно отличался от светловолосого и бледнокожего Свена, что нисколько не помешало им сдружиться накрепко.

Фелугу отца Радо с женой, детьми и близкими, Волна захлестнула на Адриатике, от которой к тому времени осталась только кучка островов, и пронесла непонятно каким образом и какими ветрами через всю Европу. Не ведая, они проносились над канувшими в воду Берлином, Веной и Парижем, чуть было не прибились к островам, бывшим некогда Альпами. Но течения гнали лодку опять вглубь вод. Спустя многие месяцы она оказалась на мели у острова, на котором обитали норги. На борту норги нашли одного исхудавшего и умирающего от голода и жажды мальчика. Он выжил. Его звали Радо.

Они ушли по фьорду. Это так называлось раньше. А по настоящему просто спустились к берегу, сели в лодку, сшитую из оленьих шкур, и поплыли на восток, к мерцающим над морской гладью дальним островам. Гребли днями и ночами, в снег и дождь, шторм и туман. У Свена было врожденное чувство ориентирования, чем Радо, к сожалению, не обладал. Зато Радо был отличным рыбаком, и в пути у них, пусть не каждый день, но всегда была рыба, которую он каким-то своим рыбацким чутьем выискивал и вылавливал. Спали по очереди, но предпочитали спать на твердой земле. Так надежнее. Поэтому иногда гребли до изнеможения по несколько суток кряду. Но все-таки попали в торнадо…

Очнулся Свен на берегу острова, вблизи которого проплывали. Больше он ничего не помнил.

Когда в Город принесли чужака, Она, в отличие от других, не удивилась. Дед говорил, что выживут, возможно, и другие. И эти, другие, будут искать выживших. И это свершилось!.. спустя почти полвека. Как долго!

Другой не был похож на Людей. Светловолосые, чуть с рыжинкой волосы, голубые яркие глаза, слова, непонятные никому. Это была диковинка, что-то непонятное для них.

Она сразу перетащила чужака в свой дом. Конечно, Ей помогли, дотащили до Врат. Дальше Ей пришлось одной, отдуваться, пыхтеть, изнемогать от бессилия, но волоком тащить его из опасной зоны до своих комнат. Где уже не было Страха.

Со Страхом они столкнулись впервые, когда исследовали Город – пещеру с множеством ходов и ответвлений, в которых впору заблудиться. Даже сейчас смельчаки, а особенно дети уходили вглубь пещеры и иногда не возвращались. Особенно, если попадали во Врата Страха. Были такие ходы, войдя в которые человек забывал обо всем. На него накатывала волна страха или же, наоборот, безмятежности, покоя… и смерти. Дед говорил, что это очень опасно. Какой-то «инфразвук», который останавливает сердца и разум, но Она не очень-то понимала. Знала одно, – если через этот опасный участок проскочить, дальше уже безопасно. Главное – обостренно чувствовать и избегать таких мест.

Зато никто из людей сюда не входил. Жутко боялись. И здесь Она была свободна абсолютно. Здесь все было по Ее меркам.

Чужого Она выхаживала несколько дней. Переломов не было, были только сильные ушибы и синяки, ну, может, пара

сломанных ребер. Главное, что руки и ноги оказались целы.

А потом было еще хуже. Пока он лежал без сознания, Она могла делать с ним, что хотела. Но когда он очнулся, первую преграду поставил языковый барьер. Этот чужак абсолютно ничего не понимал! И все время срывался куда-то идти. Целыми днями она заставляла его понять свои слова и старалась запомнить его. И как-то так случилось, что они стали близки. У Нее был сын. Отца для него Она сама выбрала из лучших мужчин племени. Сын стал охотником. А Она опять осталась одна. И вот теперь Свен. Так звали чужого. И Она открыла ему свое имя. Которое открывают только тому, единственному. Кто заберет твою душу, узнав твое имя. И он забрал. Сколько уже лет прошло, как он, окрепнув, опять пошел дальше, на восток. А Она до сих пор помнит его и ждет, надеется, что он вернется. Зачем Она сказала ему свое имя! Тому, первому, отцу сына, Она не открыла. А этому… Теперь приходится страдать вечно и искать свою душу…

– Ма! – сказала Ольга. И болью отозвалось. Ольга была ее дочерью. И его. Такая же рыжеволосая, голубоглазая. И умная, любознательная. Ее опора и преемник, когда Она уйдет в другие дали. Она учила ее всему, что знала, что долго и упорно – всю жизнь – вбивал в Нее Дед. Сейчас это не кажется странным, а тогда…

Тогда Она была маленькой. Очень маленькой. Из того времени у Нее сохранились лишь смутные, подернутые дымкой времени воспоминания…

…Коляска мерно укачивает… Мамина грудь, полная вкусного молока… Куча всевозможных игрушек, интересных, непонятных… Ветер, врывающийся в окно машины и не дающий вдохнуть воздух… Голубое небо и что-то там такое яркое, ослепительное, что невозможно смотреть… Пещера с белыми квадратными стенами и ровным потолком… Музыка… Картинки на квадратном экране… Мультики…

Потом все резко изменилось. Эта пещера, ставшая Ей домом, а затем и Городом, когда пришли другие. И Дед, постоянно заставлявший Ее запоминать что-то, чего она не хотела и не могла запомнить. Из-за непонятности, абсурдности. Но он требовал запомнить. Для будущего. И Она, тихо плача по ночам, старалась запомнить.

Ольга тоже плакала, не понимая, смиряясь перед Ее напором, но старалась запомнить. Что она запомнит? Что использует в своей дальнейшей жизни? Что запомнила Она? Может, один

процент, да нет, намного меньше, из того, что знала Цивилизация. А что использует дочь? Тоже также. Разве ее интересует телевизор, поезд, самолет? Полнейший абсурд! Что интересует племя, что нужно для его выживания? Пещера, огонь, чтобы было тепло и уютно. Копье, лук и стрелы, нож – чтобы убить оленя. Лодка, леска, крючок, – чтобы поймать рыбу. Все, больше ничего. Ради выживания. Остальное, что внушал Дед, – теорема Пифагора, солнечная система, велосипед и прочее – блеф, сказка, вымысел, не имеющий применения в этом мире и ненужный никому.

И останется после Нее Ольга. Со своим, опустившимся на еще более низкую ступень племенем. С еще более деградировавшим разумом. А после Ольги – ее дочь. С каким уровнем разума? «Питекантроп» – всплыло в мыслях слово Деда.

– Ма! – сказала дочь. – Надо решать.

Решать было надо. И незамедлительно.

– Созывай племя, – сказала Она.

Ох, как больно подыматься и идти. Сколько Ей еще мучиться в этой жизни. Руки и ноги, скованные негнущимися суставами, плохо слушались. Пересиливая боль, Она медленно побрела к выходу, с каждым шагом накачивая себя силой. Она должна, должна быть великой, всесильной и всемогущей. Чтобы племя видело Ее такой. Вечной. Несокрушимой. Матерью Му. Их матерью. А иначе…

Племя уже собралось. Она поднялась на возвышение, на которое могла ступать только Она.

– Дети Му, – начала Она, – мои дети! Вы всегда и во всем слушались и подчинялись Заветам, что оставили нам наши отцы. Но вот эти Заветы нарушены. Горе нам, горе детям и внукам нашим! Мы ослушались их. И теперь нас ждет кара.

Люди зароптали. Они знали, но каждый воспринимал произошедшее по-своему.

– Люди! – воскликнула Она, собрав всю силу легких. – Вы все знаете Заветы. И вы знаете, что если мы нарушим хотя бы один из них, мы превратимся в животных. Это нам зарекали наши предки. Вы хотите стать животными?

– Нет, – отозвался кто-то.

– Оленями, которых мы едим? Медведями, собаками и волками, которых мы убиваем за то, что они отнимают нашу еду? Рыбой, которую мы ловим?

– Нет! Нет! – раздались возгласы.

– Тогда мы не должны становиться на одну ступень с ними.

Не должны нарушать Заповедей. Вы согласны?

– Да. Согласны, – это был уже общий хор.

– А если согласны, то скажите, как должны мы поступить. Человек нашего племени нарушил Завет и убил человека. Как мы должны с ним поступить?

Толпа замерла. И было от чего. Человек человека еще не убивал. Никогда. Но это свершилось. И никто еще не мог осознать, понять этого.

– Вождь охотников, – Она запнулась, – молодой вождь, что ты скажешь в свое оправдание?

Молодой вождь, стоявший в группе охотников, отделился и вышел перед Ней.

– Я не убивал вождя, если ты имеешь в виду меня.

– Еще никто никогда не убивал человека. Ты стал первым.

Олень был уже близко. Загонщики, отбив его от стада, воплями и шумом гнали его на засаду. Вождь первый метнул копье. И промахнулся. Копье вонзилось в бедро оленя. Тот споткнулся, упал, но тут же вскочил и продолжил свой бег. Но копья других охотников остановили его.

Охотники торжествовали. Пища для племени лежала у их ног, содрогаясь в последних конвульсиях.

Внезапно сзади раздался рев. Продираясь сквозь кусты, на прогалину выступил медведь, учуявший запах свежей крови.

Медведь в считанные секунды раскидал своими мощными когтистыми лапами несколько человек, прежде чем остальные опомнились и ощетинились копьями. У Вождя копья не было, – оно торчало в бедре оленя…

Когда медведь, истыканный, словно иглами копьями, издох, охотники занялись покалеченными товарищами.

Вождь был еще жив. Медвежьи когти располосовали грудь. Осколки ребер торчали наружу, и с каждым вздохом между ними струйками выбивалась кровь. Это был конец, дорога в Дальний путь, и возврата назад не было.

И тогда он, Молодой вождь, склонился над Вождем и, всунув руку меж сломанных ребер, выдернул. В руке у него было сердце.

– Вождь, ты не умрешь, – воскликнул он. – Ты будешь жить во мне!

И он съел сердце Старого вождя.

Охотники, сгрудившиеся вокруг него, раздались в стороны, ошеломленные произошедшим. Никто! Никогда! Даже в самые тяжелые времена! Не ел человеческое мясо! Так требовали Заповеди. Так требовала Мать Му.

– Я не убивал, – повторил вождь. – Убивают ради охоты, ради еды. А я его не ел. И не охотился на него. Я просто забрал его сердце. Ведь так? – обратился он к охотникам. – Я же не ел его?

Охотники смущенно и невольно подтвердили это.

– Старый вождь уже был стар, – продолжил молодой вождь, – и уже не мог как раньше выслеживать добычу. А я мог лучше. А вдвоем мы стали еще лучше охотиться. Потому что, – молодой вождь гордо выпрямился, – мы теперь вместе. Я съел его сердце, и теперь он во мне. Вдвоем мы сильнее. С его опытом и моей сноровкой мы будем вдвое больше добывать еды. И никто не будет голодать.

– Верно. Верно, – зашептались люди.

– Ты ошибаешься, вождь, – взмахнула Она руками. – Ты глуп и не понимаешь, что превращаешься в животное. Ты даже не понял, что убил. Человека. Ты уже животное. Хотя и выглядишь, как человек. Кто ты?

– Я – человек, – Молодой вождь попятился, оглядываясь на своих. Но те раздались в стороны.

– Молодой вождь нарушил Заветы, – голос Ее окреп и обрел стальные ноты, – и он должен быть наказан. Человека, поднявшего руку на другого человека, ожидает смерть, – Она внутренне ужаснулась. – Так сказано в Заветах.

Племя молчало, соглашаясь.

Но как? – дошло тут до Нее. Ладно, он убил и за это должен умереть. Но тот, кто будет его убивать, сам окажется повинен в убийстве человека. И тогда его тоже надо будет казнить. Потом того, кто казнил. Потом того… Потом… Тогда все племя будет замешано в убийстве, все погрязнет в крови. Первое убийство человека человеком, – как же это ужасно! Замараны кровью будут все – мужчины, убивающие, женщины, соглашающиеся, дети, видящие все это. И что в итоге? Одно, первое убийство, – и люди превратятся в звериное стадо, волчью стаю. Нет, Заветы неверны. Она ужаснулась. Впервые Она засомневалась в правильности Заветов. Так ли уж прав был Дед?

– Мы не будем убивать Молодого Вождя, – голос Ее был еле слышен. – Пусть он уходит.

Они еще не поняли. Они молчат, пытаясь переварить Ее решение. Но Она нашла его. Умереть – это легче, чем уйти из племени. Это долгая и мучительная смерть. Но Свен же ушел и не побоялся, – мелькнула мысль. Может, и этому повезет. Как знать? Свен-то не вернулся.

Вопящий и визжащий комок вкатился в пещеру. При свете огня Она не сразу распознала его. Но, поняв, не стала

вмешиваться.

Лежащий затих, медленно расправляя стянутые судорогой руки и ноги, но остался лежать. Она скептически наблюдала, как в это тело, лежащее перед Ней, постепенно возвращается разум.

– Страх убивает, сын мой.

– Мне нечего терять, – невнятно выдавили стиснутые челюсти. Спазмы, сотрясавшие тело, постепенно спадали. Наконец, он поднялся, хотя ноги еще не слушались.

– Ты пришел, – сказала Она. – Пришел. – Вздохнула. – Наконец-то.

– Чем я провинился, Мать? – боль непонимания в вопросе. – Чем? Я же хотел, как лучше.

– Ты поступил неправильно.

– Это по твоим меркам неправильно.

– Неправильно по законам, по Заповедям.

– Плевать я хотел на твои Заповеди! Время сейчас другое. И жизнь другая. Мне надоели твои нравоучения. Ты живешь со своими предками и не даешь нам жить так, как нам хочется. Ты устарела, как и Старый вождь. Я потому съел его сердце, чтобы он дал дорогу нам, молодым. И остался с нами. Во мне, если уж на то пошло, – голос его сорвался в крик. – Вдвоем мы вдвое могущественнее.

– Ты ошибаешься, сын, – Она встряхнулась и поднялась, хоть это было нелегко. – Своим поступком ты вернул нас на тысячелетия назад. Так поступали наши предки. Очень далекие предки. Когда они только-только спустились с деревьев на землю. А мы, ушедшие по разуму далеко вперед, неужели мы будем возвращаться назад, к первоистокам? Опять превращаться в зверей? Ты этого хочешь!? Чтобы мы опять стали животными?

Он молчал.

– Я храню мудрость наших предков. Храню то, что оставил нам Дед. Это слишком малая толика того, чем обладала цивилизация. Ее очень сложно сохранить. И я не позволю никому, понимаешь, никому разрушить все, что нам удается еще сохранить. Даже тебе, сын.

– Мама, – молодой Вождь упал к Ее ногам, – прости, мама. Я не понимаю всего этого. Возможно, ты права.

Ноги Ее ослабли, и Она опустилась на колени.

– Сынок, – обняла Она его, может, впервые за многие годы. – Сынок мой, радость моя! Почему так получилось? Я же хотела… Я же думала… Я же пыталась… Почему ты другой?

– Я такой, как и все, мама.

– Жаль. Я надеялась, что ты будешь не таким. Когда вырастешь. Хранителем знаний. Но ты не смог пройти Врата, хотя

сейчас прошел. Смог бы раньше, стал бы другим. И познал бы все, – Она обвела рукой стены, – что здесь запечатлено. Ум, знания предков. И ты бы стал моим продолжением. Но я ошибалась. Гены проклятые во всем виноваты. Чего ждать от сына оленевода? Еще одного оленевода. Но я надеялась, – Она вздохнула. – Жаль.

– Ты должен уйти, – поднявшись с колен, Она сурово посмотрела на Молодого вождя.

– Но я не хочу умирать, мама, – он опять прильнул к Ее коленям. – Я молод. Я могу еще много сделать для племени. Я – лучший. Кто так метко кидает копье? Кто может по следам вычислить добычу?

– Ты должен.

– Но почему?

– Ты преступил закон.

– Все преступают его в чем-то, в каких-то мелочах.

– Это не мелочь. Ты убил человека.

– Старый вождь все равно бы умер.

– Когда-то, на заре прошлой цивилизации было племя. Инки или майя, не помню. Они тоже поедали человеческие сердца. Они плохо кончили. Это мерзко! Нет, я не позволю нашему племени дойти до этого. Ты показал пример. Если он останется безнаказанным, то завтра повторится. Завтра кто-то другой, посчитав себя сильнее тебя, захочет убить тебя и съесть твое сердце. Потом второй, третий… и так далее. И превратится наше племя в племя зверей. Волки, медведи. Они разгрызут, уничтожат наше племя. Нет, я не могу этого допустить. Прости меня, сын, кровь моя, плоть моя, – Она обняла сына и крепко прижала к груди, – но ты должен уйти. Сейчас. Ночью. Пока все спят. Я не хочу, чтобы завтра тебя убивали прилюдно. Это еще одно убийство человека. Этого нельзя допустить. Ведь кто-то должен будет тебя убить. А кто убил раз, будет убивать и дальше. Цепная реакция. – Слезы прочертили ручейки по Ее впалым морщинистым щекам. – Так что уходи. И прости меня за все. Дочь, – обернулась Она к темным закоулкам пещеры, – выйди, простись с братом. Он уходит.

Он ушел ночью. Не один. С друзьями и подругами. Человек десять. Все, в основном, из Ковчега. И это было хорошо. Пришлые плохо приживались, постоянно создавали проблемы. Хорошо, что не один. Один он бы погиб. А так, глядишь, выживет. И создаст свой род, свое племя. Ушел в шторм.

Он приближался медленно, но неотвратимо. Изо дня в день

все ближе и ближе. Мертвый, неуправляемый корабль. Гигант, плавучий остров. Не было на нем ни движения, ни дымка. А может, все скрадывало расстояние.

Охотники первые заметили его и встревоженные примчались в Город. У Нее тогда еще хватало сил забираться на вершину и наблюдать оттуда за медленным движением неуправляемой громады. Вскоре всем надоело следить за сонным течением вод, и Она установила на вершине сторожевой пост.

Только дней через десять корабль прибило к берегу, и он замер на отмели метрах в двухстах от берега. Рыбаки, дождавшись штиля, пошли к нему на своих лодках. А когда вернулись, на берег ступил чужой человек. Она ужаснулась, когда его привели к ней. Почерневшее от грязи лицо, слипшиеся заскорузлые волосы, давно не знавшие стрижки. Костлявые руки и выпирающие сквозь грязные бесформенные лохмотья ребра. Глубоко запавшие глаза.

– Мать Му, – сказал Рыбак, сам приведший чужого, – выслушай его.

– Кто ты? – спросила Она.

– Я бы хотел переговорить с главным лицом вашего племени, – недовольно ответил прибывший.

– Слушаю тебя.

– Но, – пришелец осекся и растерянно оглянулся.

– Ты стоишь перед Матерью Му, чужой. Выше Ее нет никого в стране Му, – сурово произнес Рыбак. – И негоже так стоять перед ней, – он ударил чужака по спине.

От удара тот упал на колени. Двое молодых рыбаков подскочили сзади и заломили ему руки.

Она хотела вмешаться, но Рыбак жестом остановил Ее.

– Отпустите, – все-таки сказала Она.

Рыбаки отошли, но чужак остался на коленях.

– Говори, – подражая моменту, царственно произнесла Она.

– Я – капитан Ковчега. На борту люди. Голодные. У нас нет еды, нет воды, одежды, огня. – Капитан сник. – Ничего нет.

– Ты – Ной? – спросила Она.

Капитан удивленно взглянул на Нее.

– Нет. Ной умер. Уже давно. Откуда ты знаешь его?

– Я не знаю его. И не знала. Книгу одну читала.

– Ной был хозяином корабля. Так он называл себя. Хотя звали его как-то по-другому.

– Ясно. Хотел стать богом. – Она усмехнулась. – Понимаю. Чего вы хотите?

– Ной говорил, что будет суша. Мы пристанем и будем там жить.

– Увы, суша оказалась занятой. Что будете делать теперь?

– Не знаю, – капитан понурил голову. – Мы больше не выдержим. Перемрем все. Нас осталось в живых всего горстка. Может, – он в надежде поднял голову, – у вас найдется место для нас?

– Наша страна набольшая. Пищи хватает еле-еле. Чем вы можете быть полезны? Что вы умеете делать? – спросила Она. – Вы умеете пасти оленей? Можете охотиться, собирать грибы и ягоды, ловить рыбу?

– Мы выжили только за счет рыбы. Остальное… – он развел руками.

– Хорошо. Мы соберем Совет и обдумаем вашу просьбу. Выдели им рыбы, – приказала Она Рыбаку. – Забейте пару оленей. И воды. Побольше. Отвезите на корабль. Ты, – ткнула Она в пришельца, – останешься здесь. Расскажешь все. Если нет, – отправитесь отсюда. Навсегда.

Корабль назывался «Куин Мэри». Его построили незадолго до Потопа. Когда началось потепление. Которое все оттягивали, – сначала прогнозировали через сотни лет, потом – через десятки. Потом поняли, что оно неминуемо, оно уже наступило. Штормы, тайфуны и торнадо терзали берега континентов. Пробуждались вулканы, землетрясения разрушали города. Все это были звенья одной цепи. Только тогда стали задумываться. Что потепление не от техногенных причин, а иных – земных, космических. Астрономы вычислили период колебаний Солнечной системы в Галактике и сроки до максимального разогрева планеты. Историки расшифровали древние письмена майя о периодичности развития цивилизаций и о пятой, последней цивилизации. Вспомнили Тибет с его загадками и статуями представителей прошлых, сгинувших в волнах Потопов цивилизаций. И стали готовиться к наступающему очередному Потопу. Втайне. Причем знали о надвигающейся катастрофе только правящие классы, элита, богатые. Народ, это быдло, об этом знать не должен. Всех все равно не спасти. Большинство погибнет в Великой Волне. Кто же тогда захочет прозябать в последние годы своей жизни за нищенскую зарплату, умирать в бедности. Все бы захотели в последние дни пожить по-человечески. А это значит – брать в руки оружие и убивать. Всех. В первую очередь эксплуататоров, богатых. Затем тех, кто мешает; затем тех, кто пересекает дорогу.… В общем, узнай люди правду, крах цивилизации был бы неминуем. За считанные месяцы. И в подступающих волнах спасаться было бы уже некому.

Поэтому подготовка к катастрофе велась втайне. Запасались

продовольствием, строили океанские лайнеры наподобие Ноева ковчега. И даже космическую станцию. Глупцы! Они не догадывались, насколько долго это затянется.

Вот и на «Куин Мэри» собралась только элита. Места стоили сотни миллионов долларов. Только дельцы могли позволить себе купить билет. Они не скупились, знали, на что идут. И чего со временем будут стоить все их капиталы. Одного не могли понять своим недалеким умишком – что это не недельный, не месячный круиз. Что плавание затянется надолго – на десятки, сотни лет. Брали с собой телохранителей, прислугу, комнатных собачек.

Сначала все было великолепно. Плыли, приставали к еще незатопленным берегам за припасами и для отдыха, устраивали пикники, балы. Потом приставать перестали, – озверелое голодное население само было готово ради спасения разнести все, лишь бы оказаться на борту.

Затем пошли разборки. Элита привыкла командовать. А если на борту одна элита… Семья на семью, группа на группу, клан на клан. По утрам молчаливые матросы вытаскивали окоченевшие трупы и под общее молчание сбрасывали их за борт. Когда застрелили Ноя, капитан не помнил.

Дольше всех продержалась команда корабля. Дисциплинированная, подчиненная уставу, она держалась сплоченной группой и не ввязывалась в разборки. И когда после очередной разборки в рубке появлялся новый «хозяин», капитан привычно приставлял руку к козырьку.

А потом, когда все недовольные перебили друг друга, когда убивать уже было некого, капитан взял власть в свои руки. Впрочем, его вскоре тоже убили. Бунты и передел собственности происходили неоднократно. Нынешний капитан, ранее мичман, был уже шестым по счету.

– А как же пассажиры? – спросила Она. – Неужели никого не осталось?

– Почему же. Остались. Мы их охраняем, не позволяем никому навредить им. Женщин много, дети есть.

– Вы… – Она запнулась, – вы едите человеческое мясо?

Капитан промолчал.

– Отвечайте! – крикнула Она.

– Иначе мы бы не выжили, – нехотя ответил тот. – Но вы поймите, – умоляюще сложил руки на груди, – мяса нет, рыба ловится плохо или не ловится совсем. И так все эти годы… А, вам не понять! – махнул он рукой.

– Едите, значит, – выдохнула Она. – Пассажиров. Стадо из них содержите. Так!? Отвечайте!

– Ну, где-то так, – с трудом произнес капитан. – Но не только

их. Своих тоже. Если старый, больной. Им же все равно.

– Ясно.

Капитан удрученно смотрел вслед удаляющейся во тьму фигуре.

А утром произошло нападение. С корабля сыпались маленькие фигурки и плыли к берегу.

Стройные ряды воинов, местами изломаемые скалами и ложбинами, ощетинившись копьями, молча наблюдали за приближением пловцов. Некоторые не доплывали. Молча погружались в бездну и уже не появлялись на поверхности. Плывущие рядом не обращали на них внимания и только стремились к одной цели – к берегу.

Она собрала всех. Охотники, Рыбаки, Хранители огня, Воспитатели с детьми, – все были здесь. Было сказано: придет Ковчег, и на нем будут люди. Другие люди. Люди – звери. Пожирающие друг друга. Каннибалы. И зло, которое они принесут с собой, изменит мир.

И Зло пришло. Первые прибывшие нерешительно ступали по кромке берега, другие кричали, безумно и неразборчиво, прыгая по суше, третьи, выхватив из-за пояса длинные металлические ножи, угрюмо смотрели на стоявшую перед ними стену воинов. И выжидали.

Наконец, когда последний пловец выбрался на берег, один из них, судя по всему, вожак, что-то выкрикнул, и все скопом бросились в атаку. Размахивая саблями, пираты с воплями мчались на островитян.

И тогда Она подняла руку. Из задних рядов выступили лучники и натянули тетивы. Стрелы попадали в цель, люди падали, но нападающих это не останавливало. Пока они не напоролись на острия копий. Некоторые прорвались в ряды защитников, нанося своими саблями опустошение, но в конце все равно погибали. Нанесенные ими бреши затягивались, и опять перед пиратами возникала неприступная стена, ощетинившаяся копьями.

Волна нападающих откатилась назад. От сотни человек осталось около половины. Удобная позиция, сейчас стрелы закончили бы дело… Но Она не могла решиться и дать сигнал. Те тоже были люди, кто бы они ни были, кем бы ни стали за годы своих скитаний. Люди. А людей итак осталось очень мало.

От толпы отделился человек, отбросил в сторону оружие и, подняв руки, показывая, что безоружен, медленно направился к ним. Вожак, поняла Она.

– Не трогать, – приказала Она. – Пропустить.

Воины расступились, открывая проход. Четверо охотников, направив на пришельца копья, повели его к Ней.

Она сидела на скале так, что подошедшие оказались на уровне Ее ступней. Так и надо, – подумала вдруг Она.

Пират что-то произнес, но Она не поняла и в свою очередь задала вопрос.

– Кто ты?

Тот недоуменно покачал головой и сказал что-то в ответ. И Она осознала, что тот говорит на неизвестном языке. Они не только чужды людям, но даже речь их непонятна. Переговоры невозможны! Убить всех!

Но тут вожак упал на колени и стал быстро, взахлеб говорить, указывая на своих людей, на корабль, на море.

И Она спасовала. Нельзя убивать людей. Просто так. Она поднялась и подозвала Охотника.

– Всех обезоружить. Привести в Город под конвоем. Если кто захочет вернуться на корабль, – не препятствовать. Будьте осторожны! – предупредила его.

Прибежали перепуганные рыбаки. Вода в озере стала соленой. И вся его поверхность была покрыта дохлой рыбой.

Она отрядила рыбаков, дав им в помощь охотников и всех свободных собирать рыбу. В пищу та еще годилась.

Значит, море прорвалось и сюда. А Она надеялась на лучшее. Почти пятьдесят лет прошло, как Солнце с Землей перевалили через плоскость Галактики. Вроде бы все позади. Излучения Галактики, растопившие льды Арктики и Антарктики, горные ледники, пошли на убыль. Метеориты не искромсали планету. Пробудившиеся вулканы не сожгли все кругом и не заслонили своим дымом солнце. Не вспыхнул Юпитер. Но не все сладко. Эти самые майя предрекали, что цивилизация пятая, последняя. Неужели они были правы? Может быть. Ведь затонули же в четвертую и Атлантида, и страна Му. Только Гиперборея выжила. Вот и они выжили. Потому что живут здесь, на останках той самой Гипербореи. Вон ступеньки, вырубленные в камне и уходящие на дно озера. Скала, оплавленная какой-то немыслимой адской энергией. Чье-то лицо в камне. Пещера, в которой живет племя, в которой, закрытой когда-то гиперборейцами на замок Страха, Она создала свой Пантеон, гимн сгинувшей пятой цивилизации. На стенах которой записаны все Заветы, которые оставила эта цивилизация. Что еще ожидает их? Может, не зря пресное озеро стало соленым и убило всю рыбу? Не зря когда-то двадцать лет назад забрел сюда Свен и подарил Ей дочь? Он говорил, что Сканди медленно опускается под воду, тонет. Вот и

до Му дошла вода. Когда все позади – голод, снега и холод, неустроенность жизни. Когда обжились, успокоились, привыкли к стабильности. Все опять начинать сначала? Опять бежать, опять лишения и невзгоды, голод и смерть… Опять…

Опять стук у входа. Дочь сходила и вернулась, – тебя зовут, ма. Опять вставать и идти. Но что значит эта боль в сравнении с болью, когда проходишь через Врата, когда встает на дыбы каждый волосок на коже, когда Страх и Ужас разрывают сердце. Сколько раз еще проходить Ей через Врата, сколько раз подвергаться этой муке?

Дочь пропадает в нижних пещерах. Нашла записи на стенах. Оставшиеся от гиперборейцев. Видно, не зря они поставили Врата Страха на входе. Только нужны ли они нам, эти письмена? Если от этой цивилизации нам уже почти ничего не нужно. Что для нас значат синхрофазотрон и космические станции? Набор звуков, интересное сочетание. А что это такое, Она уже и сама не знала. А может, знала, да забыла. Это знание не для жизни. Это для будущего, для потомков.

– Пришла Волна. Надо уходить. – Повторила Она. Вождям. Охотников, Рыбаков и Лесовиков. И Хозяйке Дома. Когда сидели впятером на Совете. У Городского Огня. Остальные, самые любопытные, жались в сумраке и закоулках Дома, пытаясь хоть что-то услышать. Дочь тоже была. Стояла за Ней. Ей еще не положено было садиться в Круг Домашнего Огня.

– Надо уходить, – повторила Она. – Волна заберет все – земли, леса, оленей. И наши души. Надо уходить.

– Но у нас пока все есть, – возразил Старший рыбак. – Есть рыба в море. Есть леса, есть олени. Есть еда. Зачем же уходить?

– Волна пришла и уже не уйдет. Сегодня она убила рыбу. Завтра она убьет оленей. Что вы будете тогда делать?

– Тогда уйдем.

– Уже не уйдете. Волна перекроет дорогу. Мы на острове. Кругом вода. – Она достала и развернула карту. Она знала, что они ее не поймут, но так было убедительнее. – Здесь многое изменилось. Вода ушла на юг, и здесь появились новые земли. Но это все острова в океане. А нам нужно что-то более основательное. Здесь мы, – Она ткнула пальцем в островок, окруженный со всех сторон водой, – а здесь, – палец уперся в сплошное коричневое пятно, – материк. Нас с ним соединяет только один перешеек. Я не знаю, – Она помедлила, – существует ли этот материк или он под водой, но эти горы, – палец

сдвинулся к востоку, – не должны были затонуть. И путь наш туда. Там спасение.

– Мать Му, – подал голос Лесовик, – зачем ты обрекаешь нас на страдания? Здесь есть все для жизни. Леса полны грибов и ягод. Даже если уйдут олени, мы сможем найти себе пищу.

– Это не вечно, поймите же, – воскликнула Она. – Волна затопит все кругом. И не будет ни ягод, ни грибов. Как не стало рыбы.

– Тогда и уйдем, – возразил Лесовик.

– Тогда уже не уйдем никуда. Волна закроет этот перешеек и отрежет нас от материка.

– А этот твой путешественник, норг, – язвительно заметил Лесовик, – ушел туда да так и не вернулся.

Свен. Свен. Почему же ты так поступил? Забрал душу мою, унес с собой и не вернулся. Я ждала тебя, ждала. Долго. Состарилась уже. Но все еще жду. Вернешься ли ты? Может, сгинул где-то в неведомых краях. Может, волки и вороны уже обглодали твои косточки начисто. Может, акулы растерзали тебя в морских глубинах. А может, идешь ты до сих пор на восход, идешь и не видишь себе остановки, услады. Вернись, ты же обещал! Дочь ждет тебя здесь! Твоя дочь! И я. Сломленная, упадшая.

– Я не знаю, почему не вернулся норг, – твердо вымолвила Она. – Но это не значит, что прохода на материк нет. И мы должны его найти. Выхода у нас нет.

– Но можно пойти на север, – подал голос Рыбак. – Там, на севере, видны земли. У тебя тут на карте их нет.

– Многое изменилось, – Она почувствовала, что устала объяснять этим недоумкам, – Компас меняет направление. Да и вы сами уже, наверно, заметили, что солнце встает и садится не там, где положено. Оно смещается. А Дед завещал, – все замерли и вытянулись, как происходило всегда при упоминании Деда, – что, если компас будет смещаться, жди беды. Вода с Арктики и Ан… – Она запнулась и дальше выговорила по буквам, – тарктики ушла под действием центробежных сил на экватор и сейчас там раскручивает планету. Неизвестно, как та себя теперь поведет. Дед предполагал два варианта. Первый – все останется так же. Волна захлестнет по экватору Африку, Индию, центр Америки, пробьет себе дорогу и будет ходить вокруг Земли по кругу, сметая на своем пути препятствующую сушу. Второй – Волна, не сумев пробить себе дорогу, пойдет по другому пути, поперечному. В этом случае ей почти ничего не препятствует. Она

снесет Аляску и попутно Антарктиду, и путь ее свободен. В первом случае стрелка компаса не изменится, во втором – она будет смещаться. Так вот, – подытожила Она, – стрелка компаса смещается. Значит, Волна нашла себе новую дорогу. И эта дорога – через нас.

Штормило. Ветер гудел и закручивал спирали по долине. Летели камни. Деревьев на вершине сопок уже не осталось, и он забавлялся тем, что метал сверху камни, обнажая скалистые пики, покоившиеся ранее в песке и щебне. Взбесившаяся Волна выбросила лодки далеко на берег, расхлестав их о стволы деревьев и скалы, и стремилась подобраться все ближе, отвоевать землю и заполонить мир.

В такую погоду все сидели дома. Разбрелись по своим пещерам, жгли огни, пытались испечь что-то из своих скудных запасов. Городской огонь был пуст. Хранители огня изредка подбрасывали в него, чтоб не затухал, влажные и потрескивающие ветки. Ей нравилось сидеть у огня и смотреть на борющееся за жизнь пламя, – то затухающее до синевы, то опять взметающееся ярким сполохом.

– Вот так и мы, – думала Она, – взметаемся и опадаем. Как огонь. То ярость и всепоглощающая сила, то слабость и запустение. Вот и сейчас. Опять пришла пустота. Что было, и что осталось? Люди, как муравьи, по всей суше. Машины, корабли, самолеты и космические станции. Уверенность в собственной силе, незыблемости и вечности мира. И… какой-то миг, прихоть небес. Мелочь какая-то, какой не должно было бы быть. Но свершилось. И вот мы такие, какие есть. Что осталось от цивилизации, такой гордой, уверенной, вечной? Островок в океане. Горстка людей, одетых в шкуры, забывших, что такое телевизор, азбука и чупа-чупс. Держащих в руках лук и стрелы, копье, нож, сделанный их камня. Металла-то уже не осталось, – поржавел. И картинки на скалах – остатки былой письменности. Да и те не интересуют. Не до этого. Как бы выжить – это главное. Охота, рыбалка, грибы, ягоды – это главное. Все остальное – второстепенное. Или совсем ненужное. Как и Она. Она тоже уже ненужная. Чужой человек в чужом мире. Кому нужны Ее взгляды и суждения, если они зависшие, ничего не значащие, не относящиеся к этому миру, к настоящей жизни? Кто поймет, что такое сигарета, рюмка вина, музыка, рвущаяся из динамиков, кино, танцы? Невозможно! Невозможно – все иметь и потерять… И жить дальше без всего этого… Невозможно!

– Сколько Ей уже лет? – попыталась вспомнить Она. –

Наверно, уже далеко за сто. Сложно, даже невозможно установить течение времени. Особенно здесь. И сейчас. Когда небо скрыто облаками и туманами. Только изредка, в зимние бесконечные ночи небо иногда проясняется, и видны звезды. И ажурные потоки огня, текущие своими загадочными маршрутами.

Она вернула на место камень и сдвинула следующий. Такие лабиринты из камней сооружали в той, прошлой эпохе. Малая толика из того, что сохранилось надолго. Остальное стерлось, забылось под тяжестью тысячелетий. Как сотрется все то, что Она пытается сохранить. Все ее потуги обречены на провал. Все забудется. Человек опять начнет жизнь заново, изначально. Отбросит все прошлое, превратит в сказки, легенды, вымысел. Как превратили в вымысел когда-то Атлантиду, Всемирный Потоп. И опять будет искать недостающее звено между первобытными людьми и современным человеком. Ему претит мысль о цикличности развития разума, претит считать себя не первым, а каким-то пятым, шестым, как считали майя. Опять будет считать себя вечным, самым разумным существом на планете. Не задумается о том, как хрупка и недолговечна отпущенная ему жизнь. Каких-то двенадцать тысяч лет. Конечно, для его ста лет это кажется бесконечным. Не в состоянии он объять такой длительный период. Если даже из той цивилизации люди извлекли крохи из прошлого только на глубину в семь тысяч лет. А куда делись еще пять тысяч? Более ранние? Сгинули во мраке времени. Или человек дошел до звериного состояния, и ему понадобилось пять тысяч лет, чтобы снова превратиться в самого себя? Пожалуй, что так. Человек – животное кочующее. Как кочующий и весь животный мир планеты. Попробуй-ка пожить стабильно на нестабильной планете. Когда она вместе со своим светилом постоянно качается относительно плоскости Галактики, периодически то удаляясь, то приближаясь к ней. Периодически то нагреваясь, то остывая. Соответственно этому колебанию на Земле наступают Всемирные Потопы, за которыми следуют Ледниковые периоды. Затем опять все повторяется. Через каждые двенадцать тысяч лет. Критические периоды жизни. То потоп, то холод. Потому человек вынужден постоянно двигаться. Вместе с теплом. Как перелетные птицы, только у тех период кочевки укладывается в год. Вот и нам наступает пора откочевывать. Солнце прошло плоскость эклиптики Галактики, и теперь Земля начнет понемногу остывать. Скоро на полюсах опять начнутся собираться нерастапливаемые льды. Скоро к нам будет подбираться стужа. И тогда волей-неволей нам придется уходить отсюда. Жаль, не знали люди прошлой эпохи всего этого. Или не хотели знать.

– А они еще пытались разгадать загадку лабиринтов!? – усмехнулась Она. – Но не успели. Разгадала я. Здесь, сейчас. Когда не оказалось под рукой ни дерева, ни ножа, как у Робинзона Крузо. Кстати, кто это? Опять создаю каменный лабиринт. Каменный календарь. Вот только камней побольше, чем было раньше. Не триста шестьдесят пять, а триста восемьдесят один. Земля после катастрофы стала вращаться медленнее. Впрочем, оно понятно. Все массы воды от стаявших ледников Арктики и Антарктиды, горных пиков стеклись к экватору под действием центробежных сил. И замедлили период вращения Земли. Потому и удлинился лабиринт. Лабиринт. Он все помнит. Все расскажет. Вот с этого камня начинается оттепель. В ту группу камней у берега проходит косяк трески, в ту – сельди. А в этот день, – Она ласково прикоснулась к белому кварцевому обломку, – появился он. И мы зачали нашу дочь. – Все было. И все запечатлено на века, тысячелетия в этом календаре моей жизни.

– А Ольга строит свой лабиринт. Тайком. Глупая! – Она случайно обнаружила эту спираль из камней, подглядела. Но решила не нарушать тайну дочери. Она делала все правильно. И пусть далекие потомки спустя двенадцать тысяч лет опять безрезультатно бьются над разгадкой их лабиринтов.

– Но майя ошиблись! – Она в этом уверена. – Они предрекали, что та, прошлая цивилизация, пятая по счету, будет последней. Почему? Что они знали такого, чего не смог узнать никто. Мы выжили. Наша цивилизация, шестая, возрождается. А не рано ли я радуюсь? – подумала Она. – Угрозы Солнца нет. Конечно, оно ожило, бурлит, пылает своими огненными лучами, плюется протуберанцами. Но не вспыхивает. Стабильное. И цвет не изменило. Не покраснело, такое же желтое. Другое дело – Юпитер. От него была основная угроза. Что вспыхнет, взорвется и своим огнем сожжет на Земле все живое. Но он не вспыхнул. Не было с неба испепеляющего огня, который должен был превратить нашу планету в некое подобие Марса. Все также мерцает в небе невзрачная звездочка. Все также, наверно, катится по его поверхности «красное пятно» – этот провозвестник вспышки, новая нарождающаяся планета второй звезды нашей солнечной системы. Не созрел Юпитер для этого, не состоялись роды. А значит, нам отпущен еще один срок. Еще двенадцать тысяч лет. До следующего входа Солнца в плоскость Галактики.

Никто этого не ждал. Не думал. Мир жил уверенно. И в будущее глядел уверенно. Потепление – это мелочь, результат прогресса, технологий. Его можно исправить. Если человек в

результате своей деятельности вызвал потепление климата планеты, то он это и может остановить. Он все может. Он – хомо сапиенс, человек разумный. Увы, он никогда не задумывался над тем, что природа, Вселенная сильнее его. Что такое человек? Некая разновидность органического мира, основанное на соединениях водорода, углерода и кислорода, присущих какому-то куску шлака, выброшенного звездой, болтающейся на окраине Галактики, угасающей, выработавшейся, годной только лишь на списание. И вдруг это существо решило, что оно всемогуще. Опираясь на своих, созданных им самим в угоду себе идолов, богов, это шевелящееся Нечто возомнило себя Разумом. Да, на фоне всего шевелящегося человек, конечно же, должен был возомнить себя венцом творения. Но кто он на самом деле? Он является теплокровным, то есть относится к виду животных. Воспроизводит потомство внутриутробно, как все животные. То есть отошел немного от птиц, земноводных, насекомых и прочих. Живородящий, хотя и в других видах такое бывает, например, у рыб.

Человек не отделен от животного мира. Он принадлежит ему. Потому что живет в этом мире, связан с ним неразрывными узами. Ему присущи все признаки и характерные особенности существ животного мира.

Он всеяден. Употребляет в пищу как растительность, так и себе подобных. Это обусловило его выживаемость. Он независим от пищи и может приспособиться к любым условиям благодаря восполнению своей энергии как за счет живой органики – животные, пресмыкающиеся, рыбы, птицы, насекомые, – так и растительной. Эта всеядность дала ему громадный шанс на выживание. Никто другой в этом мире не приспособлен к этому. Разве что крысы из животного мира и тараканы из мира насекомых обладают таким же свойством. Остальные ориентированы на свои ареалы обитания и погибают в случае исчезновения источника питания.

Он агрессивен, как хищник, и даже хуже. Хищнику необходимо иметь свою территорию, чтобы питаться. И защищать от вторжения других хищников. Захватывать другие территории в случае изменения условий обитания. Человеку это тоже присуще. Он также склонен к захвату власти, как и вожак в стае. К обладанию деньгами, самками. К созданию своего ареала обитания. Он это завоевывает. Не зубами, как тигр, а другими методами, человеческими. Теми же деньгами, властью, женщинами. Хитростью, обманом, коварством и подлостью. Методы разнообразнее, нежели у льва или тигра, но служат одной и той же цели – создать свой ареал, свой мирок, свое государство.

Где он будет жить уверенно.

Человек так же, как и все живое, служит только для воспроизведения своего рода. Основная цель у него та же самая, – оставить после себя потомство. Этот инстинкт заложила в него природа. И он, как и насекомые, рыбы, крокодилы и курицы рождает, воспитывает, охраняет свое потомство, пока то не станет на ноги. Половой инстинкт в нем также преобладает над всеми другими, ему он отдает большую часть своей жизни.

Единственное отличие человека от всего живого, – будь то рыба или птица, насекомое или пресмыкающееся, животное, – это то, что человек обрел разум. В какой-то мере. Более совершенный, чем у других видов. Он остался животным, но разум продвинул его несколько вперед по лестнице эволюции.

Он остался хищником, но расширил свой ареал обитания.

У него та же цель воспроизводства, но он создал лучшие условия для выживания своего потомства.

Он создал сообщество для совместного выживания, пусть и не такое идеальное, как у пчел и муравьев.

Он сумел приспособиться к выживанию в любых условиях. На планете в каждой климатической зоне живут только те виды, которые приспособились, адаптировались к окружающим условиям. Человек сумел приспособиться для выживания в любых условиях.

– На севере Европы существовали только одни горы – Хибины. Высотой до тысячи метров и более. Только их не смогла накрыть Волна. И только там выжили люди. Остальные – сопки Мурмана и Норвегии – высотой триста – четыреста метров – не смогли удержать натиск Волны. Но может… Откуда пришел Свен? Где-то кто-то выжил. Не все оказалось затопленным. И куда ушел? Если бы не нашел пути, вернулся бы. А он не вернулся. Значит, есть дорога на восток. Если, конечно, он не погиб в пути, не утонул, его не задрал медведь, не загрызли волки, не сожрали тюлени, не забили клыками моржи. Если… Очень много если, – вздохнула Она.

И опять будет все изначально. Опять Солнце уйдет вглубь, в сторону от Галактики. Во тьму, в холод. Опять покроется Земля снегом и льдом. На шесть тысяч лет.

И опять повернет Солнце вспять. Опять все начнет таять. И вернется жизнь на лоно планеты. На следующие шесть тысяч лет. Шесть тысяч… Как это долго! Даже будь Она Богом, ей не дожить до этих времен. Надо довольствоваться тем, что есть.

Она встала, приложила козырьком руку, чтобы спрятать глаза

от яркого, лежащего на сопках солнца. Тонкая ниточка на склоне сопки – это они, Идущие Вперед. А Она остается. Она – Владычица Мурмана, Мать Му. Она – Керкира Ее имя – Она остается.

«Аз есмь царь!». Каждое слово – зов издалека. Что там Атлантида, от которой не сохранилось ничего, кроме легенды. Здесь каждое слово зовет к тем, далеким временам. Не до-Потопным. После-Потопным.

– Ты будешь царем! – сказала Она, и тут же поправилась. – Нет. Царицей. Твой муж будет царем. Над всей Землей Русской.

– Но Ма! – возразила дочь. – Как же! Неужто я позволю кому-то командовать? Управлять?

– Дочь, ты будешь управлять. И народами. И мужем своим. – Она усмехнулась. – Что не сможет сделать женщина, то не сможет и Бог.

– Я боюсь, мама! – Ольга прильнула к Ее коленям. – Не смогу я.

– Сможешь! – Она схватила дочь и подтолкнула к выходу. – Смотри! Это – стадо. Ты – вожак. Ты управляла здесь, помогала мне, изредка даже вела свою волю вопреки мне. Неужели ты не сможешь управлять этим стадом и дальше?

– Я… – Ольга замялась, – я боюсь.

– Забудь это слово. Иначе не стоило мне страдать, мучиться в этой пещере от холода, дождя, грязи. Мне, выросшей среди благ цивилизации. В тепле, мире и радости. Когда эта радость казалась бесконечной. Я могла умереть сразу, не мучаясь. Под Волной это легко. Но Бог дал мне иной путь. Я следовала ему. Что я имела? Холод, голод. От вечной сырости мои колени уже не сгибаются, а как больно вставать и идти, – ты не представляешь! Я могла уйти в любой момент. Всего-то лишь броситься в Волну. Но я вытерпела, терплю и тебе приказываю: терпи! Это твоя Судьба. И ты должна пройти ее гордо и с достоинством. Чтобы никто не сказал: «Ольга оказалась слабой для таких дел». Бог на своих скрижалях начертил твою судьбу, и ты уже неподвластна другому. Я бы с радостью взяла на себя твою ношу, дочка, но я уже не смогу. Годы мои сочтены. Дальше Русь поднимать тебе. А я… – Она задумалась. – Я сделала все, что могла. Чтобы сохранить Русь. Подымать ее – это уже твое дело.

– Мама, – Ольга осеклась. – Мать Му. Можно, я заберу с собой весь корпус амазонок. Мне это очень поможет в будущем пути.

– Весь – нет. – Она задумалась. – Оставь несколько человек. Лучших. Чтобы они воспитали следующее поколение амазонок, которых я отправлю вслед за тобой. Для тебя.

– Хорошо, Мать Му, – Ольга склонила голову. – Я согласна.

Она не смогла подняться на вершину, чтобы проводить их. Они уходили. Первые. Все повторялось. Каждые двенадцать тысяч лет.

Двенадцать тысяч лет назад Солнце в очередной раз вошло в плоскость Галактики. И был Потоп. Всемирный Потоп. Воспоминания о нем сохранились крупицами в легендах и религиях разных народов. И о былых цивилизациях. Атлантида, Страна Му, Лемурия, Гондвана, Гиперборея.

Был Потоп. Потому что возросло тепловое излучение Галактики и ближайших звезд. Это тепло растопило вековые льды полюсов. Уровень воды морей и океанов поднялся, сушу затопило. Не везде. Над водой остались вершины некоторых горных массивов. На них-то и спаслось все живое. В том числе и люди. А потом, когда через сотни лет вода сошла, люди спустились вниз. И начался новый виток жизни. За тысячелетия выживания люди забыли все, чего достигли ранее. И спустя три-четыре поколения человек опять шел с каменными копьями и дубинками на мамонта, рисовал картинки на скалах и хранил огонь в пещерах. Поезда, самолеты, компьютеры и космические корабли будут, но в будущем. Через тысячелетия.

И вот опять все повторяется. Опять плоскость Галактики, опять этот треклятый двенадцатитысячелетний цикл, опять Волна, сокрушающая цивилизацию. И опять человек оказался у костра. В который уже раз.

В той, прошлой цивилизации ученые гадали, спорили, откуда же пошла Русь. Выдвигали свои гипотезы. Но так и не сошлись ни на чем.

А Русь-то пошла отсюда, с берегов Сейд-озера. Священного озера. Только здесь, на севере вода, ушедшая к экватору, оставила незатопленными горы Мурмана. Только здесь выжил человек. А потом двинулся на юг, спасаясь от наступающего Ледникового периода и осваивая освобождающиеся от воды земли Европы. Отсюда пошла Русь. Заселила всю Европу, и только море и неприступные горы на юге остановили ее. И хотя в последующем ее оттеснили наступающие с юга племена Ноя, а с востока скатившиеся с гор Тибета воинственные племена кочевников, Русь не исчезла. Она ассимилировалась с пришлыми, приняла их более легкий в произношении и письме язык, приняла их культуру. Но осталась Русью. Слова из ее языка остались в названиях рек и городов, в языке от Атлантики до гор Урала. В особенности это сохранилось в Восточной Европе.

И вот сейчас это повторяется. Уходит первая группа. В

неизвестность. В пустынную Европу. Осваивать свободные земли. Первая. За ней пойдут другие. Неиссякаемым потоком жизни.

Она переместилась на камне, чтобы выбраться из подступившей тени. Как благодатно солнечное тепло! Особенно сейчас, когда прожитые годы тяжелым грузом давят на плечи.

Да, Русь пошла опять. Сохранится ли это имя спустя тысячелетия? Сохранится ли память о Мурмане, о некоей стране Му, – очередной? – прародине будущей цивилизации? Вспомнят ли о Ней, Матери Му, сохранившей осколки прошлой и заложившей ростки новой человеческой цивилизации?

Уходила Ольга. Странно все это, загадочно. Ольга – Хельге. Олег – Хольгерт. Игорь – Ингварь. Все повторяется. В прошлом цикле Изначальную Русь подымали те же Хольгерты, Хельги, Ингвари. Потом их имена переиначили в Игорей, Олегов, Ольг. Как и Рюрика. В Юрия. До христианства. Потом уже, после покорения Руси южанами стали давать новые имена – Владимир, Владислав, Изяслав и прочие. Но старые имена сохранились. Их невозможно было искоренить. Не удалось. Так и сейчас. Опять Русь уходит покорять, осваивать пустые земли Европы, и опять их ведет, как и двенадцать тысяч лет назад, Ольга. Хельга. Все повторяется…

Уходила Ольга. Со своей дружиной. Первые. Первые, кто, как и тысячи лет назад, обоснуются на холмах и равнинах, реках и озерах дикой Европы. Первые, потомки которых достигнут берегов второго Русского моря, – нет, не Балтийского, как его когда-то называли, а Черного. Его тоже когда-то называли Русским. Обоснуются и оградят Русь от волны ариев и протоалтайцев, которые хлынут опять на плодородные земли Европы с юга и востока. Лишь бы Русь успела. В прошлой жизни Китай отгородил себя Великой китайской стеной от вторжения монголов. Успеет ли оградить себя Русь? Может ли Ольга передать Ее Последний Завет своим потомкам? Смогут ли они выполнить его?

А ведь еще будут арабы. И там тоже надо будет ставить стену? Что было в прошлой жизни? Пришли арии, пришли арабы. Весь Запад в итоге превратился в кучку государств, потерявших язык и корни Родины. Только Восток остался, выстоял перед бурным натиском кочевников. Не разрушил себя и даже захватил большую часть Азии. Ту, что за Уралом. А на извращенном, покорившемся иноземным племенам Западе лишь кое-где в названиях городов, рек, местности осталось слово Руси – рось, прусь, фрязь, кельт, жмудь, круль, речь. Слова из языка Руси. Хотя, – задумалась Она, – на Руси тоже осталось мало. Те же саамь, чудь, весь, мерь, карель, ливь, – что они помнят из родного

языка? Осталось что-то из финно-угорской группы, но ведь они же не помнят ничего! Как рождалась Русь после Потопа. Как упорно шла на юг, восток и запад. Как заполонила всю Европу от первого Русского до второго Русского моря, от Атлантики до Урала. Все забыли. Корни свои забыли. И так будет снова? Опять Запад Европы будет воевать с Востоком Европейским? Опять брат будет убивать брата? Пусть в седьмом, семнадцатом, двадцать седьмом колене. Увы, – вздохнула Она, – это неизбежно!

Запретная зона

Крушение

Экран был черным. Не осязаемо черным, как беззвездная ночь или, к примеру, неосвещенная комната. И даже не таким черным, как панели энергонакопителей, полностью поглощающих любой вид излучения. Чернота экрана вызывала неосязаемый страх. Будто за этой чернотой не было ничего – ни звезд, ни пространства, ни времени, ни мысли – абсолютно ничего. И хотя такое не укладывалось в голове, хотя Таной знал, что это обман зрения или даже не зрения, а внутренних чувств, что в действительности существуют и звезды, и пространство за стенами этого черного мрачного туннеля, чувство безысходности, своей ничтожности не проходило. То ли от этого чувства, то ли оттого, что внепространственный туннель, несмотря на заверения нейробиоников, все-таки воздействовал своими загадочными излучениями, голова Таноя раскалывалась от боли. Так было всегда, когда шли в подпространстве. И также одинаково у всех, кто дежурил на пульте, болела голова. Привыкнуть к этому было невозможно, как невозможно привыкнуть к радостям и печалям. Поэтому головная боль при внепространственных переходах воспринималась как неизбежность, которую оставалось только принять без попыток справиться с ней.

А белое пятнышко, яркое как близкая звезда, но в противоположность ей не обжигающее глаза, бесконечно далекий свет, обозначающий конец туннеля, до которого еще никому не удавалось добраться, живым во всяком случае, было еще далеко. И как корабль мчался к этому ярко блистающему во мраке пятнышку, так и Таной неосознанно, как мотылек на огонь, стремился всей душой на его далекий манящий свет. Казалось, не будь стенок корабля, державших Таноя в плену, он в своем неудержимом стремлении мгновенно достиг бы этого пятна и освободился от мрачной тяжести туннеля.

Но все было обманчиво – и безысходность, и жуткая граничность стенок туннеля, и мнимая досягаемость его конца. Чтобы справиться с этой обманчивостью, не позволить эмоциям взять верх над собой, Таной старался реже смотреть на экран монитора. Быстрый взгляд, чтобы убедиться, что пятно лежит по-прежнему на пересечении визира, и снова в сторону. Хотя экран звал к себе, манил, затягивал как омут. Не один пилот уже сошел с ума, поддавшись жгучему зову света. Конечно, можно было бы

довериться автоматике и не рисковать понапрасну жизнью пилотов, но двойной контроль, контроль дополнительно пилота над автоматом, каким бы совершенным тот ни был, все равно необходим. К такому выводу звездные цивилизации пришли после неоднократных исчезновений кораблей в туннелях. Поэтому в пилоты шли самые крепкие парни. Слабонервным тут было не место.

Внезапно в голове вспыхнул, распустился малиновый бутон и тут же опал увядшими потухшими лепестками. Мысли Таноя мгновенно улетучились. Вглядываясь в экран и еще не успев осознать происходящего, он уже автоматически нажимал кнопки аварийного выхода из подпространства и торможения. Белое пятно на экране размывалось, сбивалось полосами помех, появлялось вновь в попытке стабилизироваться, но снова исчезало. По стенкам туннеля пробегали сполохи всех видимых и невидимых спектральных тонов, создавая на фоне черноты сатанинскую какофонию света. Таной, подключившись мысленно к Интелу, искусственному мозгу корабля, сжался, крепко вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники кресла. Трещали от непомерных перегрузок переборки корабля, один за другим выходили из строя автоматы. Силовые поля, бушевавшие вокруг корабля, пытались скрутить его и выжать как мокрую тряпку. Где запаздывая, где опережая команды Интела, Таной вступил наравне с ним в борьбу за спасение корабля.

Потоки силовых полей постепенно слабели, уже не так сотрясая корабль в своих могучих лапах. Затухали и сполохи света. Убедившись, что Интел справляется сам, Таной отключился от него. Медленно снимая оцепенение, разминая превратившееся в металл тело, он вытер струившийся по лицу пот и посмотрел на экран.

Туннеля не было. Исчезла томящая темнота, исчез яркий свет в конце туннеля. Теперь по всему экрану, черному, но уже не такому жуткому, рассыпались блестки звезд. Холодные, застывшие в своей вечной красоте, они показались Таною до того родными и близкими, что по телу пробежала жаркая волна.

Распахнулся люк, и в отсек ворвались Эанна с Миуром.

– Что случилось? – по лицу Миура стекала из рассеченного лба струйка крови, пятная серебристый комбинезон. Но он не замечал этого.

– Не знаю, – Таной был озадачен. – Ощущение такое, будто на нашем пути возникла помеха.

– Но это невозможно! – воскликнула Эанна. – Не может в туннеле быть помех. Ведь в нем нет ни пространства, ни материи как таковой.

– В том-то и дело, – Таной поглядел на экран. – Такого еще не случалось. Не должно быть, но что-то же было. Что?

– Может, наш туннель пересекся с другим таким же туннелем. Может, на том корабле сейчас тоже бьются над этой загадкой, – Миур помолчал, тряхнул головой. – Нет, такого тоже быть не может. Там, где нет пространства, нет расстояний и, следовательно, нет и точек соприкосновения.

– Раз внешнее воздействие исключается, – сказала Эанна, – остается одно – неисправность самого корабля.

– Надо запросить Интел, – Миур, сосредоточившись, поднес руку ко лбу и тут же отдернул, изумленно разглядывая кровавые следы.

– Не стоит ему мешать, – остановил его Таной. – Интел и так работает сейчас на перегрузке – систему восстанавливает. Давайте и мы пока займемся собой. Опасность вроде миновала.

Планета-призрак

Миур полулежал в кресле, сконцентрировавшись на залечивании раны на лбу. Эанна помогала ему своим биополем. Кровь течь перестала, и на зарубцовывавшемся шраме уже появилась тоненькая бледная кожа. Серьезных повреждений больше ни у кого не было, если не считать нескольких синяков. Эанна немного прихрамывала, но ногой она решила заняться после того, как поможет Миуру.

По всему кораблю происходило движение. Сновали мусорщики, собирая осколки разбитых приборов, заращивались трещины в переборках, заменялись агрегаты и модули в вышедшей из строя аппаратуре. Самовосстанавливающаяся система корабля работала на полную мощь, и отвлекать Интела от управления ею не хотелось. Оставалось только ждать, изнывая от безделья, или же попытаться самому разобраться, где они очутились. Но это оказалось непосильной задачей. Расположение звезд и скоплений было абсолютно незнакомо. Хотя дальние галактики можно было узнать, – ведь они почти не меняются, несмотря на то, в какой точке ты находишься. Но исчезновение одних и появление на их фоне других звезд искажало знакомые очертания и сводило все попытки на нет. Единственное, что удалось установить Таною, – это то, что, судя по скоплению звезд в одной части плоскости и разрежению в противоположной, дисколет оказался где-то на краю галактики. На этом все закончилось. Без помощи Интела разобраться в этой неразберихе невозможно.

А тут и Интел отозвался сам. Вновь полыхнули и погасли в

голове бутоны, но уже не малинового, а розового цвета, в какой-то мере тоже опасного, но уже не в такой степени.

– В секторе пятого монитора, – сообщил он, – обнаружена планета блуждающего типа. Обладает мощным гравитационным полем порядка восьми единиц. Дисколет сносит в сторону планеты.

– Это не страшно, – отозвался Таной. – Пусть сносит. Выберемся. Как у тебя с восстановлением?

– Основные работы закончены. На оставшиеся недоделки используется двадцатая часть мощностей. Готов к действию.

– Хорошо. Покажи планету, а то ее не видно в оптике, – попросил Таной, усаживаясь в кресло перед пультом. Эанна и Миур с уже рассосавшемся, почти невидимым шрамом, устроились в соседних креслах.

Звезды на центральном экране сдвинулись с места и россыпью бросились в разные стороны, исчезая одна за другой на границе экрана. В центре, заслоняя звезды, вырастало темное круглое пятно. Заполнив весь экран, пятно застыло. Редкие звезды, собравшиеся в углах экрана, мерцали и дрожали от гравитационных искажений.

– Приближение – шесть, – сообщил Интел.

– Ничего не видно. Смести спектр видимых частот.

Из темноты серебристыми блестками стали проявляться далекие ландшафты планеты. Скалистые изломы, миниатюрные метеоритные кратеры казались нарисованными искусной рукой художника.

– Неужели это она вырвала нас из туннеля? – сказала Эанна.

– Вряд ли, – отозвался Таной. – Силенок у нее на это не хватило бы.

– Радиус три минус восемь п-единиц, – выдал Интел. – Атмосфера отсутствует.

– Мертвая планета, – заключил Миур. – Планета-призрак. Ничего интересного. Поехали дальше.

– Может, облетим, – предложила Эанна, – на всякий случай. Чтобы потом не сожалеть. Вдруг найдем что-нибудь интересное. Ведь не зря она оказалась вдали от всех звездных систем.

– Таких немало слоняется в космосе, – возразил Миур.

– Согласен с Эанной, – поддержал ее Таной.

– Ладно, – отозвался Миур.

Интел, уловив решение, неслышно запустил двигатель. Изображение на экране дрогнуло и поползло вниз. Но вдруг по экрану волнами побежали помехи, смазывая изображение планеты. Планета, дергаясь и искажаясь, медленно вернулась в центр экрана.

Интел, полыхнув малиновым бутоном, сообщил:

– Резкое возрастание гравитации на два порядка.

– Вот тебе и мертвая планета! – ахнул Таной. – Не желает нас отпускать. Попробуй постепенно увеличивать кривизну, – приказал он Интелу.

По экрану вновь побежали помехи. За бортом дисколета шла невидимая борьба между ним и планетой. Внутри это не ощущалось. Система жизнеобеспечения держала все параметры в пределах нормы, не пропуская мощные гравитационные удары, схлестывающиеся снаружи. О том, что там происходит, узнать можно было, только подключившись к Интелу.

– Гравитация возросла на девять порядков, – Интел был беспристрастен, – и продолжает расти пропорционально увеличению кривизны.

– Получается, что мы стоим на месте?

– Почти. Дисколет продолжает сближаться с планетой.

– Плохо дело. Надо подключаться к Интелу, – предложил Таной товарищам. Те согласились и начали концентрировать свои биополя. Подключившись к Интелу, они перестали быть индивидуумами и превратились в один единый Мозг, усиленный, сверхмощный.

Дисколет оказался в ловушке. Как муха, запутавшаяся в паутине, направляет все усилия на то, чтобы вырваться, а паук все сильнее стягивает ее, закручивает в кокон, так и корабль оказался закрученным в коконе силовых полей. Чем больше усилий прилагал он, чтобы вырваться, тем туже затягивались вокруг него силовые нити, сильнее нарастала гравитация. Суматошные рывки в попытке вырваться из кокона ничего не дали и только ухудшили ситуацию. Планета-призрак все стремительнее приближалась, грозно разрастаясь на экране и заслоняя звездные скопления.

– Стоп! – крикнул Таной, отключаясь от Мозга. – Двигатели здесь не помогут. Чем большую кривизну мы будем создавать, тем мощнее будет гравитация планеты.

– Ужасно! – Эанна, сжав ладонями лицо, смотрела на экран. – Нам не вырваться.

– Надо уходить в подпространство, – предложил Миур.

– Сомневаюсь, – Таной думал. – Ведь это она вырвала нас из туннеля. Сейчас получится то же самое.

– Выходит, нам конец?

– Не спеши. Придумаем что-нибудь.

– Ой, что это? – воскликнула Эанна. – Смотрите!

Планета заслонила уже весь экран. Ее поверхность, освещаемая слабым светом далеких звезд, стала видимой. Игрушечные горные цепи и разломы предстали перед пилотами.

– Не туда смотрите, – торопила Эанна. – В левом нижнем углу. Будто искорка мерцает.

– Увеличение! – приказал Таной.

Искорка вздрогнула и поплыла к пересечению визира, увеличиваясь на глазах.

– Что это? – голос Эанны дрожал.

На экране мерцал серебристый цветок. От центрального яркого пятна раскинулись в разные стороны тонкие перистые лучи, удобно разлегшиеся на ровной, будто искусственно созданной поверхности. Пульсирующие волны света расходились от центра к концам, как круги на воде от брошенного камня. Что-то завораживающее было в этом мерцании.

– Радиус пять минус шестнадцать, – сообщил Интел.

– Ого! – Миур оглянулся на товарищей. – Исполин!

– Гравитация направленная, – продолжил Интел. – Идет от обнаруженного объекта. Дисколет сносит точно в центр.

– Ясно, – произнес Таной.

– Что ясно-то? – взвился Миур. – Что конец нам приходит?

– Ясно хоть, с кем бороться. А то все в потемках – планета, планета. Планета тут не при чем. Это цветок нас затягивает.

– Не все ли равно, цветок или планета, если скоро от нас ничего не останется.

– С цветком-то мы справимся. С планетой было бы сложнее. А у цветка сектор обзора ограниченный. Стоит только выйти из него, и мы свободны.

– Еще неизвестно, выйдем ли, – возразил Миур. – Лучше сжечь его лазером.

– Жалко, – Эанна не отрывала глаз от экрана. – Смотри, какая красота! Чудо космоса. Может, это единственный экземпляр, а ты его лазером. Уничтожить просто, а как потом жить с пятном в душе? Лучше уж самой погибнуть.

– Это вы, гирры, готовы все, что вам мешает, уничтожить, – поддержал ее Таной, – Вот и со своей планетой что сотворили? Конечно, с вашей концепцией уникальности разума это сходится. Но разум на то и разум, чтобы подходить ко всему разумно. Признавать уникальность такой вот планеты, этого цветка, да и вообще любой пылинки в космосе.

– Что ты предлагаешь? – хрипло произнес Миур. – Сидеть, сложив ручки, и восторгаться его красотой? Только вот не с кем будет потом поделиться своими впечатлениями. – Не успеем.

– Может, и успеем, – улыбнулся Таной. – Судя по поведению, цветок – существо неразумное. Обычные рефлексы на уровне животного или растения. Вот остановились, – и гравитация соответственно снизилась. Хватательный рефлекс на движущуюся

мишень. Но мы-то умнее. Попробуем обмануть его. Уйдем в подпространство у самой поверхности, чтобы он опомниться не успел.

– Что же это такое – животное, растение или чье-то оружие? – спросила Эанна.

– Сейчас определить сложно. Для этого нужно забраться внутрь его и изрядно покопаться, – ответил Таной. – Но мне что-то не хочется добровольно лезть туда. Вот если нам не удастся вырваться, тогда поневоле придется заняться его изучением. Если, конечно, он нас не слопает.

– А если вырвемся, – Добавил Миур, – то все равно попытаемся подобраться к нему поближе и обследовать.

– Согласен, – ответил Таной.

Эанна искоса глянула на них, кивнула и опять отвернулась к экрану.

Медленно текло время. Медленно вырастал на экране цветок. С его ростом в душах пилотов росла тревога в успешности предпринимаемой попытки. Центр вырос уже настолько, что можно было его подробно рассмотреть. Лес щупалец, длинных, медленно извивающихся, тянулся к кораблю. Казалось, спасения нет.

– Пора! – хрипло шепнул Таной.

Все подключились к Интелу, чтобы усилить его в этот решающий миг. Приятно было чувствовать, как возрастает мощь твоего разума, усиленная Мозгом и разумом твоих товарищей, как становиться подвластной тебе любая пылинка, планета, звезда, весь космос. Даже этот цветок уже не кажется опасным. Вот только от потери индивидуальности остается неприятное ощущение, накладывающееся на душу, мысли. И не совсем понятно, что представляет в этот момент такой симбиоз нескольких разумных и одного искусственного интеллектов. Разумный корабль? Возможно.

Он включил двигатель и, следя за реакцией цветка, стал медленно набирать скорость. Чем больше скорость, тем легче пробить туннель в пространстве.

Цветок, по-видимому, не привык, чтобы жертва сама спешила к нему в пасть, и на ускорение сближения никак не отреагировал. Корабль наращивал скорость. Цветок вырос настолько, что закрывал собой уже половину видимой сферы. Но что это?

Звезды, застывшие позади корабля, вдруг сорвались с мест и ринулись к центру этой сферы. Лепестки цветка дрогнули и начали плавно загибаться вокруг дисколета.

– Пространство сворачивает вокруг своей добычи, чтобы не ускользнула, – с содроганием подумал Корабль. – Назад теперь

хода нет в любом случае.

Центр, к которому стремились звезды, разгорался яркой точкой все сильнее и сильнее. Уже невозможно смотреть на него без светофильтров. Последние звезды влетели в него. Еще миг, – и точка, ослепительно мигнув напоследок, погасла. На том месте, где она только что сияла, сошлись лепестки цветка, сомкнулись между собой и полностью заслонили пространство.

Теперь кругом, куда ни глянь, переливалась бледным мерцающим светом пустота. И щупальца, гигантские извивающиеся щупальца, жадно тянущиеся к Кораблю. Они были уже так близко, что казалось, еще миг, – и дисколет врежется в них, запутается в их переплетении, а те медленно, не спеша, будут разрывать его на части, крушить переборки, добираться до бесчувственных тел в креслах, хватать, тащить их волоком по переходам и…

– Н – е – е – т! – такая мысль невыносима даже для биомеханического интеллекта. Сигнал, – и двигатель переходит в режим подпространства. Зыбкая пустота взрывается всплесками света и тьмы, мелькают в последний раз щупальца, и наступает темнота. Та жуткая темнота внепространственного туннеля.

– Стоп! – тут же дает команду двигателю Корабль.

Через некоторое время вновь зажигаются вокруг корабля звезды, мирные, добрые.

Экипаж отключается от Интела.

– Пронесло! – Таной разминает застывшие члены и вглядывается в экран. – Далеко отнесло. Расположение звезд сильно изменилось.

– Зато цветка нет, – отзывается Миур. – Живем!

Секреты Интела

– Интел, – приказал Таной, – доложи обстановку.

– Планеты-призрака нет, – начинает Интел. – Опасность исчезла. Дисколет находится в окрестностях неизвестной звезды класса М5. Зафиксировано наличие девяти планет.

– Определись в координатах. Что за звездная система?

Интел долго молчит, наконец, словно нехотя отвечает:

– Зона закрыта для полетов. Сведения под запретом.

Все ошеломленно впиваются в экран.

– Что за чушь? Как под запретом? Может, Интел повредил свой мозг при аварии?

– Все мои блоки и модули в полном порядке, – невозмутимо отвечает Интел.

– Но это же абсурд! – воскликнул Таной. – Кому может

прийти в голову засекретить информацию, которая нужна для полетов? Как мы выберемся отсюда, не имея ее?

– Сколько летаю, – сказал Миур, – а не знал, что в космосе существуют запретные зоны. Что будем делать?

– Надо уходить, – Эанна из тех женщин, что привыкли подчиняться тем немногим оставшимся законам звездных цивилизаций.

– Мне что-то не хочется, – Миур настроен агрессивно. – Цветок потеряли. Теперь отсюда уходить. Не зря здесь район закрытый, – наверняка что-то интересное есть.

– Я с Миуром, – отозвался Таной.

– Я вынужден вопреки желанию экипажа покинуть запретную зону, – вступил Интел. – Звездным законам должен подчиняться каждый индивидуум.

– Подожди, – попытался перехитрить его Миур. – Скажи лучше, где кончается граница зоны?

– В четыре минус один а-единицах.

– Хорошо. Выведи корабль за границу зоны. Но не далее! Что будем делать? – обратился он к товарищам.

– Может, уйдем подобру-поздорову, – предложила Эанна.

– Ни в коем случае, – неприступен Миур. – Не уйду, пока не докопаюсь до сути.

– Тс-с! – зашипел Таной, показывая на видеокамеру. – Интел следит.

Они замыкаются в себе. Хорошо, конечно, когда механический интеллект берет на себя всю заботу о корабле, создает внутри комфорт, оберегает от внешних воздействий. Но когда он начинает ограничивать твои действия, – это уже никуда не годится.

Думы Таноя прерывает чье-то касание. На его руке лежит рука Эанны. Пальцы ее ритмично стучат по его кисти.

– Азбука касаний! – догадался он. – Вот выход.

Он протянул руку к Миуру, и они продолжили разговор на языке, недоступном для Интела.

– Надо блокировать его систему запретов.

– Как? Не получится. Модуль системы запретов специально сделан недосягаемым, чтобы никто не смог до него добраться.

– Добираться до модуля необязательно. Должен существовать специальный ключ для снятия запрета – сигнальное слово или код.

– Как его узнать?

– Не знаю. Думайте. Надо для начала порыться в инструкциях.

День шел за днем. Дисколет, выведенный за пределы

запретной зоны, неподвижно висел в пространстве. Интел запрашивал указаний. Чтобы отвлечь его, Таной задал режим профилактики.

Поиски ключа были безрезультатны. Пилоты переворошили всю библиотеку, вчитывались в каждое слово, ища в нем скрытый след или смысл, но результат был нулевой. Интел оставался неумолим. Нарастала усталость, а с ней и раздражение. И однажды Миур сорвался.

– Это вы, бэллы, напридумывали инструкции и запреты, – обрушился он на Таноя с Эанной. – Не можете без них обойтись. Не будь их, давно уже разгадали бы загадку зоны.

– Запреты созданы для сохранения разума, – возразил Таной. – Тебе ведь попадались планеты, на которых преступили их. Сам видел, что там осталось. И у вас такое могло случиться, не вмешайся мы вовремя.

– Не случилось бы, – не сдавался Миур. – У нас тоже есть умные головы. Разобрались бы, что полезно, а что нет. Да и вы сами, наверно, не без грешка. Звездная цивилизация! – с издевкой произнес он. – Самая умная, самая высокоорганизованная. А почему вы живете на других планетах? Ведь, насколько я знаю, среди тех планет и звездных систем, на которых вы живете, нет такой – Бэлла. Почему вас называют бэллами?

– Не знаю, – пожал плечами Таной. – Я даже не задумывался. Бэлл и есть бэлл, что тут непонятного?

– Но я же гирр, потому что с планеты Гирра. Значит и вы, бэллы, должны быть с планеты Бэлла. Верно?

– В логике тебе не откажешь.

– Ну, а если так, то где же она, ваша Бэлла? Может, вы тоже ее угробили, а потом перебрались на другие планеты.

– Насколько я знаю, бэллы появились как звездная цивилизация и не привязаны к какой-то конкретной планете. Но твои доводы заставляют призадуматься. Надо спросить у Интела. Может, он что-то знает. Интел, – позвал Таной, – существует ли планета Бэлла? Или Бэл?

– Б эл, – послышался механический голос, – третья планета звездной системы Шамаш, прародина цивилизации бэллов. Покинута ими шесть минус три в-единиц назад. Причина – глобальная экологическая катастрофа.

– Вот вам! – язвительно воскликнул Миур и осекся. – Извините.

Эанна, закрыв лицо руками, скорчилась в кресле. Таной, побледневший, с дрожащим подбородком оцепенел, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники.

– Никогда не слышал, что Бэл – наша прародина, – произнес

он непослушными губами. – Почему, Интел?

– Сведения о прародине бэллов являются засекреченными, а район звезды Шамаш объявлен запретной зоной.

– Но почему, почему? – в крике Таноя слышалась боль.

– Когда бэллы покинули планету и начали расселение по другим звездным системам, среди них возникла болезнь. Она была вызвана ностальгией, тоской по родине. Болезнь была психогенного характера и не поддавалась лечению. Люди чахли на глазах и умирали. Чтобы сохранить расу бэллов, не дать ей выродиться, дать возможность чувствовать себя всюду как дома, было решено изъять из обращения всякое упоминание о родной планете и провозгласить расу бэллов звездной цивилизацией.

– Мне нужно побыть одной, – Эанна встала и вышла из рубки. Оставшиеся молча проводили ее взглядами.

– Интел, – позвал Миур, – почему ты раскрыл нам секретные данные?

– Вы предъявили ключ к кодовому замку, на который были заперты ячейки с секретной информацией. Теперь информация для вас доступна, как и вход в зону.

– Какой ключ?

– Слово «бэл».

– Глупый какой-то замок, ненадежный, – хмыкнул Миур. – Это слово может произнести любой. Ведь оно просится на язык. Так о Бэле может узнать каждый.

– Нет, – отозвался Интел, – ключ действует только при одном дополнительном условии.

– Каком?

– Замок срабатывает только в пределах системы Шамаш.

– Значит…, – впился Таной в экран.

– Дисколет находится в районе звезды Шамаш.

– Извини, Миур, – потрясенный услышанным, Таной медленно поднялся, – я пойду к Эанне. Позовешь, когда будем около Бэла. А пока не беспокой нас. Нам нужно многое обдумать, сделать переоценку.

– Хорошо, – отозвался зеленый человечек. – Тяжело, – вздохнул он, оставшись один, – обрести родину, о которой даже не знал, что она существует.

Прародина

– Здравствуй, мать Бэл! – дрожащим голосом произнесла Эанна. – Вот мы и вернулись, хоть ты уже и не ждешь нас.

На экране раскинулась голубая планета. Сквозь завихрения облаков просматривались обширные водные пространства и

изломанные линии материков.

– Какая она тихая, мирная.

– Интел, – приказал Таной, – дай увеличение. Поиск – свободный.

Планета стала приближаться. Наплыли и исчезли облака, надвинулась в экран поверхность. Ровные квадратные поля культурных растений, лесные массивы, волны, обрушивающиеся на скалистый берег, зеленый оазис в пустыне, озера в зеленом убранстве, полюса, сверкающие снежной белизной.

– Красиво! – прошептала Эанна.

– Это издалека, – сказал Миур. – Посмотрим, что окажется вблизи.

Картины начали наплывать на зрителей. Стали видны незаметные ранее детали. Реки с мутной водой и грязной пеной у берегов. Мертвая рыба, выброшенная волной на берег. Море, высохшее до размеров небольшого озера, окруженное обширными гниющими болотами. Засохшие безлиственные леса, погибшие от кислотных дождей, чахлые, выродившиеся злаки на полях.

Эанна только молча покачивала головой.

– Разумные обитатели, – приказал Таной.

На экране появились жители планеты. Всюду, – на полях, в лесах, жарких пустынях и даже в заснеженных районах, – встречались существа, похожие на бэллов. Но больше всего их было в гигантских скоплениях каменных коробок, разграниченных на ровные квадраты линиями улиц, по которым сплошным потоком сновали эти существа.

– Великий Космос! – воскликнула Эанна, – как они здесь живут, в таких муравейниках?

– Привыкли, – отозвался Миур. – У нас тоже так раньше было. Видимо, у них транспортная система плохо развита. Потому они стремятся жить в определенных местах, несмотря на обширные пустующие территории.

– Разумная деятельность, – приказал Таной.

На экране поплыли мощные производственные комплексы, перегородившие реки плотины, громоздкие конструкции, бороздящие поля, движущиеся по улицам и дорогам, плывущие по морям, летающие в воздухе. Все – и заводы, и самодвижущиеся механизмы – изрыгали клубы дыма. Некоторые районы невозможно было разглядеть из-за густого слоя нависшего над ними дыма.

– М-да, – протянул Таной, – цивилизация, должен сказать, архаическая.

– Не архаическая, – перебил его Миур. – Похоже, развитие у них идет по технократическому пути. А это что?

На экране из круглого отверстия в земле выдвигалось длинное цилиндрическое тело с заостренным концом. Вокруг копошились люди в пятнистой одежде.

– Похож на летательный аппарат, только без крыльев, – продолжил Миур. – Наверно, еще какой-то вид транспорта.

Люди исчезли. Основание цилиндра заволокло дымом, полыхнул огонь. Цилиндр, взметнувшись вверх, исчез с экрана.

– Интел, – сказал Таной, – следи за ним.

Изображение замельтешило, затем настроилось. Посреди экрана замер цилиндр. Яркое пламя вырывалось из хвостовой части. Визу медленно проплывала поверхность планеты, – заросшие лесом горы, голые равнины. Затем суша оборвалась, и весь экран заслонили водные просторы. Цилиндр вильнул и пошел вниз. Еще мгновение – и он ушел под воду. И тут же мощный взрыв нарушил спокойствие морских вод.

– Авария! – крикнула Эанна. – Интел, вниз!

Дисколет стремительно пошел по пологой кривой вниз, к месту бедствия.

На месте взрыва ничего не было. Только лениво рассасывался дым, да суматошно бились друг о друга пенные волны. Ни обломков аппарата, ни пытающихся спастись людей.

– Не успели, – мрачно произнес Таной.

– Странно все это, – заметил Миур.

– Внимание! – полыхнул бутоном Интел. – С северо-запада на большой скорости приближается летающий объект. Что предпринять?

– Заметили, – взволновалась Эанна. – На контакт идут.

Интел дал на экран увеличенное изображение объекта. В его конфигурации, в круто сломанных крыльях, в изогнутой носовой части чудилась стремительность и что-то хищное.

– Новый вид, – прикинул Таной, – не пассажирский. Подождем, что будет дальше.

Объект, не долетая до них, вошел в крутой вираж. На его крыльях и в носовой части заискрились огоньки. Акустическая система донесла какой-то треск.

– Дисколет подвергается обстрелу металлическими частицами, – сообщил Интел. – Поврежден анализатор атмосферы.

– Да это же нападение, – выкрикнул Миур, – вовсе не контакт. Интел, срочно уводи дисколет.

Агрессивный аппарат смело с экрана, мелькнуло и исчезло море, небо. Навстречу стремительно понеслась земля.

– Останови, – сказал Таной, – Посмотрим, что с анализатором.

– Выходить только в скафандрах, – предупредила Эанна. – Здесь кругом полно вредных активных микроорганизмов.

Дисколет завис над кронами деревьев. Таной с Миуром выбрались на аппарель и пошли вдоль ее к месту нахождения анализатора.

– Смотри, селение, – остановился Миур. – Не надо было здесь останавливаться.

– Да ладно уж, – отмахнулся Таной. – Мы быстро. Пусть посмотрят. Может, в контакт вступим.

Они склонились над анализатором. Конструкция его была хрупкая, незащищенная. Кусочек металла, пробив его тонкую стенку, разворотил все внутри. Нужно было ставить новый.

Миур пошел за запасным анализатором, а Таной, свесив ноги с аппарели, стал разглядывать собирающийся внизу народ. Туземцы были полуобнаженные, с коричневой кожей и росшей на головах и кое у кого на лице шерстью, что удивило Таноя.

– Хоть и братья, а не такие, как мы, – он ожидал увидеть что-то более близкое, кровное.

Толпа внизу прибывала. Туземцы кричали, оживленно суетились и махали Таною руками. Он тоже помахал в ответ. Этот жест вызвал бурю восторга.

Вернулся Миур, и они занялись установкой анализатора. Работать в скафандре было неудобно, но ссориться с Эанной не хотелось. Да и опасность подхватить какую-нибудь болезнь все-таки существовала.

Когда они закончили монтаж, послышались щелчки, и о корпус корабля стали ударяться камни. Таной оглянулся и едва успел увернуться от летящей прямо в лицо какой-то жестянки, чуть не свалившись при этом с аппарели. Внизу заулюлюкали, заметив его движение. Конечно, скафандру эта штука вреда не нанесла бы, но сработал рефлекс. Таной посмотрел вниз.

Толпа бесновалась. Хватая камни, обломки деревьев, туземцы швыряли их в дисколет, весело вопя при этом.

– Вот тебе и контакт, – усмехнулся Миур. – Пошли отсюда, пока не появилось что-нибудь другое типа того летающего стервятника.

Они нырнули в люк. Дисколет, сорвавшись с места, мгновенно исчез на глазах ошеломленных туземцев.

Контакт

– Ну и как? – встретила их Эанна. – Какое у вас сложилось мнение? – Она наблюдала за туземцами на экране монитора.

– Сложное, – пожал плечами Миур. – Уж слишком они

агрессивные.

– И заросшие все, – добавил Таной. – На нас совсем не похожие.

– Что-то вы сделали не так, – сказала Эанна. – Отчего они начали кидать камни?

– Ничего такого мы не делали, – вспылил Таной. – Мы своим делом занимались, анализатор меняли. Ну, рукой еще я им помахал. Так это в начале было. Кидать они уже потом начали.

– Непонятно, – задумчиво произнесла она. – Интел, ты что скажешь?

– Действия туземцев анализу не поддаются.

– Мы здесь на каждом шагу натыкаемся на загадки, – сказал Таной. – Надо выбрать одного – двух туземцев и попытаться объясниться с ними. Иначе завязнем в море загадок так, что и не выберемся. Еще совершим что-нибудь ненужное.

Найти таких туземцев, которые пожелали бы вступить в контакт с нашими путешественниками, оказалось непросто. Стоило дисколету приземлиться около одинокого аборигена, как тот бросал все и пускался наутек.

– Видно, они только толпой смелые, – смеялся Миур.

Эанна отворачивалась, да и Таною это было неприятно, но одергивать Миура, заступаться за своих дальних родственников он не мог. В чем-то тот был прав.

Наконец на сумеречной стороне планеты, где солнце уже спряталось за горизонт, они заметили на берегу речки огонек, а возле него неподвижную фигуру. Дисколет неслышно приземлился в кустах. Таной с Эанной пошли на разведку. Миур остался на корабле, так как он своим видом мог повернуть вспять любого туземного жителя.

На берегу полыхал костер, сложенный из сухих веток деревьев. Около него лежал с закрытыми глазами абориген, издавая ритмичные горловые звуки. Рядом валялся на земле пустой прозрачный сосуд. Над водой свешивалось несколько голых стволов тонких деревцев, уткнутых утолщенным концом в берег. С другого конца свисали в воду еле видимые тонкие нити.

– В контакт вступай в полевой форме, – предупредила Эанна.

Таной сосредоточился и мысленно позвал:

– Брат!

Ритмичные звуки прекратились. Туземец тяжело заворочался и приподнялся.

– Кто тут еще?

– Мы пришли к тебе из далеких звездных миров. Мы – твои братья.

Туземец уставился мутными бессмысленными глазами на две

высокие серебристые фигуры, помотал очумело головой и нечленораздельно промычал.

– О, господи! – разобрал Таной. – Допился. Кошмары уже снятся.

Абориген пошарил рукой, нащупал сосуд, поглядел сквозь него на огонь костра и отбросил.

– … нечем, – уловил Таной, но ничего не понял.

Туземец сполз к реке и окунул голову в воду.

– Ему плохо, – дернулась Эанна. – Может, помочь?

– Погоди, – остановил Таной. – Он знает, что делает. У него с головой немного не в порядке, вот только не пойму, отчего.

Туземец немного очухался от холодной ванны. Взгляд его стал более осмысленным. Но в его мыслях Таной уловил появившиеся нотки страха.

– Вы кто такие? – грозно спросил туземец, но Таной чувствовал, что он боится.

– Пойдем с нами, – передал Таной, – тогда узнаешь.

– Я пойду щас! – взвился неожиданно тот. – Я свободный гражданин. Где хочу, там и пью. Я милицию позову… Где мой топор? – и при этом он испускал сильные волны страха.

– Что-то опять не получается, – шепнула Эанна. – Давай заблокируем его полями и доставим на корабль. Там он быстрее поймет. Только продезинфицировать его надо.

На корабле туземец принялся бродить по коридорам и отсекам, все ошеломленно разглядывая. Таной следовал за ним, пытаясь разобраться в сумятице мыслей, творившихся у того в голове. Какие-то заторможенные реакции, непонятные аналогии. И неожиданно яркий образ извивающегося зеленого существа с громадной огнедышащей пастью в прозрачном сосуде в тот миг, когда туземец столкнулся с Миуром, вышедшим поглядеть на него. Туземец в первый момент даже отпрянул, натолкнувшись на Миура, но потом оправился, подошел к тому и спросил о какой-то жидкости, в которой он нуждался. Что за жидкость, Таной не понял.

Вскоре туземца перепоручили Интелу, решив оставить одного, чтобы освоился. Может, тогда удастся наладить с ним взаимный мысленный обмен. Все собрались в рубке, чтобы обсудить результаты.

– Поспешили мы, – высказалась Эанна. – Надо было повисеть на орбите, изучить досконально их цивилизацию, уклад, привычки. Тогда с контактом затруднений не возникло бы.

– Хорошо, – согласился Таной. – Если и с этим ничего не получится, начнем сначала.

– Получится, жди, – усмехнулся Миур. – У этого аборигена

рефлексы на уровне животного.

– Не могли мы ошибиться, – раздосадовано отозвался Таной. – Типичный представитель разумных обитателей.

– Только на вас он почему-то мало похож. Ни ростом, ни внешним обликом, ни разумом.

– Ну, с тобой-то его тем более не сравнишь!

Миур хотел обидеться на его слова, но тут раздался голос Интела.

– Объект взял неисправный анализатор атмосферы, – сообщил он, – и спрятал в складках одежды.

– Этого еще не хватало! – подскочил Миур. – Выкинуть его из дисколета!

Все кинулись к тамбуру, где Миур оставил снятый с борта анализатор. Туземец зашумел, стал сопротивляться, но объединенными усилиями его выдворили с корабля, отобрав предварительно прибор.

Дисколет неслышно взмыл в ночное небо и затерялся меж звезд.

Неизвестный дисколет

Которые сутки кружит корабль вокруг планеты. Интел не спеша набирает информацию, обрабатывает. Члены экипажа, подключаясь к нему по одному, постоянно дежурят, помогая обработке. Изредка в экран вплывает Син, спутник Бэла, завораживая своим безжизненным миром, застывшими навечно кратерами. Иногда локатор вылавливает в пустоте обломки и целые конструкции искусственных объектов неизвестного назначения. Поэтому, когда в экран вплыла чем-то неуловимо знакомая конструкция, Таной даже не обратил внимания, но Интел вдруг отключился от обследования планеты и сообщил:

– На экране дисколет.

Таной подпрыгнул от неожиданности.

– Какой дисколет? Чей?

– Дисколет бэллов. Запрашивает нас. Что отвечать?

– Погоди, не отвечай. – Таной задумался. – Кто они? Откуда? Может, это корабль здешней цивилизации?

– Это невозможно. Они знают наш код и язык.

– Зови Эанну и Миура. Будем решать.

Вбежавшая команда тревожно прилипла к экрану.

– Вызывает нас, – сказал Таной. – Интел, дай на экран.

По экрану побежали помехи, и донесся голос:

– Вызываю неизвестный дисколет. Кто вы? Кто вы?

– Сами тоже опасаются, – изображение глушат. Что будем

делать? – Таной был в нерешительности. – Отозваться?

– Нет, – воспротивился Миур. – Может плохо кончиться. Мы же в запретной зоне. За нарушение запросто могут лишить полетов. Сиди потом дома прикованный к земле. Надо уходить. Сворачиваемся!

– Согласен. Рискнем, Эанна?

– Не знаю. Может, не стоит? Все обойдется.

– Не обойдется, – торопил Миур. – Лишат, точно тебе говорю. Решай!

– Ладно, – сдалась Эанна, – раз вы так хотите…

– Интел, – голос Миура дрожал от нетерпения, – свертывай скорей пространство.

– Не могу, – отозвался тот. – Мои действия заблокированы.

– Кем?

– Неизвестным дисколетом.

– Опять что-то новое, – плюнул от досады Миур. – Как такое получилось?

– В программе каждого искусственного мозга заложена команда абсолютного подчинения. Команду знают только избранные бэллы.

– Значит, этот корабль наделен особыми полномочиями, – грустно выдохнул Миур. – Все, прощай, Большой Космос!

Патруль

Двое пожилых бэллов вошли врубку.

– Римут. Хубур, – представились они. – Патруль экспедиции «Бэл».

Таной представил свой экипаж.

– Почему не отвечали на вызов?

– Мы не знали, кто вы.

– А вы разве не новое пополнение к нам?

– Н-нет, – Таной замялся. – Мы сюда нечаянно попали.

– Не может этого быть! – недоверчиво произнес Римут. – Интел, почему не выполнил запрет?

– Пилот Таной сообщил ключевое слово.

– Откуда ты узнал ключ? – обратился Римут к Таною.

– Он и не знал, – вступилась Эанна. – Произнес случайно.

Римут недоверчиво окинул взглядом девушку, но промолчал.

Патрульные отошли в сторону и стали совещаться между собой, изредка кидая взгляды на нарушителей. Наконец, Римут объявил:

– Мы вынуждены задержать дисколет до особого распоряжения. Следуйте за нами на базу.

База

Базовая станция находилась на спутниках Нинурты, шестой планеты Шамаша, в ее туманных кольцах. Интел, ведомый патрульным дисколетом, уверенно нашел среди усыпавших небо светящихся обломков и малых планет нужный астероид. Корабль опустился на ровную площадку явно искусственного происхождения рядом с еще несколькими стоящими здесь дисколетами. Бледная Нинурта, закрыв все небо, грозно нависла над головой, невольно заставляя пригибаться и с опаской поглядывать вверх.

Открывшийся в скале люк впустил их в тамбур. Дождавшись, пока сравняется перепад давлений, нарушители в сопровождении Римута спустились на гравитационном лифте в недра астероида.

Внутри все было устроено по-современному, с комфортом. Широкие коридоры, освещенные рассеянным дневным светом, просторные рабочие залы, обширный оздоровительный комплекс с различными зонами гравитации. Похоже, устраивались здесь надолго.

Сопровождающий ввел группу в кабинет, где сидел один-единственный бэлл, поднявшийся им навстречу.

– Я – Эгиби, руководитель группы наблюдения за цивилизацией Бэла. О вас я уже все знаю, – он усмехнулся. – Ваш Интел выдал вас с потрохами. Но я не знаю, что делать с вами дальше. У нас весь контингент из специально отобранных представителей разных цивилизаций. Вы же здесь случайные. Выпускать вас из зоны не рекомендуется, – можете проговориться. Тогда сюда хлынут толпы любознательных.

– А разве обязательно надо было создавать закрытую зону? – спросил Таной. – Почему в других звездных системах таких зон нет, хотя тоже существует разум?

– К системе Шамаша подход особый, – Эгиби задумался, потом махнул рукой. – Придется рассказать вам все. Вы и так уже много знаете и не успокоитесь, пока не узнаете все до конца. Как вы уже слышали, Бэл – прародина нашей звездной цивилизации. Тысячи в-единиц назад бэллы жили только на этой планете. В результате то ли их неуправляемой деятельности, то ли еще каких-то факторов, в которых мы еще не разобрались, на планете разразилась экологическая катастрофа. Температура планеты повысилась и вызвала растопление ледников и подъем уровня воды океанов. Почти вся суша ушла под воду, началась подвижка континентов, активизировалась вулканическая деятельность. Предвидя это, бэллы успели подготовиться и заблаговременно ушли в открытый космос. Так появилась звездная цивилизация

бэллов. Наши предки навсегда ушли с Бэла и обосновались на планетах других звездных систем. Вот и Миур считает себя гирром. На самом деле его далекие предки также произошли от бэллов. Только климатические условия Гирры, спектр частот, испускаемый их светилом, оказал на поселенцев мутационное действие. Вследствие этого гирры значительно изменились по сравнению с нами. Да и мы тоже не остались первозданными. Вы же видели современных обитателей Бэла?

– Неужели мы должны быть такими? – поежилась Эанна.

– Да. Они почти не изменились. Ведь климат Бэла не изменился с тех далеких времен, и спектр Шамаша остался прежним. На нас же космос оказал свое влияние. Мы стали выше и лишились волосистой растительности на теле.

– Ты говоришь, все бэллы покинули планету, – прервал Таной Эгиби. – Откуда же тогда на Бэле эта цивилизация?

– Оказалось, что не все, – Эгиби вполголоса приказал что-то своему Интелу. – Сейчас Интел воспроизведет вам одну запись. В хранилищах информации этой цивилизации мы обнаружили глиняные таблички с кодовым текстом, применявшимся когда-то в наших вычислительных машинах. В них упоминалось о спасшемся после затопления бэлле и даже указывалось место, где он ступил на сушу. Все это было в настолько искаженном виде, что вызывало сильные сомнения в реальности описанных событий. Мы все-таки решили обследовать это место, гору и нашли тайник с такими же табличками. Это уже подлинная запись.

Из глубины веков

«… и была тьма, как бездна. Черные тучи заволокли все небо, грозно клубясь, вихрясь и изрыгая пучки молний, которые вспышками озаряли изнутри их мрачные своды. Шамаш угадывался только по бледному расплывчатому ореолу. Казалось, будто Син, закрыв его как в дни затмения, застыл и не желает сдвинуться с места, чтобы позволить ему опять наполнить теплом и светом некогда благодатные просторы Бэла.

Мелкий противный дождь моросит непрерывно уже которые сутки. Волны, бьющиеся в сумятице вокруг, окатывающие нашу утлую посудину и стремящие смыть с нее плохо закрепленные предметы и нас в том числе, промочили все насквозь, так что невозможно было найти на плоту сухое место. Продукты превратились в сплошное жидкое месиво, которое не то, что есть, – держать в руках было противно. Но мы держали и ели. Ели даже издохших коз, раздирая руками тугое сырое мясо. Ибо не

было никакой возможности развести огонь в этом царстве воды. Надо было выжить, хотя надежды на спасение уже не оставалось. Судьба сурово наказала нас за былые прегрешения.

Прервав все связи с внешним миром, мы жили уединенно в долине среди неприступных гор. Выращивали урожай, разводили скот. Жили, как говорится, в полном слиянии с природой, отлучившись от всех благ цивилизации, не зная о том, что творится в мире. И только начавшая резко меняться погода, тучи, надолго закрывшие небо, проливные дожди, ураганы и смерчи, сокрушавшие все на своем пути, обеспокоили нас, заставили вернуться. Но было уже поздно.

В первом же городе, куда мы спустились с гор, не оказалось ни одного жителя. Тощие одичавшие собаки и кошки носились сворами по пустынным улицам, злобно сцепляясь между собой. Отбиваясь от них палками и камнями, мы проникли в бывший некогда жилой дом. Тишь и запустение встретили нас. Судя по разбросанным вещам, оставленным драгоценностям и украшениям жители покидали город в спешке, забирая с собой только самое необходимое. Мы кинулись к единственному, что могло пролить свет на их загадочное исчезновение, – приемникам волновой связи…

Приемники молчали. Тщетно крутили мы ручки настройки, жадно вслушиваясь в треск грозовых разрядов, пытаясь уловить хоть одно слово. Эфир молчал. Будто разом вышли из строя все передатчики планеты.

Отчаявшись, мы уже собрались уходить, но радостный возглас Нупты остановил нас. С надеждой мы приникли к приемнику. Далекий слабый голос, прерываемый помехами, сообщал:

«…стройте плоты, спасайтесь на них. Внимание! Бэллы, оставшиеся на планете! Произошла катастрофа. Ожидается полное затопление суши. Мы покинули Бэл. Не ждите нас. Стройте плоты, спасайтесь на них…», – и так далее без перерыва.

Ужас и оцепенение охватило нас. Мы – единственные бэллы на планете. Все покинули нас, бросили, забыли. Как жить, как выстоять в борьбе с разбуженной стихией? Не лучше ли умереть сразу, мгновенно, чем мучиться в долгой агонии, чтобы в итоге все равно погибнуть? Стойкость покинула многих, в душах их поселилось смятение. Не слушая наших увещеваний, уходили они в горы, чтобы никто не мешал им спокойно умереть.

А мы, горстка оставшихся, верящих в жизнь, начали строить плоты, собирать необходимые вещи, запасаться продуктами.

Стихия, словно вырвавшись из многовекового заточения, разыгрывалась все сильнее. Все реже выглядывал из-за свинцовых

туч Шамаш, все чаще налетали ураганы, срывая крыши домов, вырывая с корнем деревья, уничтожая и круша на своем пути все, что создал некогда бэлл.

А однажды на равнину хлынула вода. Громадные волны разбивали вдребезги здания, сравнивали их с землей, не оставляя после себя ничего, что говорило бы о былом присутствии разума.

Мы успели подготовиться к приходу большой воды. Когда первые волны коснулись плотов, все уже стояли на них. Плоты сразу же разметало в разные стороны. Мы потеряли друг друга из виду. Что стало с ними – погибли ли в пучине вод или же нашли пристанище, – этого нам так и не удалось узнать никогда.

Но и нам пришлось несладко. В первые мгновения смыло с плота несколько бэллов и животных, плохо привязанную утварь. Тогда мы крепко привязались друг к другу и к бревнам. Тщетно набрасывались на нас волны, но мы стояли. Захлебывались в потоках воды женщины и дети, падали, но мы поднимали их, откачивали и, скучившись плотной толпой поддерживали своими телами ослабевших. Ведь упавших ждала неминуемая смерть, гуляющая по ногам и пытающая сбить их.

В этой неравной борьбе быстро наступила ночь, прошла, но день так и не наступил. В вечных сумерках вокруг была видна одна вода. Куда несла она нас – было неизвестно.

Долго длилась эта ночь. Сходили с ума, умирали от болезней и истощения бэллы. Оставшиеся в живых все крепче сплачивались в этой нелегкой борьбе за выживание. И пришло время, когда стали постепенно светлеть дни, рассасываться тучи. Бледные лучи Шамаша, пробиваясь сквозь них, согревали наши продрогшие изможденные тела.

День ото дня становилось светлее, но это вместе с радостью принесло нам и тяжелейшее потрясение. Открылись дали. Но не увидели мы суши. Кругом, куда ни глянь, была вода.

И снова потянулся день за днем. Подходили к концу припасы. Съедены были все животные. А горизонт был все так же гладок и ровен. Но какое же облегчение охватило нас однажды, когда услышали мы птичий крик и заметили вдали пернатую птаху, смело витающую над бездной вод.

Суша, где-то невдалеке есть суша! Не могла эта птица забраться далеко от нее.

Великая радость охватила нас, вернула умирающих к жизни, вдохнула силы в ослабевших. Вверив свои души великому Энлилю, мы стали ждать спасения.

Но еще не один день прошел, прежде чем мы увидели на горизонте смутный силуэт. И вот, спустя месяцы скитаний, мы ступили непослушными ногами на твердую поверхность. Молча

стояли мы, сомкнувшись, взявшись за руки и не в силах вымолвить ни слова. Дважды по шестьдесят вступили мы в борьбу с водной стихией, а вышла невредимой лишь жалкая горстка тощих оборванных мужчин и женщин. Не было среди нас ни старика, ни ребенка. Не оглашались окрестности звонкими детскими криками, – ни один не выдержал тягот нашего долгого странствия. Но мы выжили, сохранили свой род. И это – самое главное. Теперь бы продержаться, пока не спадет вода. Не дать угаснуть разуму на опустевшей планете.

Изо дня в день, ковыряясь в нанесенном иле в поисках улиток, рачков и прочей морской живности, чтобы утолить свой неиссякаемый голод, спускались мы по мере спада воды вниз с горы. А однажды мы нашли сохранившуюся на склоне горы пещеру и надолго устроились в ней в ожидании, когда сойдет вода и высохнут непроходимые склоны, увязшие в многометровом слое грязи. И здесь, отдыхая и набираясь сил, решил я оставить записи о наших скитаниях. За неимением необходимых материалов решил писать я на пластинках из глинистой грязи, используя язык вычислительных машин. Неизвестно, выживем ли мы, сохранится ли наш язык или канет в веках. Машинный же язык универсален. К нему рано или поздно приходят все разумные цивилизации. Пластинки я запрячу глубоко в пещере, чтобы ничья случайная рука не добралась и не уничтожила их.

Я, Утнапиштим, Утна, учитель общины шумеров, обращаюсь к вам, рожденным нами и нашими потомками. И к вам, потомкам бэллов, ушедших к звездам. Помните о том, что произошло с Бэлом, и не позволяйте этому повториться вновь!»

Запись оборвалась, но молодые бэллы оставались недвижимы. Мысленно переживали они отчаяние затерявшейся в веках горстки людей, их героическую борьбу, лишения, радость спасения…

Из задумчивости их вывел голос Эгиби.

– По-видимому, полной стерилизации планеты при катастрофе не произошло. Кое-где сохранились и пережили затопление обособленные группы бэллов. К сожалению, дальнейшие записи не сохранились, и неизвестно, как шумеры оказались в том месте, откуда получила развитие настоящая цивилизация. Из легенд известно, что шумеры спустились с гор в район, где обитала на первобытном уровне неизвестная община. Вероятно, это была одна из тех, что тоже спаслись при катастрофе. С приходом шумеров в развитии общины происходит резкий скачок в земледелии, обработке металлов, медицине, астрономии и прочих науках, появляется высокоорганизованное

государство.

– Но они должны помнить о катастрофе, об ушедших в космос бэллах, – сказал Таной.

– Возможно, они помнили сначала об этом. Но во времена потопа не сохранилось ни документов, ни орудий, ни сооружений. Все уничтожила вода. Потом ей помог беспощадный сообщник – время. Приходилось начинать все на новом месте. Надо было думать в первую очередь о том, как выжить, а не сохранить ненужные в тот момент знания. Потомки же вообще посчитали неиспользуемые знания лишней обузой, ненужной им в тяжкой борьбе за существование. Со временем все окончательно забылось, затерялось в веках. Хотя кое-что и осталось. Названия планет, например, система измерения времени, некоторые сведения из астрономии, медицины.

– Жалко их, – вымолвила Эанна. – Как они, наверно, ждали нас, глядели по ночам в небо.

– Верно, ждали. Все обособленные группы бэллов связывали свои надежды с космосом, с могущественными силами, обитающими там, то есть, по сути, с нами. Сначала ждали помощи, спасения. Затем это ожидание трансформировалось в религию, в культ космических сил, а нас превратили в божества. Даже здания религиозного культа строили похожими на наши древние космические корабли, чтобы быть ближе к космосу, к богам.

– Почему же тогда мы не вернулись? – спросил Таной.

– Когда спустя много времени первые дисколеты появились у Бэла, на планете уже развивалась новая цивилизация. Возврата нам уже не было. Отчасти поэтому были предприняты меры по изъятию из памяти звездных бэллов и их будущих потомков любого упоминания об их прародине.

– Это жестоко! – произнесла Эанна, – лишить родины весь народ.

– А что бы вы хотели? Возвратись звездные бэллы на планету, начались бы междоусобные войны, уничтожение одной цивилизации другой. На высоте оказались бы, конечно, звездные бэллы с их космическими кораблями, мощным оружием. Разве смогли бы оказать достойное сопротивление нынешние хозяева планеты, вынужденные начать свое развитие сначала, с первобытного состояния? Нет, верно?

– Верно, – вынуждена была согласиться Эанна.

– Тогда представь себе, как ты уничтожаешь со своего дисколета целые народы – сотни, миллионы бэллов, своих братьев и сестер. Каково?

– Жутко! – побледнела Эанна. – Лучше самой умереть.

– Звездные бэллы тоже так подумали. Но решил не погибать, а навсегда уйти в космос и позволить здешним бэллам развиваться своим путем. Но наблюдение за Бэлом решено было продолжить. С тех пор существует наша группа. Одни стареют и уходят, на смену им приходят молодые и отдают свои жизни этой планете, изучению цивилизации бэллитов, как мы их называем, чтобы не путать с собой.

– Непонятная какая-то цивилизация, – открыл рот молчавший до сих пор Миур, ошеломленный новостью об общности всех звездных рас, о своем родстве с этими высокими белыми гигантами Таноем и Эанной, – странная. Мы так ее и не поняли. Не успели понять.

– Да, странная, – согласился Эгиби, – и во многом сложная. Постоянно, со времени существования группы она подкидывает нам одну загадку за другой, которые не так-то просто решить. Постоянно бэллиты ссорятся, воюют друг с другом. Вот и сейчас, на современном уровне развития цивилизация разделена на две противоборствующие группировки. Во главе их стоят агрессивно настроенные правящие блоки, которые, собственно, и нагнетают военный психоз среди населения посредством подчиненных им средств массовой информации. У них борьбой пронизана вся система, вся жизнь. Сейчас эти группировки стоят на грани применения оружия межъядерного распада. Это может закончиться гибелью всей цивилизации.

– И вы спокойно смотрите на это? – не удержалась Эанна.

– Хм, спокойно, – усмехнулся невесело Эгиби. – Одно ваше появление могло вызвать катастрофу. Одна группировка могла принять ваш дисколет за оружие нападения другой и нанести ответный удар. Хорошо еще, что все обошлось. Иначе ваши неосторожные действия послужили бы причиной гибели цивилизации. Вот до чего может довести неосторожность и поспешность, – осуждающе сказал он опустившим головы незадачливым исследователям. – Поэтому мы ко всему подходим очень осторожно. Конечно, мы не только наблюдаем. Следим за их действиями, развитием оружия, по мере возможности препятствуем испытаниям и применению особо опасных видов. Пытаемся даже наладить осторожный контакт с некоторыми индивидами. Правители и ученые нас не признают, заявляют, что мы не существуем, а бэллиты – единственный разум во вселенной, исключительность. Конечно, они с удовольствием вступили бы с нами в контакт, чтобы использовать наше оружие в борьбе с другой группировкой, но мы это чувствуем и не идем навстречу. При современном агрессивном состоянии народов это может принести только вред.

– Но это же растянется надолго, – Миур, как обычно, был нетерпелив.

– Что ж, пусть надолго, – ответил Эгиби. – В таком деле поспешность вредна.

Бэллы задумались. Эгиби молчал, изредка бросая на них пытливые взгляды.

Первой подала голос Эанна.

– Можно у вас остаться? Я тоже хочу помочь хоть как-то бэллитам.

– И отдать Бэлу свою жизнь? – уточнил Эгиби.

– Да, – без промедления ответила она.

Эгиби ничего не сказал, только устремил свой взгляд на Таноя с Миуром.

– Да, – помедлив, твердо сказал Таной.

– Я тоже, – Миур помялся, – но мне хочется слетать к планете-призраку, разобраться с цветком.

– Цветок создает опасность для полетов, вырывает корабли даже из внепространственного туннеля, – пояснил Таной. – Я бы тоже хотел с Миуром. Один он может не справиться. Потом мы вернемся сюда.

– Хорошо, – сказал Эгиби. – Я знал, что вы так решите.

Дисколет медленно скручивал пространство для прыжка к планете-призраку. Позади ярко светилась далекая звезда Шамаш – Солнце, вокруг которой вращалась невидимая отсюда планета Бэл – Земля, прародина бэллов.

Химеры Летящей

«Летящая звезда Барнарда»… является одной из наших ближайших соседей. Расстояние до нее 1,8 парсека…, находится в созвездии Знаменосца и отличается самым большим собственным движением среди всех известных звезд. Многолетние наблюдения привели к открытию у этой звезды невидимого спутника. Скорее всего, это большая планета… движется по резко эллиптической орбите…»

И. С. Шкловский.

«Вселенная, жизнь, разум»

Вздрогнули и зашевелились много лет молчавшие антенны, направленные на созвездие Змееносца, загудели двигатели коррекции, направляя их параболические зеркала в темные глубины космоса в стремлении уловить долгожданный сигнал. Пройдя обработку, отфильтрованный и усиленный сигнал пошел дальше, на Землю.

Из сообщения Всемирного Совета:

«Многие годы всех волновала судьба пропавшей экспедиции, направленной к звезде Барнарда. Полученные ментограммы открыли завесу тайны над этой экспедицией. Ученые приступили к обработке полученных данных. Отрывки из некоторых ментограмм мы транслируем для всех людей Земли».

Василий Орешкин, оператор коркома. «2312-й день экспедиции:

«…Звезды мерцали. Не так, как на Земле, чуть заметно, но все равно мерцали. Конечно, вверху, в зените они все так же застыли неподвижными светлячками в угольной черноте чужого, до сих пор реально не воспринимающегося неба. Чужие звезды на чужом небе. Ни одного знакомого созвездия. Вернее, созвездия-то остались те же, но они так чудовищно исказились, что только корабельный компьютер уверенно указывал – это созвездие Гончих Псов, это Волосы Вероники, а вон та, еле заметная

невооруженным глазом звездочка пятой величины – это Солнце, и где-то там наша родная Земля. И только оставшийся неизменным Млечный путь незыблемо пересекает светящейся полосой небосвод, вызывая в душе чувство родства, близости родного дома и реальности этого неба, этих звезд, гвоздиками приколоченных на черном бархате бездонного, необъятного космоса.

И вот эти звезды, застывшие в своем бесконечном молчании, ожили и замерцали блестками, то ярче, то слабее. Мерцали, впрочем, только те из них, которые зависли низко над горизонтом, едва угадывавшемуся по сероватому пологу снега, еле освещаемого самой яркой звездой на этом небе – звездой Барнарда, солнцем этой системы. Система состояла из светила и единственной планеты – Летящей, как мы ее назвали. Астрономы вычислили ее орбиту, оказавшуюся вытянутой в форме эллипса, и теперь ломали друг о друга копья, пытаясь в бесконечных спорах выяснить, является ли она действительно планетой или же компонентом двойной звездной системы, будоражащей уже не одно поколение ученых своей скоростью движения по земному небосводу, своей пляской вокруг какой-то точки, никак не согласующейся с теоретическими астрономическими канонами. В данный момент планета находилась на самом дальнем расстоянии от светила, и его лучи почти не достигали поверхности, а вся атмосфера планеты лежала под ногами, сконденсировавшись в виде снега. Оттого-то и небо было таким незнакомо черным, оттого-то звезды выглядели на нем застывшими. Ничто не искажало их дальний свет. А вот то, что звезды над горизонтом замерцали, указывало, что лучи солнца не такие уж слабые, как кажутся, и что атмосфера начинает понемногу возрождаться. Планета, обогнув в своем затяжном витке самую дальнюю точку Зудаления, теперь возвращалась назад, к источнику тепла и света, медленно приближаясь все ближе и ближе к нему и получая все больше и больше энергии и тепла. И уже первые атомы и молекулы атмосферы, зарядившись квантами этой энергии, оживали, пробуждаясь от долгого, длившегося десятилетия сна и, отрываясь от своего жесткого ложа, резво вздымались над поверхностью, чтобы освободить укутанную в пуховую шубу планету.

Мерцающие звезды были первыми ласточками. По приблизительным подсчетам нужно еще около двух земных лет, прежде чем планета настолько приблизится к светилу, что восстановится атмосфера, и оживет это небесное тело, таящее в себе массу загадок. Вот только расчеты меняются по несколько раз на дню нашими бедными астрономами, вечно спорящими

между собой и размахивающими руками, недосыпающими и недоедающими от обилия неизученного материала и к тому же постоянно перегружающими корабельный компьютер своими бредовыми идеями и расчетами, доставляющими мне массу хлопот. Собственно, взбудораженными были все, весь многочисленный экипаж корабля, задыхающийся от нехватки времени и готовый работать круглосуточно. Хотя суток нет и в будущем не ожидается. Планета повернута к солнцу постоянно одной стороной, как наша Луна к Земле. Так что, даже когда звездочка вырастет до размеров нашего Солнца, день все равно не будет сменяться ночью. Придется Валентине, нашему медицинскому монстру постоянно вылавливать злостных нарушителей режима и заключать их в изолятор до тех пор, пока не исчезнет лихорадочный блеск глаз, и не наберут былую форму осунувшиеся, с запавшими щеками лица. Но даже сейчас изолятор не помогал. Бедные нарушители, запертые на замок, непонятным образом исчезали оттуда и оказывались к моменту обнаружения пропажи уже далеко за пределами досягаемости Валентины, где – нибудь в экспедициях или вообще на теневой стороне планеты. Не для того мы сюда прилетели через столько светолет, чтобы тратить время попусту, отлеживая бока на больничной койке. А для того, чтобы затратить, отдать этой планете половину своей жизни, самой лучшей, своей молодости и любви. Отдыхать, нагуливать жирок будем на обратном пути.

Валентина упорно пыталась доискаться способов исчезновения ее подопечных, но я надежно заблокировал информацию в коркоме. В моей же голове ей рыться не позволяла элементарная этика. Укоризненные же призывы к благородству и ответственности оставляли меня глухим. Хорош был бы я, если бы выдал информацию, из которой следует, что замки в изоляторе вскрывает не кто иной, как оператор коркома Вася Орешкин, я сам собственной персоной. Я же не железный, не могу заблокироваться от всех, от их молчаливой мольбы. Так что ты, Валентина, уж прости меня, но секретов выдавать я не намерен. А то, что секреты я хранить умею, знает каждый. Кому, как не мне, регулярно очищаемому память коркома от шелухи ненужных мыслей, дозволено знать все. Я не скряга, не прижимистый, но пусть лучше мы вернемся домой с неиспользованными дискетами, чем страдать потом от невозможности всунуть куда-нибудь важную информацию. Так что мне, изнывающему ежедневно перед дисплеем коркома от ваших мыслей, умных и глупых, общих и сугубо индивидуальных, все вы ясны, как стеклышко. И вы это знаете, но чувства неловкости не испытываете, так как знаете также, что это мое знание под семью

замками и ничем вам повредить никогда не сможет. Таков закон Земли, закон человека.

Вот только Вероника выглядит на этом фоне каким-то затуманенным, не совсем прозрачным стеклышком, с темными вкраплениями, которые я очень хотел бы стереть, но не могу. Боюсь, боюсь тоскливого разочарования, той мрачной неизбежности, настигающей иногда влюбленных из-за неразделенности их любви. Эх, Вероника, Вероника, взбаламошенная девчонка, скажешь ли ты когда-нибудь мне те слова, которых я так жду? Я уже до того дошел, что под звездами сижу, стихи тебе сочиняю. Хочешь послушать?

Рассыпались меж звезд твои волосы,
И вижу их всюду, везде я.
Какая же ты недоступная,
Как дальнее это созвездие.

– Спасибо! – вдруг врывается в меня звонкий, искрящийся весельем голосок.

– Вероника, ты? – узнаю я, чувствуя, как бросает меня в жар, чувствуя, что она воспринимает мое смущение. – Ну, зачем же ты так? Нехорошо же!

– Прости, Орешек! – отзывается Вероника, – нечаянно. Ты же сам меня позвал.

– Да? – удивляюсь я, вспоминая, что действительно обращался к ней. Со мной это теперь случается частенько. Хоть к Валентине иди.

– Стихи хорошие. Я их на персоналку записала. Можно?

– Можно, – мямлю я, пытаясь сдержать жар пылающего сердца, но удается плохо. Вероника тоже чувствует его.

– Не взбаламошенная я, Васенька. Я глупая, сама еще не знаю, чего мне надо, чего хочу. Ты уж подожди, пожалуйста, пока я в себе сама не разберусь. Или, может, другую полюби. Вон нас сколько вокруг. Взять хотя бы Валентину. Валя, – зовет она, – ты как к Васе относишься?

– Это мое дело, – вклинивается в наши мысли строгий голос Валентины. – А ты, Вероника, не издевалась бы над парнем, если не хочешь, чтобы я его в изолятор заперла.

– Ой! – шутливо пугается Вероника, – больше не буду. Исправлюсь.

Обе исчезают из головы, оставив какую-то томящую пустоту. Очарование звездного неба пропадает. Я нехотя бреду к далекой громаде корабля, темным силуэтом вырисовывающегося на фоне звезд. Надо бы сообщить ребятам о мерцании звезд, но желания нет. Корком сам сообщит по своим каналам, – информация-то важная…».

Джейк Хаммер, геолог. 2426-й день экспедиции.

«…Голограммный графопроектор выписывал уже дно впадины в масштабе один к тысяче. Впечатление создавалось внушительное, а что предстоит увидеть нам наяву, когда сойдет снег? Смахивает на Гранд-каньон, только не продолговатый, а в виде воронки. Будто гигантский конус с основанием в три километра и высотой в полтора перевернули и с размаху воткнули в землю. Оставшаяся от удара вмятина образовала эту впадину. И я, и мой напарник Сергей склоняемся к мысли, что эта впадина искусственного происхождения. И вообще все здесь кажется искусственным. Геосъемка дельта-лучами с борта катера выявила интересную и загадочную картину. Обратная сторона планеты интереса не вызывает, – там все, как у обычных планет, – плоские участки и разломы. А на видимой стороне все меняется. Поверхность становится ровной, перепады высот составляют менее тысячи метров. Идеальная, можно сказать, поверхность для такой громадной планеты. Ведь ее диаметр в два раза больше диаметра Земли, в то время, как давление – ноль девять «же». Рыхлая какая-то. Тяжелые элементы отсутствуют почти полностью за исключением некоторых случаев, о которых позже скажу особо.

Так вот, на этой идеально ровной поверхности одиноко возвышаются удаленные на сотни километров друг от друга неестественные образования – пирамиды с высотой от пятисот до тысячи метров и основанием от одного до трех километров, смахивающие на египетские, только с неизмеримо большим количеством граней. Вот в них-то и сосредоточены все тяжелые элементы. Состав их пока определить невозможно, так как они покрыты доверху слоем снега. Разрывать его, когда он вскоре сойдет сам и обнажит и поверхность, и пирамиды, нерационально. Пирамиды подождут, а мы без работы не останемся. Жизни не хватит, чтобы прозондировать и изучить всю планету. К тому же еще эти непонятные конусные впадины, появляющиеся иногда между пирамидами. Эту загадку тоже предстоит разгадать.

Голограф, вычертив дно впадины, остановился.

– Все, – сказал Сергей, – ровное дно.

– А ты ожидал увидеть волшебный замок, в котором ждет тебя прекрасная неземная принцесса? – съехидничал я.

Сергей зыркнул на меня своими серыми глазами и заблокировался.

– Один – ноль, – невозмутимо констатировал я, пытаясь пробить брешь в монолитной стене, воздвигнутой в его голове. Бесполезно.

Серегу я уже знаю, как свои пять пальцев. Отличный парень, свой, надежный. В старину говорили, – с таким в разведку можно идти. В трудную минуту не оставит в беде, пойдет с тобой без раздумий, неважно, хороший или плохой конец ожидает. Вот только натура у него сложная. Может шутя сказать серьезную вещь, и может при серьезной мине выставить тебя дураком. Не зевай, мол. Так что мы с ним постоянно при нулевой готовности. Бои местного значения, причем без каких-либо последствий, беззлобные. Копья точим друг о друга. Правда, сейчас я применил запрещенный, может быть, прием. Выловил как-то нечаянно его мысль-мечту о встрече на какой-нибудь планете с прекрасной незнакомкой. Вот и запустил в него. Прямое попадание, он даже не ожидал. Теперь надо ухо востро держать, Серега не из тех, кто сразу лапки кверху задирает.

Готовый к любой неожиданности, я нагнулся над моделью и принялся сосредоточенно изучать ее.

Отвесные, градусов под шестьдесят склоны, заканчивающиеся внизу слоем осыпи, исперещены трещинами и выходами скальных пород. Жутко смотреть на эту картину. Вот громадная глыба зацепилась краем за крутизну, вот целый геологический пласт, вопреки всем законам тяготения спокойно лежащий на склоне. Почему так? Или это планета шутит над нами, скованными земными мерками гравитации? А там что? Выступ, выпирающий из склона, был слишком правилен геометрически для природного образования.

– Сережа, смотри! – шепчу я, чувствуя, как срывается в бег сердце, – слева, вон там, у трещины.

Сергей мгновенно ориентируется, забегает слева, справа, наконец, ныряет внутрь голограммы. Вид получается воистину фантастический. Представьте себе гигантскую котловину, над которой торчит опять же гигантская живая голова и хлопает глазами. Сейчас, правда, размеры не гигантские, но немного воображения…

– Жека! – громким шепотом шепчет Сергей, – это стена. И в ней вроде бы дверь. Плохо видно, – тень и масштаб большой. Отведи катер в сторону и выдай этот участок оттуда в увеличенном виде.

Проделываю необходимые манипуляции и склоняюсь над голограммой, медленно проявляющейся перед нами. Теперь виден только участок склона с выступающим цилиндром. Точнее, не цилиндром, а параллелепипедом, шестнадцатигранным параллелепипедом. В его торце при однотонном цвете голограммного изображения отчетливо видна многоугольная нашлепка, смахивающая на крышку люка.

– Полметра примерно в поперечнике, – просчитывает Сергей, – а сама штука метра полтора – два. Большего мы так не узнаем, – поднимается он. – Давай просветим кси-зондом.

– А можно ли? – сомневаюсь я. – Вдруг там живые существа? Да и расстояние большое – тыщи три метров.

– Стали бы живые под километровым слоем снега сидеть, – возражает он.

– Ну, хорошо, – соглашаюсь я, – попробуем.

Мне самому невтерпеж хочется узнать, что в этой капсуле.

Сергей подскакивает к установке, настраивает и дает излучение. На экране высвечивается все та же капсула, только она не желает просвечиваться. Такая же темная, непрозрачная. И это в кси-лучах, которыми мы просвечиваем любое тело, даже Луну! Что-то невероятное!!

Но это еще не все. Под грунтом, ставшим прозрачным в кси-лучах, эта капсула соединялась с такой же непрозрачной массой, переходящей в неразборчивое сплетение труб, шаров, кубов и спиралей.

– Ого! – присвистывает Сергей. – Не ожидал увидеть такое.

– Слушай, – говорю я, – тебе это ничего не напоминает?

– А что это может напоминать?

– Пирамиды. Те тоже не просвечиваются кси-лучами. По всей видимости, материал что там, что здесь, одинаков. А отсюда можно сделать еще одно предположение. Соображаешь?

– Н-нет.

– Вся эта мешанина труб и спиралей – это ходы подземные, не так ли?

– Допустим.

– Предполагаю, что под пирамидами в глубине земли такая же система ходов. Мы же под ней не светили, только саму пирамиду пробовали.

– Надо будет просветить.

– Погоди, не перебивай. Дай мысль закончить, пока не потерял.

– Молчу, молчу.

– Так вот, второе предположение, что когда-то здесь стояла такая же пирамида. Потом ее разрушили, материал весь растащили.

– Почему же тогда не забрали все, бросили на половине?

– Обрати внимание на склоны. Они такие крутые, что велика опасность обвалов и оползней. Из-за этой опасности шахту и бросили, перестали разбирать. Тут вдогонку возникает третье предположение.

– Ну, Жека, тебя понесло.

– Как ты думаешь, каков возраст шахты?

– Трудно сказать. Мы же в ней даже не были, руками не трогали.

– Ну, примерно?

– Примерно? – вздыхает Сергей. – Судя по не очень осыпавшимся склонам… примерно не очень много, – выворачивается он.

– В таком случае третье предположение, что на планете есть или, по крайней мере, существовала до недавнего времени жизнь. В данный момент хозяева планеты могут находиться в пирамидах, скажем, в спящем состоянии из-за неблагоприятных сезонных условий. У них сейчас зима, если сравнить с нашими земными циклами. Через самую дальнюю, холодную точку планета уже прошла. Дело идет к весне. Снег растает, восстановится атмосфера, и тогда эти существа выйдут из пирамид. Потом пройдет лето, осень, и к зиме они опять уйдут в пирамиды и залягут до весны в спячку. Как медведи. Планета обращается вокруг солнца за двадцать три земных года. На каждый сезон получается примерно по шесть лет. Добавим на восстановление климата года полтора…

– И в итоге получим, что ждать нам их выхода еще года два – три, – заканчивает Сергей.

– Да. Только сюда накладывается еще неизвестные нам факторы, – к примеру, благоприятный для них климат, степень восстановления атмосферы и ряд других.

Мы молча смотрим друг на друга, мысленно представляя тот путь, который нам предстоит еще пройти. Сколько предстоит еще ожиданий, какие неудачи и невзгоды встретятся нам на пути за это время.

Виктор Изотов, метеоролог. 3986-й день экспедиции.

«…Тонны воды, смешанные с землей в грязное месиво, рушились сверху из серой непроницаемой мглы. Ураганные ветры сметали почву, обнажая скальные основания, и уносили с собой, чтобы воздвигнуть из него в другом месте горы и холмы. Рельеф планеты менялся на глазах. Там, где еще вчера была равнина, сегодня уже возвышались горы, которые могли исчезнуть в любую минуту. Грязевые тучи, мечущиеся в низко нависшем мглистом небе, разрываемые стаей ветров, вверху, мерзкое месиво из снега, воды и земли, предательское, засасывающее как болото, внизу, и сумасшедшие ураганы, сметающие все на своем пути, – таков оказался новый мир этой некогда тихой замерзшей планеты в момент пробуждения из долгой многолетней спячки. Под действием лучей приближающегося светила возрождающаяся

атмосфера неистовствовала, содрогая планету до основания. И в этой разбушевавшейся стихии, в этом аду я, жалкое нежное создание, муравьишка, пытаюсь выжить, выстоять назло всем силам Люцифера, правящего бал в данный момент на этой планете. Только лишь выжить. Потому что ни о каких-либо наблюдениях и речи быть не может. Все контролирующие установки за пределами силового экрана уже давно вырваны с корнем и развеяны по планете. И Венька, бедный Венька! Я ничего не мог сделать. Ураган мгновенно растерзал бы меня на части, если бы я выскочил из – под защиты силового поля. Я видел, как его вездеход, кувыркаясь и подпрыгивая на неровностях почвы, поскакал как мячик и исчез во мгле внезапно налетевшего урагана. А в вездеходе был Венька, Венька Соколов… Был… Теперь его уже нет. Остался я один на станции, и что меня ждет дальше, неизвестно. Может, я еще позавидую Веньке, его легкой смерти. Сколько продлятся еще эти ветра – дни, месяцы, годы – неизвестно. Катер с корабля сюда не прорвется, – заведомая гибель. Кислород на планете есть, энергии хватит на несколько лет, а вот с пищей плохо. На скромном пайке протяну с полгода, не более. А потом голодная смерть. Ну, полгода – это много. За такое время что-то да изменится. Или планета утихомирится, или наши прорвутся. Так что мы с тобой еще поспорим, Летящая, – кто кого. Вот только без Веньки скучно. Хорошо, что связь с кораблем держится, несмотря на помехи.

– Виктор, Виктор! – пробивается сквозь думы далекий голос. – Это я, Орешкин. Слышишь?

– Да, слушаю тебя, Вася, – отзываюсь я. – Как вы там?

– Нормально. Изнываем от безделья. Хоть бы скорее климат восстановился. Все работы прекращены, вот только о тебе беспокоимся. Не знаем, как вызволить. У тебя как дела?

– Все в порядке. Скучно только. Вы не очень переживайте. Продержусь до лучших времен.

– Корком просчитал вероятность стабилизации климата через полтора месяца с точностью восемьдесят три процента. Но постараемся пробиться к тебе пораньше на «черепахе».

– Хорошо. Только не рискуйте зря.

Вася отключается. Хороший он парень. Что его Вероника все мучает, что ей надо?

Сидеть на станции скучно, и я выбираюсь наружу понаблюдать за погодой. Пока расставляю и заряжаю уцелевшую аппаратуру, темнеет. Быстро наползает темень, озаряемая сполохами молний. Серая слякоть, видимость два – три метра. Тучи с громадной скоростью проносятся мимо. Глаза не в состоянии выхватить что-либо из этой сумятицы.

Зажглись прожектора. Пытаюсь рассмотреть, что там, вверху. Ничего не разобрать. Сверху сыплется, льется, валится мешанина из земли и воды, стекая потоками по защитному полю. Булыжники катятся. Колпак занесло уже на высоту человеческого роста. Если так дело пойдет, придется ребятам потом откапывать меня. Надо бы ударить по этим завалам полем, очистить хоть на время.

Внезапно раздается сигнал тревоги. Врываюсь в станцию, откидывая на ходу шлем скафандра. Внутри тишина и куют. Не верится, что творится там, за защитой. Но почему мигает и всплескивается веером табло системы защиты? Вглядываюсь в него. Система работает на пределе. Словно кто-то или что-то пытается пробить защиту. Но кто?

Выскакиваю наружу, забыв впопыхах закрыть шлем и глотнув порцию кислого приторного воздуха Летящей. Вот он, непрошенный гость! На куполе защиты, вмяв его внутрь на метр, лежит глыба. Вернее, не глыба, а целая скала. В сете прожекторов я вижу ее острые кромки. Тускло отсвечивающие черные зернистые грани. Это только видимая часть глыбы, а что еще теряется в темноте? Судя по тому, как прогнулся купол, величина глыбы должна быть внушительная. Это какую же надо иметь силищу, чтобы прикатить ее сюда?

– Витя! – врывается тревоженный голос, – что у тебя с защитой?

– Обломок скалы навалился, – стараясь не выдавать тревогу, передаю я. – защита на пределе, но держит.

– Сбрось ее силовым ударом.

– Сомневаюсь. Мощности может не хватить. Скала-то здоровая.

– Уменьши сферу защиты, тогда мощность увеличится.

Я вижу, что и этого делать нельзя. Купол ее настолько прогнулся, что выступающий конец скалы висит в полуметре над крышей станции. Если уменьшу сферу хотя бы на десять сантиметров, скала может в динамическом ударе перекрыть эти полметра и проломить крышу. К тому же еще неизвестно, как поведут себя тонны грунта, уже наполовину завалившие сферу.

Я совсем забываю о том, что за ходом моих мыслей следят ребята.

– Вы не мешайте, – говорю я им. – Я сейчас просчитаю на компьютере варианты и сделаю, что можно.

Они молчат, но я чувствую их многократно усиленную тревогу. Захожу на станцию и сажусь за пульт компьютера. Алые сполохи системы защиты и что-то невидимое, не осязаемое там, над крышей, мешают думать. Но необходимо спешить, пока все

более прогибающийся под нарастающей тяжестью грунта купол защиты не коснулся крыши станции. Пальцы мелькают на клавишах, вводя данные. Наконец, я откидываюсь на спинку в ожидании конца расчета.

И тут над головой раздается треск.

– Не успел, – пробегает мысль. В последние мгновения я вижу расширяющуюся трещину на потолке, отваливающийся кусок пластика и что-то серое и острое, медленно и грозно влезающее в образовавшуюся дыру. Затем гаснет свет, и что-то темное наваливается на меня, кидает на пол, давит и душит, душит, душит…».

Василий Орешкин, оператор коркома. 4336-й день экспедиции.

«…ни Веню Соколова, ни Виктора Изотова найти не смогли. Даже следов от них не осталось. Вездеход ураганы распылили по всей планете, станцию разнесло при взрыве атомного реактора, когда глыба, проломав крышу, нарушила энергопитание системы защиты. Кратер взрыва, видимый в дельта-лучах, уже через десять минут занесло песком, и от места катастрофы не осталось никаких следов. Так что от Вени с Витей остались только их образы в наших душах да их мысли, записанные на дискетах и которые я ни за что не сотру, пусть даже придется лишиться важной информации. Веня и Витя. Первые люди, оставшиеся навечно на этой чуждой нам планете. Нет, ни за что людям не привыкнуть к ней. До того она изменчива. Казалось. Совсем недавно сидел я на заснеженной вершине под застывшим звездным небом, и малейшая неисправность скафандра грозила мне неминуемой гибелью в безвоздушном пространстве. Казалось, совсем недавно бурно возрождающаяся атмосфера гоняла по планете вихри и ураганы, стирая в порошок горы и заглаживая неровности и складки рельефа. Теперь ее опять не узнать. Летящая явилась нам в новом, третьем своем состоянии. Голубое с фиолетовым оттенком небо, по которому лениво плывут редкие розоватые облака, ровная песчаная равнина с ребристыми барханами и дрожащей дымкой далеких миражей создают иллюзию Земли. Даже редкие чудные растения, смахивающие на кактусы Аризоны, разлегшиеся в истоме на земле и лениво разбросавшие во все стороны изумрудно-черные мясистые листья, – даже они кажутся атрибутами Земли. Если бы… Если бы не быстрота, с которой росли эти растения, меняющиеся прямо на глазах, набухая, выкидывая новые побеги, которые в свою очередь ткут же начинали расползаться по земле. Будто кто-то торопил, подгонял их, заставляя быстрее расти…

Если бы не жутко маячившая на горизонте черная гигантская пирамида, казавшаяся отсюда нереальной, будто нарисованной на куске голубого картона. Загадочная, явно не принадлежащая этой планете, но все-таки существующая. И к тому же не одна. Киберразведчики, обследовав всю планету, насчитали таких пирамид, расположенных на солнечной стороне планеты примерно на равных расстояниях друг от друга, свыше сотни. Что бы это могло быть? Памятники вымершей цивилизации или инопланетной? Ведь больше не обнаружено никаких следов деятельности разума, если не считать непонятных образований, обнаруженных Сергеем и Джейком в котловине. Но с ними не все еще ясно и вряд ли прояснится, так как от котловины не осталось и следа, – засыпало при корчах пробуждающейся планеты. Осталась надежда только на пирамиды. Но обследование их пока дало очень мало. Материал пирамиды имеет уникальные свойства – высокую прочность, не позволяющую отколоть даже крупинку для микроанализа, и абсолютная поглощающая способность. Свет поглощается до такой степени, что даже грани и углы не видны и осязаются только на ощупь. Стоишь на пирамиде, а кажется, что под тобой ничего нет. Только черная бездонная пропасть. Попытка просветить дельта-лучами окончилась неудачно. Даже луч лазера, вместо того, чтобы вырезать участок, полностью поглощался поверхностью, не вызывая ни малейшего нагрева. Но ребята все равно не сдаются, ползают по пирамиде как муравьи…

Внезапно в мои размышления вторгается сигнал тревоги. Лихорадочно замигали огоньки коркома, сигнализируя о включении силового экрана, систем безопасности, готовности корабельных орудий. И пришла извне боль, невыносимая человеческая боль… И тут же оборвалась…».

Юрий Климов, биолог. 4336-й день экспедиции.

«…из многочисленных отверстий, внезапно образовавшихся на гранях пирамид, выплеснулись струи воды. Нет, не воды, а серого дыма, тумана, осязаемого, вещественного. И валом покатились вниз. Почти мгновенно оказались у подножия и растеклись по равнине. А затем последовало ужасное. Ребята, привыкшие к безопасности и беспечности, не ожидали этого и почти все оказались в зоне действия этого тумана. Я вижу, как они вскрикивают и падают, вижу, как искажаются болью их лица, чувствую их боль. А туман густеет над ними, скрывая их из глаз.

Стремительно бросив катер вниз, к самой земле, пытаюсь хоть кого-нибудь спасти. Но все утонуло в тумане.

– Юра! – слышу крик. – Скорей ко мне. Не могу подняться.

Внутри второго катера, стоящего на земле, сквозь феррогласовую оболочку колпака видна машущая руками фигура. Подгоняю катер к люку и зависаю в метре над ним. Вокруг катера клубится дымка, взбрызгивая как пена на скользкий колпак кабины.

Сергей, а это оказался он, откинув люк, броском прыгает на мой катер, но тут же, дико закричав, начинает медленно сползать вниз. Забыв об опасности, я откидываю люк и едва успеваю схватить его за ослабевшую руку. Втаскиваю бесчувственное тело в кабину, краем глаза замечая, как на прозрачном колпаке остаются кровавые полосы. Откуда? Взгляд падает на ноги Сергея. Какой ужас! Начиная от колен вниз ноги Сергея в крови. Высокопрочная ткань комбинезона свисает лохмотьями, от ракордовых ботинок ничего не осталось. Пальцы на ногах исчезли, а сами ноги будто изгрызены безжалостными челюстями.

Понимая, что медлить нельзя, поднимаю катер в попытке найти еще кого-нибудь. Увы! Ребят нет. Тихо в голове, нет ничьих мыслей. Даже их тела исчезли. Туманные сгустки рассасываются, но тел там уже нет. Только катер Сергея, покачиваясь, словно на волнах, из стороны в сторону, оседает, тонет в дымке, будто его засасывает в болото. И вдруг его разносит взрывом на куски. По-видимому, взрывается реактор. Взрывной волной нас отбрасывает в сторону. Стонет лежащий без сознания Сергей, но я не могу сейчас ему помочь. Я изо всех сил борюсь с поврежденным ударной волной управлением. Земля надвигается то слева, то справа, то несется прямо на меня. Только бы дотянуть до корабля, только бы не упасть, иначе…».

Василий Орешкин, оператор коркома. 4344-й день экспедиции.

«…Мы в капкане, в клетке. Не совсем, конечно. Взлететь мы можем. Но тогда конец всей экспедиции, невыполненное задание и бесцельно потраченные годы и жизни. Ведь сам взлет корабля будет означать капитуляцию. А мы пока еще боремся, хотя работа полностью парализована. Сидим внутри силового колпака и не можем сделать из него ни шагу. Лишь кибы могут летать над поверхностью, где они недосягаемы для дымки. А что собой представляет эта дымка, и как с ней бороться, – до сих пор не представляем. Пытались на бреющем полете кибами взять ее на анализ. Три киба потеряли, но четвертый вернулся. И что? В контейнере оказался абсолютно идентичный атмосфере воздух. Только кибы зря потеряли.

Ребята часами слоняются у силового экрана, рассматривают, фотографируют, спорят. Единственное, что удалось установить, –

это то, что у дымки интересная особенность, – не поймешь, осязаемая она или нет. Обычный земной туман виден, – он клубится, меняется, перемещается под действием ветра. Этот же от ветра не зависит. Есть ли ветер, нет ли, дымка все равно стелется ровным полуметровым слоем у земли, дрожа, как мираж в жаркий полдень на асфальте. Причем она такая же прозрачная, и только по еле уловимому движению, мерцанию понимаешь, что она существует. Такая безобидная из-за своей невидимости и такая неумолимо жестокая. Смотришь на нее из-за экрана и не верится, что она разрушает, растворяет все – органику, высокопрочные сплавы. Но почему она не трогает местные растения? – приходит неожиданная мысль, – ведь они тоже из органики! Передаю это коркому и чувствую, как быстро забегали токи в его электронном мозгу, неслышно защелкали триггеры и счетчики. Сорвался с места Юра Климов, сумевший тогда, при первой атаке добраться на катере с перебитыми элеронами до корабля и спасти Сергея.

Ну, ладно, это их забота – обмозговать сообща с коркомом мою идею. А моя – стоять здесь, у силового экрана и думать. Ведь рядом с опасностью, с врагом думается лучше. Вот почему, к примеру, на фотографиях дымка не видна совсем? По-видимому, оттого, что видна она только в движении. А движение – функция времени. Может. Если остановить время, то и движение остановится, и тогда можно будет разглядеть структуру дымки. Черт! Опять пришел к тому, с чего начал. Ведь фотография – это как раз остановившееся время и остановившееся время. Стоп! Вот где закрадывается ошибка. Маленькая, но сбивающаяся все на нет. Фотоаппарат снимает с определенной выдержкой в десятые, сотые, тысячные доли секунды. Для нас это мгновение или даже доли мгновения, но для других это может быть довольно длительным периодом. В частности, для микромира. Мы эти мгновения не можем воспринимать, но кто-то другой может. А фотография приспособлена применительно для наших органов чувств. Допустим, что аппарат не успевает, как и глаз, захватить в заданном интервале времени движение. Слишком большой интервал или слишком быстрое движение. Тогда на фотографии ничего и не увидишь. Разве что смазанные отпечатки и размытые силуэты. Значит, надо еще уменьшить интервал времени фиксирования. Как, например, когда смотришь долго, то ничего не замечаешь. Но стоит резко отвести взгляд, как краем зрения замечаешь в дымке какие-то структуры – изломанные линии, сплетающиеся в каком-то непонятном хаосе. Ребята это давно заметили и называют их химерами. Считают, что это обман зрения, и не обращают внимания. Но, может быть, за этими

структурами как раз и кроется разгадка дымки. Надо еще раз внимательно просмотреть снимки.

Я бегом бросаюсь к кораблю, в нетерпении от близости разгадки. Ребята, сгорая от любопытства, кричат что-то вслед, пытаются пролезть мне в голову, но я, сам еще не уверенный в правильности своего решения, блокируюсь и не позволяю им ничего выудить. На бегу задаю коркому программу, и, когда сажусь перед дисплеем, на экране уже проецируются первые снимки.

На этом ничего нет, на следующем тоже. Пятый, десятый, двадцатый снимок… Результатов никаких. Сомнение закрадывается в душу. Двадцать третий снимок – стоп! Или показалось? Но нет, что-то в нем не так. Какой-то ломаный штрих, едва уловимая тень на фоне песка. Есть! Не веря в удачу, прогоняю снимки еще раз. Еще на трех нахожу такие же штрихи. Вот что значит невнимательность! Чуть мимо открытия не прошел.

Задаю коркому исходные данные для разработки высокоскоростной аппаратуры и расслабляюсь. Я свое дело выполнил, очередь за физиками и механиками. Ребята гневно шумят в голове, требуют рассказать. Отсылаю их к коркому, – там все записано…

Первые же снимки дают ошеломляющий результат, – дымки не существует. Иллюзию дымки, дрожащего марева создают хозяева пирамид – похожие на пауков создания. Внешне они смахивают на тонкие и длинные, сантиметров в двадцать-тридцать сучки, изогнутые, искореженные. Мы так их и назвали сначала – «сучками», но название не привилось. Ребята по привычке называли их химерами. Они и были химерами – жуткими созданиями, не имевшими по земным меркам права на существование. К туловищам их прикреплены еще более тонкие длинные, изломанные членистые ноги, примерно такие же, как у земных пауков, которых мы в детстве любили ловить и отрывать им ноги, которые потом долго еще шевелились, – косеножек. Сколько было ног у этих существ, так и не удалось точно установить. На одном снимке просматривалось пять ног, на другом – восемь. А на каком-то вообще угадывалось одиннадцать. Слишком велика была скорость их передвижения, что даже сконструированный аппарат не смог ясно запечатлеть оригинал. Из-за этой же скорости мы не могли их увидеть. Наши глаза оказались неспособны к восприятию таких движений.

Также не удалось рассмотреть их хватательный аппарат, которым они так жестоко и быстро расправлялись даже с металлом. На обоих концах сучков была видна какая-то размытая

бахрома. Вернее, не бахрома, а веер щупальцев. Возможно, это и является их главным оружием. Даже не верится в несокрушимую силу такой бахромы. Но только где у химер перед и зад? Непонятно. Щупальца с обеих сторон – единственное, что удалось установить по размытым силуэтам на снимках. Больше мы вряд ли что узнаем без специальной аппаратуры, которую в наших условиях изготовить невозможно. Слишком высока скорость движения химер. Да и весь их жизненный цикл, а также самой планеты тоже быстр в сравнении с нашим. Ведь не спроста же так стремительно растут растения. По расчетам наших астрономов через полтора года по мере приближения планеты к солнцу здесь будет настоящее пекло, в котором не в состоянии выжить ни одно существо. Вот они и торопятся жить. Жизнь их, По-видимому, состоит из двух циклов. Первый, активный, длится года полтора – два по земным меркам в периоды приближения и удаления планеты от солнца. Когда же наступают неблагоприятные для жизни условия, – жара при наименьшем расстоянии Летящей от солнца и космический холод при наибольшем, – наступает пассивный, заторможенный цикл, и химеры прячутся в свои пирамиды. Чем они там занимаются, – впадают в спячку или ведут активную жизнь, – неизвестно. Судя по поглощающей способности поверхности пирамид, можно предполагать о накоплении энергии и последующем ее использовании в периоды заторможенных циклов.

Форма жизни химер сходна с жизнью земных муравьев или термитов. Следовательно, о разуме говорить не приходится, хотя они и озадачили нас вначале своими идеально геометрическими пирамидами. Но ведь термитники тоже озадачивали естествоиспытателей своей формой, хотя она не идет ни в какое сравнение с пирамидами химер. Тоже поговаривали о разуме термитов. Ил, к примеру, те же пчелы. Геометрически правильные соты, жесткая социальная иерархия. Но ни капли разума.

Жаль, что не можем выловить ни одну химеру. Ни одна ловушка не успевает захлопнуться. Тогда бы мы изучили их подробнее, много загадок разгадали. Но чтобы их поймать, нужна специальная аппаратура, которую можно изготовить опять же только на Земле. А пока остается только пассивно следить за дымкой, ждать, чем еще проявят себя химеры, и пытаться решить сыплющиеся на голову одна за другой загадки…»

Клим Цой, астроном. 4358-й день экспедиции.

«… И вот, судя по тому, что уже в течение двух часов тридцати семи минут в конструкции не происходит никаких изменений, установка готова. А ведь уже прошло четыре дня с тех

пор, как за три часа исчезла верхушка пирамиды, и на образовавшейся площадке стала расти непонятная конструкция. Она ежеминутно меняла очертания, вызывая завораживающий интерес у всех. Ребята, начавшие было вести дискуссии о том, что пора возвращаться домой, что здесь уже делать нечего, теперь часами толпились внизу у силового щита или же пытались пробраться сюда, в навигаторскую рубку, чтобы посмотреть на экране приближенное изображение. Разговоры о возвращении как-то сами забылись, и теперь все взгляды, все мысли были прикованы к верхушке пирамиды, к загадочной установке. Возобновились споры о разумности химер, но к какому-либо мнению так и не пришли. Слишком мало было данных. Один из двух оставшихся кибов, посланный на разведку, покружился немного над площадкой и вдруг резко пошел вниз и разбился. Последний киб посылать уже не рискнули, и теперь могли только гадать о том, что происходит на пирамиде. Проявление это разума или нет?

И вот конструкция завершена. Для чего ее воздвигли, что последует дальше, – одни только вопросы без ответов. Но страсти…

– Ой, мальчики! – всплескивается мысль Вероники, которая тоже внизу, у щита, – дымки нет. Химеры исчезли!

– Внимание! – тут же раздается приказ капитана. – Тревога! Всем на корабль! Приготовиться к старту!

Вижу, как внизу все бросаются к люку. На ходу плетут мозаику мыслей:

– Зачем? – какая опасность? – ну и пусть исчезли – кушать пошли – перерыв на обед – ужин – они вон как исхудали – действия непонятны – внушают тревогу – надо быть готовыми ко всему – корком выдал расчет – улиткообразный раструб установки направлен на нас, фокус его сходится на корабле…

Что-то дрогнуло на площадке пирамиды. Я сначала не сообразил что. Уже падая, в последний момент перед тем, как погас экран, понял. Площадка была пуста. Установка исчезла…

Невыносимый грохот… адские силы пытаются разорвать тело на части… ходящая ходуном палуба корабля… и мрак темный бездонный мрак…».

Олег Сташев, механик. 4358-й день экспедиции.

«… повреждения неимоверные! Гравитационный удар был внезапен. Никто не ожидал этого. Силовое поле смяло, но благодаря автоматике не сорвало совсем. Иначе от нас ничего бы не осталось, разнесло бы весь корабль в клочья.

Из пяти генераторов поля два вышло из строя и надолго.

Атомный реактор сбился с режима. Пришлось во избежание разноса его остановить. Для запуска потребуется не менее двух дней, если по быстрому, без поэтапного контроля.

Химеры снова строят пушку!..».

Общий. 4360-й день экспедиции.

«С т а ш е в: Мы не сможем подняться на четырех генераторах, – недостаточно мощности, чтобы создать нужный заряд гравитации.

Ц о й: Но они уже заканчивают вторую пушку, еще мощнее первой! Что же, сидеть и ждать, когда они нас прикончат?

С т а ш е в: Можно подняться на межзвездных двигателях, но…

В а л е н т и н а: Но тогда химеры погибнут.

В а л е е в, физик: При взлете на межзвездных произойдет заражение радиацией четверти планеты. Это означает гибель если не всей, то значительной части цивилизации химер. К тому же вероятен сдвиг Летящей со своей орбиты.

О р е ш к и н: Этот вариант отпадает. Может, защита выдержит?

К о р к о м: Сравнительный анализ предыдущей и новой пушки химер предполагает увеличение мощности удара в 1,7 раза. Генераторы поля выдержат только при значении 1,5. Вероятность разрушения гравизащиты корабля 98,3 процента.

К а п и т а н: Плохо! Есть еще варианты?

Г а л ь д е н, физик: Мы можем нанести им упреждающий удар из наших бортовых противометеоритных орудий.

С т а ш е в: Можем, но это даст нам отсрочку на два – три дня. Химеры изготовят третью. А взлететь мы все равно не сможем. Чтобы отремонтировать неисправные генераторы, нужно развернуть стационарную мастерскую. На все это потребуется не менее месяца.

Г а л ь д е н: Ну и будем в течение месяца регулярно сбивать их пушки, пока не восстановим генераторы. Ведь пушки у них, слава богу, одноразового действия.

К л и м о в: Химеры – разумные существа. Они веками совершенствовали свой разум и оружие, воюя с себе подобными за жизненное пространство и материал для пирамид. Примером тому гигантские воронки, оставшиеся от стоящих там когда-то пирамид. Химеры – хозяева этой планеты, а мы – пришлые. И я не могу поднять руку на хозяев.

Х а м м е р: Уэллсовская «война миров», только в роли марсиан будем выступать мы.

В а л е н т и н а: Нельзя завоевать жестокостью дружбу и

уважение.

Г а л ь д е н: Пусть лучше они будут жестокими и убьют нас, не так ли?

В а л е н т и н а: Может быть и так. Химеры еще не разобрались, кто мы такие. Но мы не одни. За нами придут другие. Смогут ли они завоевать уважение химер после наших необдуманных действий? Никогда!

О р е ш к и н: Итак, выхода нет?

К л и м о в: Химеры – разумные существа. Коллективный у них разум или индивидуальный, – неважно. Мы – тоже разумные. Так неужели разум не сможет договориться с разумом? Предлагаю отключить защиту и выйти безоружными им навстречу.

Ц о й: С белым флагом!

Г а л ь д е н: А ты не думаешь о том, что с нами будет то же самое, что и с ребятами, погибшими у пирамиды?

К л и м о в: Не все ли равно, где погибать, – здесь, в корабле или же в объятиях химер?

В е р о н и к а: Бр-р! Только не так! Или же выйти перед выстрелом, когда химеры попрячутся.

К л и м о в: Рискованно. Можем не успеть.

С т а ш е в: В чем риск? Терять-то нам все равно нечего.

В е р о н и к а: Значит, все было напрасно – эта экспедиция, наши жизни?

О р е ш к и н: Нет, Вероника. Я уже подготовил к отправлению на Землю все, что записано в памяти коркома. Те, кто придет сюда после нас, уже не повторят наших ошибок.

К а п и т а н: Итак, решено. Собираемся внизу, у экрана защиты.

В е р о н и к а: Вася, мне нужно тебе что-то сказать.

О р е ш к и н: Слушаю, Вероника.

В е р о н и к а: Только не здесь.

Василий Орешкин. 4361-й день экспедиции.

«Все, последние записи отправлены. Есть еще время сказать вам последнее слово. Внизу, у корабля уже выстроились все ребята, весь экипаж. Ждут меня.

Думаю, вы не осудите нас, люди. Мы уходим навсегда, но мы знаем, что, умирая, не умрем и будем продолжать жить в ваших мыслях. А поэтому нам легче уходить…

М ы с л ь В е р о н и к и: Вася, химеры попрятались!

Все, бегу. Прощайте, люди! Прощайте, земляне! Помните о нас! Мы с Вероникой и весь экипаж корабля «Барнард» передаем вам прощальный привет!».

Фантастические рассказы

Узник времени

И что за мода сейчас пошла! Все что-то придумывают, создают. Одни – цивилизации инков и шумеров, другие – Баальбек, Стоунхендж, третьи пустыню Наска расписывают или столб из химически чистого железа в древней Индии устанавливают. А есть и такие, которые отправляются в каменный век и из хулиганских побуждений разрисовывают стены в пещерах летающими тарелками и инопланетянами. Причем несмываемой краской!

Захотелось и мне что-нибудь эдакое монументальное создать, новое вписать в историю человечества. Долго я думал, но ничего путного в голову не приходило. Хотел какое-нибудь племя или народ перенести в другое время и место, но, оказывается, кто-то уже успел меня опередить. Тому подтверждение – айны на Курилах и в Японии, – гуанчи Канарских островов, негры Абхазии. Может, какое-нибудь чудище из мезозойской эры в настоящее забросить? Да нет же, есть уже чудовище озера Лох-Несс. Динозавров всех потравили. Атлантиду бомбой подорвали. Религию христианскую разработали и в слабые умишки наших предков запихали. В Тунгуске иллюминацию устроили. На Бермудах пространственно-временной туннель установили. Умудряются же придумать! Снуют туда-сюда на своих пространственно-временных летающих тарелках, все века уже заполонили, загадили. А у меня ну ничегошеньки в голову не лезет, хоть убей!

Но я все-таки придумал! Да не что-нибудь там мелкое, типа белых индейцев или снежного человека. Такое, что перекроит карту всего мира.

Что у нас сейчас представляют Британские острова? Мелкая островная колония Великой Саксонской империи. Голые острова, безлюдные, нищие. Империя уже высосала из них все, что можно, и теперь оставила их на прозябание, лишь формально продолжая править.

А я создам еще одну империю. В противовес существующей. Создам Британию, причем не просто Британию, а Великую Британию. Родившись и окрепнув, она не позволит возвыситься Саксонии, империи зла всей Европы. К тому же сам я бритт, хоть и не чистокровный. Предки мои по отцовской линии были чистокровными бриттами. Бриттская кровь, текущая в моих жилах, взывает к отмщению. И я должен возвысить нацию бриттов, от которой в результате притеснений, длившихся веками, осталась лишь жалкая горстка. Да и имя свое, между

прочим, увековечу.

Итак, я решился. А что нужно в первую очередь для увековечивания? Конечно же, машина времени, этакая комфортабельная летающая тарелка, имеющая максимум безопасности и удобств и минимум управления и энергозатрат. Но где я достану два – три миллиона кредиток на эту штуку, когда у меня даже представление о такой сумме весьма смутное. Нет, я, конечно, не нищий. Есть кое-что на счете, но чтобы такую, – увы! Так что придется обойтись карманной моделью, отнюдь совсем не комфортабельной и совсем не защищающей от случайных внешних факторов. Но мне же не к динозаврам и не на миллионы лет вглубь. Сойдет и такая. Параметры ее определю позже, когда просчитаю глубину и ширину перемещений. А сначала нужно определиться, как создать эту империю, что нужно сделать, какой камешек подтолкнуть, чтобы вызвать лавину.

Саксы двинулись на острова в конце четвертого века. С тех пор и до настоящего времени они угнетали и уничтожали коренное население. Почему так получилось?

Это время приходит на распад Римской империи, которая владела Касситеридами, то есть Британскими островами. На островах разгораются междоусобные войны. Каждый мелкий князек, феодал, обладающий двумя – тремя акрами земли, провозглашает себя королем и воюет с соседями, чтобы поработить их и захватить их земли. Страна, ослабленная междоусобицей, становится лакомым кусочком для чужеземных завоевателей. Гибель бриттов неминуема.

Чтобы исключить завоевание саксами островов, необходимо устранить междоусобицу, объединить всех бриттов воедино и сообща разгромить врага. Кто сможет объединить их? Я? – Маловероятно. Конечно, я могу предстать перед ними божеством. Но сможет ли это божество, хилое, заморенное, не обладающее организаторскими способностями, повести за собой орду диких звероподобных мужиков? Нет, естественно. Значит, нужен свой, местный. Сделать его королем Британии, причем публично, чтобы все признали. Помочь объединить все княжества и племена. И все. Песенка саксов будет спета. Британия покатится все нарастающей лавиной в новое будущее.

Побродив по скупочным магазинам, я приобрел относительно дешево – всего лишь за каких-то пять тысяч – подержанную машину времени в виде пояса с глубиной перемещений в полторы тысячи лет и шириной до пятидесяти тысяч саков. Работать придется на самом пределе граничных значений, но других дешевых машин не было. Зато остались деньги на экипировку. Купил гипноусилитель, халат арабский со звездочками, чтобы на

волшебника натуральней походить. Да и под халатом можно спрятать не только пояс, но и вообще что угодно.

С языком, думаю, проблем не будет. Истинный бритт наряду с государственным, сакским языком знает и язык предков, пусть и неиспользуемый, мертвый. Знаю и я. Так что объясняться с предками смогу.

Ну что ж, можно и смотаться, на разведку хотя бы. Установил время на полтора тысячелетия и нажал на кнопку.

Очутился в лесу. Приличный лес, густой, заросший. Ни проехать, ни пройти. Ни в какое сравнение с нашими голыми холмами с жиденькой травой.

Пошел я по лесу. Запахи пряные, птички поют, солнце пригревает. И не подумаешь, что в четвертом веке, что кругом опасность подстерегает. Тишь и благодать. На тропинку вышел, иду по ней. Разморило меня, бдительность совсем потерял.

А тут вдруг вылезают из кустов трое. Лохматые, заросшие, но в дубленках. В руках дубинки и ножи. Луки со стрелами за плечами болтаются. Глаза свирепые.

Я даже сообразить толком ничего не успел. Надо было на кнопку возврата сразу нажать, а я рот разинул.

Берут они меня грубо за руки, выламывают за спину. Один по зубам так звезданул, что у меня искры из глаз посыпались.

– Ребята, что вам надо? – спрашиваю.

– Все, что у тебя есть, – отвечают.

– Но у меня же ничего нет, сами видите. Я здесь проездом, ничего с собой не захватил.

– Тогда мы тебя будем убивать, – говорят они, – чтоб в другой раз захватывал.

– Не смогу я в другой раз захватить, если вы меня убьете. Давайте лучше я сейчас смотаюсь домой, еды вам прихвачу, еще чего – нибудь.

Они пасти свои гнилые разинули, ржут.

– Нет уж, – говорят, – обойдемся. Шмотки свои снимай. Тебе все равно уже ни к чему, а нам сгодятся.

Хотел я нажать на возврат, благо руки они мне освободили. Тем более из-за разности мнений вряд ли стоит кого-либо из этих королем делать. А, значит, и поддерживать знакомство смысла нет. Но тут слышится топот коня, и на лужайку, где мы расположились, вылетает всадник, да какой! Весть в железе с головы до ног, даже конь броней прикрыт. На голове ведро, в нем только две щели видены. В руке копье с флажком на конце, на боку щит и меч. В общем, вся эта воинская атрибутика. Прет он, значит, прямо на нас, не сворачивает.

Мои дружки, как увидели его, вмиг по кустам рассосались. А

я стою и не знаю, что предпринять, куда от него податься. Всадник подъезжает и вещает:

– Мерлин, ты как сюда попал?

Тут я еще больше его удивился:

– Откуда ты, – спрашиваю, – меня знаешь?

– Как же мне не знать-то? Это же ты, Мерлин Мор, маг и чародей, помог мне королем бриттов стать.

Вот те раз! Не успел здесь первые шаги сделать, а уже, оказывается, меня здесь все знают. И даже успел кого-то королем сделать. Парадоксы времени начинаются.

Мямлю я, что да, мол, помог, только забывчивый я, склероз мол. Даже как его зовут, – не помню.

– Король Артур я, – свирепо бычится железная бочка. – На значке же все ясно написано! – Он сует мне под нос острие своего копья, чтобы я тряпку на нем мог лучше разглядеть. От такой близости небезопасных доводов я моментально все вспоминаю и переключаю разговор на него:

– А ты куда скачешь?

– Король Пелинор недалеко отсюда остановился. Хочу с ним сразиться. Надо же мне подданных и славу завоевывать.

– А ну, как убьет тебя Пелинор?

– А ты не каркай! – звереет Артур. – Это ты бы лучше не шлялся в одиночку. Веселых ребят нынче много. Мигом прирежут или голову набок свернут. – Конь срывается вскачь, и они исчезают среди деревьев.

– Ничего подобного, – возражаю я вдогонку. – Я бы от них спасся.

Начало, в общем, обнадеживающее. Короля, оказывается, я уже слепил какого-то. Ан нет, надо еще слепить, а то ничего не будет. А для этого надо чуток подальше в прошлое забраться, найти этого мужика и сделать королем. Вот только как его найти, если я его даже в лицо из-за этой жестянки не видел. К тому же, может и связываться с ним не будет особой необходимости, – вдруг убьет его Пелинор.

Хотел я погнаться за ним на машине, но она так рыскала из стороны в сторону и заваливалась с боку на бок, что вызывала приступы тошноты. Потому я предпочел обойтись пешим ходом. Повредили, похоже, ее те ребята.

Когда я, запыхавшись и изрядно устав от пробежки, выскочил на луг, бой подходил к концу. На перепаханной земле валялись бездыханные кони, обломки копий вперемежку с жестянками доспехов. Мой Артур, обездвиженный, лежал на земле. Над ним, держа в одной руке меч, склонился противник. Другой рукой он расстегивал ремешок его шлема. Расстегнув, он откинул это

ведро, отошел для удобства чуть в сторону и замахнулся мечом.

– Стой! – закричал я, поняв, что тот задумал.

– Да как ты смеешь мешать мне, раб! – закричал Пелинор и, не отпуская меча, шагнул ко мне.

– Не убивай его, – попросил я, соблюдая на всякий случай дистанцию. – Это Артур, король бриттов. Он объединит народ и не пустит на острова саксов.

– А ты кто?

– Я – Мерлин, волшебник, опекающий его.

– Ха, легко стать королем под опекой волшебника. И почему этот заморыш, а не я, будет королем бриттов? Если я его убью, то королем стану я. А ты будешь опекать уже меня, – и он шагнул к Артуру.

Убедившись, что словом Пелинора не проймешь, я включил гипноусилитель и приказал ему заснуть. Тот незамедлительно выполнил указание, чуть не напоровшись при этом на собственный меч.

Удостоверившись, что Пелинор больше претензий не имеет, я подошел к Артуру. Передо мной лежал рыжий детина. Налитое кровью лицо, обросшее тоже рыжей бородой, мохнатые брови придавали ему вид разбойника с большой дороги. Если поставить его рядом с теми ребятами, то тут еще надо будет хорошо подумать, кто есть кто.

Сходил я к ручью, зачерпнул его дырявым ведром воды и вылил ему на голову. От такого душа Артур мигом открыл глаза, подскочил и сел, чихая и кашляя.

– Мерлин, опять ты? – еле вымолвил он разбитыми губами.

– Ты какого черта меня не послушался! – завывая и громыхая голосом, начал я на него воздействовать. – Если бы не я, Пелинор убил бы тебя.

– Ну и что!? Значит, судьба моя такая, – пытался возразить Артур.

– Я для чего тебя королем делал? Чтобы ты свою судьбу испытывал? – ярился я. – Так у нас дело не пойдет. Или ты будешь слушаться меня во всем, или я складываю с себя полномочия. И тогда разбирайся сам, как знаешь.

– Ну ладно, ладно, – буркнул Артур. – Буду слушаться, чтоб ты провалился!

– Тогда давай разрабатывать нашу дальнейшую стратегию и тактику.

Часа два просидели мы с ним, согласовывая действия. По ходу дела я выяснил у него, как это я умудрился сделать Артура королем. Вернее, еще умудрюсь. Артура тошнило, ему становилось плохо, но разговор он в своих же интересах

поддерживал.

Внезапно Пелинор, валявшийся грудой металлолома рядом, зашевелился и тяжело, со скрипом поднялся. Увидев нас, он зарычал, подхватил меч и двинулся к нам, шатаясь из стороны в сторону. Я приказал ему не замечать нас и убираться отсюда поскорее. Что он и сделал, не обращая внимания на прыгающего перед ним и пытающегося вызвать на бой Артура. Артур вскоре вернулся, словно побитая собака.

– Что с ним? – только и спросил он.

– Заколдовал я его, чтобы не мешал, – небрежно бросил я. – Не обращай внимания.

– Я думал, ты его убил.

– Зачем? – удивился я. – Это же не сакс. Этот еще тебе самому пригодится. И вообще, бросай эти штучки – своих убивать. Нам сейчас каждая рука, способная держать меч, нужна. А вы друг друга лупите.

Помог я Артуру добраться до какой-то избушки, в которой жил отшельником одинокий, устрашающего вида старик. Снабдил его антибиотиками и ранозаживляющими лекарствами. Артур долго отплевывался и матерно ругался, отведав одну таблетку. Тогда я внушил ему необходимость соблюдать режим и дозировку и удалился. Выздоровеет, сам до дома доберется. А мне некогда сейчас с ним нянькаться.

Отсчитал я нужное время и махнул еще подальше в прошлое. Долго бродил в поисках замка сэра Эктора. Во избежание излишнего и преждевременного интереса приходилось делать это очень осторожно. Но замок я все-таки отыскал. Затем, чтобы не тратить время на ожидание, прошвырнулся по всему дню, определив момент, когда можно будет без помех вступить в контакт с моим Рыжиком. Я явился из ничего перед ним, повергнув его в изумление и наземь.

Стою я, значит, перед ним безмолвной выятой фигурой. Руки вверх задраны. Хламида арабская колышется от ветра, важность момента сбивает. А он с бледной физиономией и вытаращенными глазами сидит на земле, сучит ногами и пытается что-то сказать. Но изо рта вылетает только «ва… ва…». Навел я на него страху. Это хорошо. Легче потом будет управлять им.

– Кто ты? – спрашиваю грозным голосом.

– А… Ав… Артур, – отвечает, наконец.

– Ясно, – говорю. – Дальше можешь не продолжать. Я про тебя все знаю. Ты племянник сэра Эктора, дальний родственник, бедный к тому же. Живешь на дядиных харчах, поэтому вынужден ублажать во всем и дядю, и сынка его, сэра Кея. Верно?

– Да, – Артур уже оправился от испуга. – Сэр Кей даже оказал

мне милость – взял к себе оруженосцем.

– М-да, – протянул я, – завидное положение у будущего короля Британии.

– Чего? – не понял тот.

– Я – Мерлин Мор, маг, чародей и волшебник. Прибыл сюда с единственной целью – наставить тебя на путь истинный. Чувствовал ли ты когда – нибудь, что на тебя возложена ответственная миссия?

– Не-е-ет.

– Так знай же, что отныне тебе предстоит стать королем всех бриттов, объединить их. Ты разгромишь саксов, изгонишь их со своей земли и создашь великое и могущественное государство – Британию.

У Артура отвисла челюсть. Он замер, упиваясь своим великим будущим. Но я его быстро отрезвил.

– А для того, чтобы все это произошло, ты должен слушаться меня во всем. Только тогда над Британией загорится неугасимая звезда короля Артура.

– Я буду слушать тебя, великий Мерлин, – бухнулся Артур мне в ноги.

– Хорошо. Подымись. Надо обсудить наши дальнейшие шаги.

То, что Артур не какой-нибудь сэр, а мелкая птица, играло положительную роль. Все эти князьки, объявившие себя королями, глотку бы друг другу перегрызли, претендуй кто из них на высшую власть. А так у них будет утешение, что если не они стали королями, то и другим конкурентам этот пост не достался. Но опять же с другой стороны появляется обида, что королем становится никому не известный человек, а не тот, который может им стать по праву. Значит, надо придумать убедительную легенду о королевском происхождении Артура. И колдовства нагнать для пущей достоверности. Только кто же все-таки нашел кого – я Артура, Артур меня или все это было предопределено свыше? Со временем шутки шутить опасно – так увязнешь, что и не выберешься.

– Кто был последним королем? – спрашиваю Артура.

– Утер Пендрагон. Отравили его саксы лет пятнадцать назад. С тех пор нет у нас короля. Каждый сам себе король.

– Ага, понятно. Каждый хочет, чтобы королем провозгласили его, и не хочет другого, да?

– Да. У короля не было наследника. Теперь все спорят, ругаются, воюют друг с другом.

– А если объявится законный наследник?

– Его признают.

– Тогда ты и есть законный наследник.

– Но у него не было наследников, – видно, у Артура извилины в голове были несколько спрямлены, и моя мысль не доходила до него.

– Слушай, – говорю, – внимательно слушай меня. Ты – сын короля Утера Пендрагона и этой, как ее. Забыл. С кем он последнее время жил?

– С Ингрейной, женой герцога Горлуа из Корнуэла. Герцога убил, а Ингрейну забрал себе.

– Ну и нравы! – содрогнулся я. – Но продолжаем. Так вот, ты сын короля Утера Пендрагона и Ингрейны. Когда ты родился, я решил спасти тебя от смерти, которую уже подготавливали твоему отцу и тебе саксы, и унес тебя глухой ночью тайной тропой. Родители-то у тебя живы?

– Нет. Саксы разграбили наш замок и всех перебили.

– Ну, вот и прекрасно. Свидетелей, что ты не сын Утера, нет. Значит, ты – его сын. Понятно?

У Артура мозги трещали от натуги, но он лишь отрицательно покачал головой.

– Запомни это, не размышляя, – разъярился я. – А пока никому ни слова. Теперь следующее. Через несколько дней на площади в аббатстве появится камень, в который будет воткнут меч. На камне будет написано, что королём Британии станет тот, кто вытащит меч. Меч сможешь вытащить только ты.

– А если кто другой вытащит? – засомневался Артур. – Там же и поздоровее меня рыцари будут.

– Не перебивай, когда я с тобой разговариваю, – мне уже не хватало выдержки. – Его вообще никто никогда не сможет вытащить. Но там есть секрет, который будешь знать только ты.

– Чудеса! – только и вымолвил Артур.

– Пока все, – закончил я на этом. – Лишний раз не болтай о том, кто ты. Все само придет.

Затем я наделал по стране чудес, чтобы создать себе общественное мнение. После этого нанес визит архиепископу. Разговор получился задушевный и по существу. Помощь в великом деле была обещана.

Сложное, оказывается, это дело – делать историю. Всю неделю я мотался, как угорелый, в прошлое и обратно. Что-то согласовывал, что-то доставал, перевозил. Там фейерверк сделала, тут ребенка спас от смертельной болезни, а здесь порчу на обитателей замка навел своим гипноусилителем. Да еще с этой плитой и мечом пришлось повозиться. Можно было бы что-нибудь попроще, но я прикинул и решил, что для будущего короля надо все поэффектней, поярче. Плиту из черного мрамора достал, наковальню спер у зазевавшегося кузнеца в том времени,

когда Артур еще силу набирал. Долго не мог понять, для чего она нужна, но, когда встроил в нее молекулярный размягчитель, все встало на свои места. Без наковальни его девать было некуда. Из плиты он бы выступал, а тут все аккуратно спрятано, не подкопаешься. Но у меня нет-нет, да и мелькнет ощущение, что будто за руку кто меня ведет. С Артуром вот, с наковальней опять же… Я же абсолютно не знал, зачем она нужна. Ан нет, сгодилась. Да и технологию всего фокуса мне тоже навязали. Чудеса, да и только!

Артуру пришлось долго и подробно несколько раз описывать его действия:

– Сбоку на наковальне отверстие. Ты берёшься правой рукой за меч, а левую ложишь на наковальню так, чтобы один палец попал в отверстие. Только меч держи покрепче, не то он упадёт или весь под наковальню уйдёт.

Надеюсь, что он всё-таки понял.

А деньги уплывают, как вода. Все меньше и меньше на счете. Глядишь, и дело довести не успею. За плиту уплатил дай боже. Моим-то поясом ее не перетянуть на полторы тысячи лет. Пришлось прибегнуть к услугам фирмы «Перевозки во времени». Вот они и услужили, да так, что руки сами тянутся почесать затылок. Что же делать? Может, протащить из прошлого какие-нибудь безделушки и толкнуть здесь как антиквариат? Опасно. Срок можно заработать, что мне сейчас совсем не нужно. Опять же другие только контрабандой и живут. Чего только у них нет, – от скелета динозавра до статуэтки эпохи Нондзю, – и, причем, открыто, не таясь. Да и кому это сейчас за деньги нужно? Проще и дешевле слетать в прошлое и приобрести все бесплатно. Но на этом пока внимание заострять не будем.

Ажиотаж вокруг меча поднялся изрядный. Королем каждому хотелось стать. Вот они и тянули меч с пеной у рта. Падали от перенапряжения. Одних увозили, другие, отдышавшись, подходили снова. Но куда им, если меч слился с плитой в единое целое.

Я только хихикал, спрятавшись в укромном уголке, да сдерживал Артура.

За этим рыжим сорванцом приходилось постоянно следить, чтобы чего раньше времени не натворил. Но я все-таки этот момент упустил и появился тогда, когда разъяренные мужики, упакованные в жестянки, столпились вокруг Артура, держащего в руке злополучный меч. Я решил не вмешиваться и только, взяв на изготовку гипноусилитель, стал издали следить за ходом событий.

Толпа долго шумела. Артура уже начали бить, но он сунул

меч назад в плиту, – сообразил-таки палец в дырку опять засунуть – зло сплюнул и пошел в сторону, продолжая что-то выкрикивать на ходу. Толпа молча проводила его взглядом, затем все, изрыгая проклятья, накинулись на меч.

Минут через двадцать все было закончено. Артур, гордо подняв голову, прошел через расступившуюся толпу, наклонился, выдернул меч и поднял над головой, громко крича:

– Я – король Британии!

Все медленно опустились на колени и склонили головы.

Свершилось! Артур – король Британии, Великой Британии. Конечно, будут еще противники его правления, оппозиция. Но со временем они исчезнут, а король Артур останется. А с ним останется Великая Британия, сбросив в море ненавистные орды саксов.

А мне здесь делать больше нечего. Быть статистом, оберегать его от ненужных поступков, – нет, увольте! Сам не маленький, справится.

Вышел я на площадь, выдал изумленной толпе вирши о прошлом и будущем Артура и Британии. Все молча внимали моим словам, верили. До чего же наивны и простодушны были наши предки! Откланялся напоследок, обнялся с Артуром. Он даже слезу пустил, но я успокоил его, сказал, что встречусь с ним еще. И нажал кнопку возврата.

Ничего не произошло. Напрасно нажимал я раз за разом себе на живот, где находилась эта злополучная кнопка, но все без толку.

Спустился я тогда скромно с возвышения и бегом в кусты, подальше от глаза людского.

Полдня я пробился с машиной, прыгал вперед – назад по времени. Выяснил неутешительную вещь – назад я летаю спокойно, на любое расстояние. Вперед же, в будущее – до какой-то определенной границы. Дальше, в мое время, машина не идет.

И тогда до меня доходит, что настоящего для меня нет. Оно уже так неузнаваемо изменилось, что места в нем для меня нет. Теперь я навеки остался здесь. Здесь теперь мое настоящее и будущее. Говорил же я, что со временем шутить опасно.

Теперь мне остается одно: творить с королем Артуром историю Британии, раз мне не удастся посмотреть, какой она станет в будущем. Творить до того момента, до той стены мрака во времени, через которую я не в силах переступить.

Жук

Когда под ногой хрустнуло, Адам замер. Холодная волна ужаса волной прошла по телу. Неужели?.. Он медленно поднял ногу и, страшась, опустил глаза вниз.

Это был Жук. Вернее, то, что от него осталось. Скорлупки треснувшего панциря, белесая жидкость, вытекающая из трещин…

Еще не веря в произошедшее, Адам опустился на колени и попытался отковырнуть пальцем вдавленное в почву тельце.

– Ну-ну, малыш! – дрожащим голосом прошептал он. – Давай вставай. Не шути над нами.

Но Жук не отзывался. Жук был мертв. Хрупкий панцирь не выдержал.

– Ну что ты! – плача и ругаясь, завопил Адам. – Вставай, сволочь! Я же тебя сколько раз предупреждал, чтобы не шлялся, где попало. Предупреждал!? Так что же ты?

Но Жук молчал.

Адам осторожно сгреб в ладонь все, что осталось от Жука, и заплакал, завыл, укачивая того в последней колыбели.

Жук был самым безобидным существом на свете. В отличие от Белки и Птицы он никогда не досаждал никому. Жил себе скромно на своей Помойке за Домом, целыми днями роясь в отбросах, что сносил туда Адам. Лишь изредка на него находило что-то. Тогда он покидал Помойку и полз куда-то. В таких случаях Адам находил его и возвращал на место, грозя, что когда-нибудь не заметит и затопчет нечаянно. Жук смирялся, но проходило время, и все повторялось. И вот случилось. Догулялся! А виноваты во всем эти Белка с Птицей!

С ними у Адама была конфронтация. Обе они жили на Дереве и были для него недосягаемы. Эти неугомонные вздорные существа изрядно досаждали Адаму. Весь день они сновали по миру, тарахтя что-то по-своему и норовя украсть все, что плохо лежит. Стоило Адаму расслабиться, как со стола исчезал кусок хлеба или картошина. Мало того, на Дереве тогда начинался шум и гам, да такой, что Дерево раскачивалось от их свары. Но при набегах на огород они объединялись и выступали единой силой. Адама создал Бог как высшее и самое совершенное творение для управления этим миром, и все ему должны подчиняться. А эти твари не желают ему подчиняться. Вечно какую-нибудь пакость подстроят. Глаз да глаз за ними постоянно нужен. Только палка может удержать их в повиновении.

Вот и на этот раз Адам, почуяв подозрительную тишину,

выскочил, прихватив палку, и бросился на огород. Пшеница, росшая там на клочке земли, уже созрела и теперь подверглась очередному набегу этих ненасытных тварей. А Жука как раз потянуло в очередное путешествие. И вот…

Жука он схоронил на пустыре за Домом. Вырыл ямку, положил трупик в нее и засыпал. А в холмик воткнул маленький крест, связанный из веток. Почему он так поступил, Адам не знал. Может, потому, что рядом торчали из земли два креста, побольше. Чьи они, Адам не знал, как не знал, что означают выцветшие, едва различимые закорючки, выцарапанные на них. Просто решил интуитивно, что надо так сделать. И сделал.

– Прощай, друг, – сказал он. – Ты был самый тихий и безобидный. Никому не мешал, никому не досаждал. Прости меня. Я ведь нечаянно.

Потом он сидел допоздна за столом во дворе и молча и тупо загружался брагой, подсаливая ее своими слезами.

Белка и Птица молча сидели, нахохлившись, на другом конце стола.

Смерть Жука была первой в их жизни. Какой бы нелепой она не была, но это была первая смерть. Они внезапно ощутили, насколько мал их казавшийся необъятным до этого мир, насколько он хрупок и не вечен.

– А вы ведь вечно доставали его, – заплетающимся языком говорил Адам. – Хотя он вам ничего плохого не делал.

Те соглашались. Они вечно отбирали найденную им какую-нибудь съедобную вещь. Или просто издевались, переворачивая своими лапками и клювом того на спину и потешаясь над его неуклюжими попытками перевернуться.

Птица негромко чирикнула. Виноваты, мол.

Адам накрошил крошек и кинул их россыпью на другой конец стола.

– Нате! Помянем Жука, – он плеснул себе из баклажки. – Славный был. Осиротели мы без него, – он гулко выпил.

Белка и Птица молча согласились.

– Как жить-то теперь будем? – продолжил Адам. – Трое нас осталось. Или все также воевать будем?

Белка засуетилась и что-то прострекотала. Птица тревожно чирикнула.

– Вот и я про то же, – ответил Адам. – Зашибу кого-нибудь из вас. Тогда двое останется. Потом еще. И останусь совсем один. Вам это надо? Мне – нет.

Противная сторона согласилась. Никому, мол, умирать неохота. Жука хватит. Надо, мол, менять отношения.

– Вот и я о том же думаю, – ответил Адам. – А как быть? Вы

же вон какие настырные. Вас ничем не проймешь. Все воруете и воруете.

– А если мы перестанем, – предложила противная сторона.

– Тогда и я вас гонять не буду. И еду давать буду. Даже вместе будем обедать. И ужинать.

– И завтракать?

– И завтракать тоже.

– Мы согласны, – Белка глянула на Птицу. – А ты перестанешь разграблять мои потайные запасы?

– Откуда я могу знать, что это твои запасы? На них же не написано.

– А кроме меня здесь некому прятать.

– А ты их не прячь, – недовольно чирикнула Птица, – тогда и грабить нечего будет.

– Это мое дело! – затрещала Белка. – У меня в крови это. Не могу, чтоб не оставить что-то про запас.

– А у меня в крови…, – взъерошилась Птица, но тут Адам грохнул кружкой по столу, изрядно напугав спорщиков.

– Хватить тарахтеть! Если уж мы приходим к соглашению, надо его выполнять. Ты, Птица, – уставил он перст на ту, – не воруй. А ты, Белка, не делай тайников. Тогда у этой не будет соблазна. А еды у вас всегда будет вдоволь на этом столе. Договорились?

– Договорились.

Белка с Птицей удалились на Дерево и еще долго гомонили, выясняя отношения и обговаривая условия. Адам же прилег на скамейку, потягивал брагу и смотрел на ночное звездное небо.

«…И была Тьма. Тьма над Бездной. И дух божий витал над водою…».

Что-то непонятно. Тьма – это понятно. Она ночью наступает. Когда нет света. «И сказал Бог: да будет свет. И свет появился». Это тоже понятно. Свет появляется днем, когда светло становится. А ночью он не появляется. Поэтому ночью темно. Тьма. Бездна тьмы. Тьма над Бездной. Это понятно. Вот дальше непонятно. Галиматья сплошная! Откуда вода, что за дух? Типа Птицы, что ли? Раз витает. Нет, здесь много непонятного. Дальше опять понятно. Насчет света. Вот день. Вот ночь. Все понятно. Насчет тверди. Что создал Бог твердь. Что отделил ее от Бездны. Вон она, Стена, отделяет. Что разделил твердь на сушу внизу и небо вверху. Вот земля, под ногами. Вон небо вверху. С блестками какими-то. Или оно уже настолько прохудилось, что в дырки свет проникает? Как одежда у Адама. Или это миры наподобие мира Адама? Нет, непохоже. Не могут миры быть такими маленькими, крохотными. Да и зачем они? Сказано ведь, что создал Бог Рай и

поселил туда Адама. И других. Зачем Богу создавать еще всякие другие Раи? И кого там селить? Их и в одном Раю мало. А без Жука еще меньше стало. Разве что расселить всех. Опять же «каждой твари по паре». Белка и Птица – это еще та пара тварей! А его парой был Жук. Такой же работящий, покладистый. Чем они не пара? Как же его звали-то? – попытался вспомнить Адам. – А, Ева. Так в Книге называли Жука. Жаль только, что нет у него теперь Евы, нет своей пары, – взгрустнул он. – Тоска заест. Хорошо, что есть Птица с Белкой. Те и раньше не давали ему скучать. Нет, Рай один, и он здесь. Бог не зря все создавал. Все упорядочено. Земля, Небо, Стена – это чтобы отгородить мир от Бездны. Дом, огород – это чтобы было где жить и что есть. Попробуй-ка пожить, ничего не жравши. Быстрехонько сдохнешь. А Рай на то и создан, чтобы человек трудился в поте лица, зарабатывая себе хлеб насущный. Чтобы жил…

Разбудил его шум и гам. Адам, заворочавшись, чуть не навернулся со скамейки.

Белка с Птицей дрались на столе из-за горбушки хлеба, оставшейся после вчерашних поминок. Чертыхнувшись, Адам зашарил рукой в поисках палки, но тут вспомнил о вчерашнем соглашении.

– Эй, цыц! – прикрикнул он на разбушевавшуюся парочку. – Забыли, о чем вчера договаривались?

Дерущиеся утихомирились, только Птица недовольно чирикнула. В ее хвосте недоставало нескольких перьев.

– Сейчас разберемся, – умиротворяющее произнес Адам.

Он дотянулся до кружки. На дне еще поблескивала выдохшаяся брага. Он через силу втянул ее сквозь зубы, занюхал злополучной горбушкой. В голове немного прояснилось, боль притупилась. Он молча раскрошил неподатливую, полузасохшую горбушку и ссыпал забиякам. Те тоже молча принялись за еду.

В баклажке еще побулькивало. Адам слил остатки в кружку и выпил.

Надо же, опять уснул за столом! Вечно на него оказывает такое действие небо. Колдовское оно какое-то. Затягивает, уносит… А утром голова раскалывается от боли…

Протестующее пискнула Птица, вернув его к реальности.

– Что такое опять? – недовольно спросил он.

– Б елка. Опять себе про запас набирает. Сожрет все, я поесть не успею!

У Белки действительно щеки уже раздулись так, что морда увеличилась в ширину вдвое.

– Белка, не балуй! Ведь договорились же. Не хватит, я вам

еще накрошу.

Белка замерла и смутилась. Отвернувшись, она усиленно заработала челюстями.

– Вот так-то, – подытожил Адам, подымаясь. – Ладно, я пошел работать. А вы тут поменьше бузите. Не то, – он подобрал палку и пригрозил. – Управы на вас нету.

Весь день Адам, как обычно, провозился на огороде. Доставать из колодца бадью с водой, разносить и поливать растительность, – дело утомительное и монотонное. Но это уже вошло в привычку. Так было. Так есть. И так будет. Вечно. К тому же не мешает думать. Адам всегда при работе размышлял обо всем. О Рае. О жизни. О судьбе. Вот и сейчас опять нахлынули мысли. О чем он вчера думал?

Адам не помнил, как оказался здесь. Помнил только, что был весь в грязи и крови. Болело все тело, по лицу струилась кровь из раны на голове. Но с этим-то как раз было все ясно. Ведь он был создан, согласно Книге, из грязи. А боль, кровь – всего лишь побочные эффекты. И необходимые знания для последующей жизни в Раю он получил при создании. Потому его не удивляло, почему Дом называется Домом, Дерево – Деревом, Белка – именно Белкой, а сам он – Адамом, и никак иначе. И даже умение читать, да и сама Книга, – все это имело свой смысл и предназначение.

Осилить Книгу полностью он, как ни старался, не смог. Уйма людей, имен. Тысячелетние старцы, битвы, убийства, подлости… Кто это делал? Зачем? И когда? И где они все, изгнанные из Рая? Здесь они, конечно же, поместиться бы не смогли, даже если поставить всех стоя… Здесь по периметру всего-то шагов пятьсот. Может, потому и турнули из Рая Адама с Евой, предчувствуя, что после запретного плода они начнут усиленно «плодиться и размножаться». Опять же вот он, Адам, собственной персоной. Жук – Ева… Или он вовсе не Адам? И все сказанное в Книге не о нем? Чушь какая-то! Не сходится. Что мы имеем? Вот он, Рай, имеется в наличии. Суша, небо, Стена… О Стене в Книге ничего не говорится, но это и не нужно. Итак понятно. Как отделить мир от Бездны? Сверху – небом, снизу – сушей, а с боков? Стеной, естественно. Иначе все из мира упадет в Бездну. Это последнему глупцу понятно. И упоминать о Стене не было необходимости.

Далее. Запретный плод. Вон оно, Дерево. Плоды висят. И все едят эти плоды. Белка с Птицей, Адам. И Еве они нравились. Он от огрызков, что Адам выбрасывал на Помойку, не отходил до тех пор, пока не объедал их полностью. И ничего не происходило. Ничего запретного. Опять же не плодятся они что-то, – ни Адам,

ни Ева, ни Белка с Птицей. Может, это не то Дерево? Но других деревьев в Раю нет! Какая-то в Книге неточность, очевидно. Или в Дереве что-то сломалось, и оно уже не работает как надо. Яблоки уже можно есть без опаски.

Жертвоприношения, агнцы, кровь и плоть… Зачем это? Чтобы Бога умилостивить? Но разве он бывает голодным? Разве ему нечего пожрать там, у себя? Если он создает такой Рай, где всего вдоволь, неужели для себя не смог бы создать нечто подобное? А убивать – это жестоко. Все живое – Адам, Ева, твари – это божьи творения, и они имеет одинаковое право на жизнь. Для этого Бог и создал их. Даже растения – и те живые, тоже божьи творения. Адам не раз наблюдал, как Дерево, раздраженное сварой Белки с Птицей, сгоняло их с себя, недовольно тряся ветками. Неужели растения созданы лишь для того, чтобы удовлетворять наш голод?

Ночь Адам провел беспокойную, хотя к баклажке не прикладывался. Утром беспокойство не исчезло. Твари, едва он приоткрыл дверь, юркнули внутрь и забились под стрехи. Что-то происходило.

Адам вышел наружу. Ничего не изменилось, разве что… Воздух был заполнен какой-то дымкой. Неуловимая, как туман, она скрадывала очертания Дома, Дерева. Исчезли в дымке небо и Стена.

– Это не туман, – пробормотал Адам. – Тогда что это? Вы не знаете? – заглянул он в Дом. Твари молчали.

Постояв немного, Адам направился к Стене.

Ходить к Стене он не любил. Занятие никчемное, бесполезное и ненужное. Стена внушала тревогу и растравляла душу своим загадочным присутствием. И хотя Адам нашел ей разумное объяснение – ограждение от Бездны, – это, почему-то, не успокаивало. Подходить близко к Стене не рекомендовалось, – Стена втягивала в себя все, что могла в силах втянуть. Песок, мелкие камешки, листья, – все незамедлительно уносилось и исчезало в этом бешено мчащемся сером вихре.

Почувствовав усиливающийся напор, Адам остановился. Все как прежде. Разве что чуть ослаб напор. Раньше Адам до этого места не доходил, – опасался, что засосет. Теперь же стоял, – и ничего. Стена будто устала мчаться вкруговую вокруг Рая и собралась передохнуть. Адам прислушался. Низкий гул, который создавала Стена, которым был заполнен Рай, да и вся жизнь Адама, утихал. На плечах Адама оседала труха.

Встревоженный, Адам повернул назад. Как и твари, он забился в Дом, и лишь изредка подходил к окну, чтобы выглянуть

и убедиться в очередной раз, что происходит что-то необычное. А что происходит, – этого он не знал. Но пытался, как обычно, найти рациональное объяснение. И возвращался к Книге.

– Адама и Еву изгнали из Рая. За какое-то прегрешение. Насчет тварей в Книге ничего не говорится, но, похоже, это коснулось и их. Может, то, что сейчас происходит, и является преддверием изгнания? Чем же они погрешили? Запретный плод отпадает. Плоды они ели всегда, и ничего не происходило. Помирился с тварями, стали жить единой семьей. Может, из-за этого? – Адам почесал затылок. – Вряд ли. Остается Жук. С гибелью Жука в мире стали происходить изменения. Жук, его гибель виноваты во всем. Точнее, виноват он, Адам. Он наступил на Жука. Он убил. Убийство – это грех. А в Раю нельзя грешить. За это изгоняют.

С неба сыпался песок. Медленно опускались, кружась, листья. Падали мелкие камни и какие-то предметы.

Так продолжалось несколько дней. Стена опадала, рассыпалась. Сквозь дымку проявлялись какие-то дали.

Адам выходил из Дома лишь по необходимости. За водой, плодами. Голод выгонял наружу. Огород, заброшенный, засыхающий, покрытый слоем песка и мусора, медленно умирал. Но у Адама не было никакого желания спасать его. Мир изменился. Что ждало его в будущем, он не знал. И повседневные заботы казались настолько мелкими и никчемными, что не стоили и шевеления пальца. Вся прошлая жизнь, которую он помнил, отошла на второй план. Птица с Белкой днями просиживали рядом у окна, но наружу высовываться тоже не желали.

Наконец воздух очистился. Легкая дымка, плавающая в нем, уже не мешала разглядеть дальние заросли деревьев, которых оказалось удивительно много, строения, смутно виднеющиеся на горизонте, поля, уходящие в небо. Мир стал огромным, не умещающемся в сознании. Необъятный купол голубого неба с ярким золотистым диском днем, мириады звезд ночью. Суша, простирающаяся во все стороны и соединяющаяся на горизонте с небом. Адам не мог этого перенести и в страхе убегал поглубже в Дом, зарывался в кровать, укрываясь с головой под одеяло. Каждый вечер он с надеждой ожидал, что утром проснется и увидит мир таким, каким он должен быть.

Но действительность не менялась. Каждое утро всходило солнце и освещало все те же дали. Из серых туманных образований иногда падала вода. Над строениями вился едва видимый дымок. Только звезды, несмотря на возросшее

количество, все также таинственно мерцали в ночном небе.

И однажды Адам решился. Закинув за плечо сумку с провиантом, усадив на плечи подрагивающих Белку и Птицу, он решительно вышел из Дома и направился в сторону построек.

Вокруг царила разруха. Покореженные деревья с поломанными ветвями и вывороченными корнями. Полуразрушенные строения. Похоже, когда-то здесь тайфуном прошла Стена.

– Тайфун? Что это такое?

И тут подсознание услужливо выстроило цепочку:

– Тайфун – око тайфуна – Дом – Рай…

Адам попытался вникнуть в эту головоломку, но не смог. Не до этого было сейчас.

Жизнь оживала. Из обломанных веток пробивались молодые ростки, увешанные изумрудными листочками. Земля от обилия травы казалась зеленым ковром. Даже строения, судя по поднимавшимися над ними дымкам и едва заметному отсюда движению, казались обитаемыми.

Строения приближались медленно. И так же медленно отдалялся Дом. Белка с Птицей, тревожно возившиеся на плечах, забились в его волосы и затихли, высунув головы из прядей и испуганно озираясь. И чем дальше отдалялся Дом, тем медленнее становились шаги Адама. Дорога в неизвестность вызывала страх. Все чаще он оглядывался через плечо назад. Наконец, остановился.

– Ну, что? – хрипло спросил он.

Твари молча согласились.

Адам развернулся, и они зашагали назад. В Рай.

Призрак

От грубого пинка двери распахнулись, выплеснув на тихую улицу грохот музыки, звон посуды, шумный гвалт и пьяные выкрики подвыпивших завсегдатаев. В дверях, пятясь, показались два здоровых мужика. Они, натужено сопя, выволокли наружу третьего, упирающегося, цепляющегося за порог и дверной косяк и при этом вопящего и скверно ругающегося. Не обращая внимания на его крики и попытки пнуть их, они ловко подхватили его за руки и ноги, раскачали и сбросили с крыльца в дорожную пыль.

От боли упавший взревел и судорожно заскреб конечностями землю, кашляя от набившейся в рот пыли. Сделав под рев своих обидчиков несколько неудачных попыток, он неуклюже поднялся и, пошатываясь, мотая головой и продолжая браниться, потянулся трясущимися руками к кобуре на боку.

– Но-но, Том, без шуточек! – крикнул тот, что был постарше, хозяин заведения. – Мы так тоже можем, – в руке у него блеснул ствол. Из-под ног Тома взметнулись фонтанчики пыли.

Том неловко отскочил в сторону, запутался непослушными ногами и опять нырнул в дорожную пыль. Хозяин с помощником снова загоготали.

От падения, а может, от выстрелов скорого на руку хозяина Том быстро пришел в себя. Когда он вновь возник из пыли, то уже не хватался за кобуру, а только стоял, пошире расставив для устойчивости ноги, и, мыча, отплевывался.

– Ну, как, успокоился? – миролюбиво спросил хозяин. – Топай теперь домой да проспись. И приходи с монетами. На дармовщину тебе этот номер с выпивкой больше не пройдет, – и они повернулись к двери.

– Билл, погоди, – остановил хозяина Том.

– Ну, что еще? – Билл подтолкнул помощника внутрь, а сам остался. – Запомни – в кредит я не даю, особенно таким, как ты, прощелыгам.

– Я заработаю и отдам, Билли. Ты меня знаешь.

– Знаю, знаю, прохвост, – отмахнулся Билл. – Да у тебя не было и никогда не будет денег. Даже если на большую дорогу выйдешь.

– Ну, возьми тогда мою шляпу или куртку, – Том хлопнул ладонью по груди, подняв облако пыли. – А хочешь, скакуна моего возьми. Только дай до нормы добрать.

– Нужна мне твоя кляча! – сплюнул хозяин, – а барахло тем более. А норму свою ты, по-моему, уже перебрал, – и он хлопнул

дверью.

На опустевшей улице остался один Том, уронив голову на плечо, покачиваясь и заунывно завывая на одной ноте.

Постояв немного, он смачно выругался напоследок, отряхнулся и побрел к своему коню, привязанному к крюку на столбе. Лошак был под стать своему хозяину – старый и облезлый. Ребра так и выпирали в разные стороны. Впалые старческие глаза постоянно слезились, отчего на осунувшейся морде образовались белесые грязевые борозды.

Попытки взобраться на коня оказались тщетными, и Том, отхлестав для острастки неповинное животное, поплелся пешком, тяжело переставляя нетвердые ноги. Животина, понуро опустив голову, тащилась сзади.

Хижина Тома была не очень далеко. Если выйти из селения и идти по Дуге, то вскоре среди серых каменистых склонов появлялись такие же серые полуразрушенные постройки. Это и был его дом. Там Том разводил скот и выращивал для пропитания незатейливые овощи, которые едва урождались на этой голой бесплодной земле. С бизнесом дело было плохо. Когда у Тома от редкой удачной продажи скота появлялись деньги, он норовил тут же спустить их у Билла. Салун был единственным бойким и веселым местом среди унылой, безжизненной пустоши с редкими вкраплениями таких же, как у Тома, ранчо.

Вот и в этот раз, увлекшись, он спустил всю выручку, хотя намеревался приобрести на откорм пару бычков. Как дальше жить, как свести теперь концы с концами, Том не знал. От таких невеселых мыслей становилось тошно, а хмель, быстро улетучиваясь, еще сильнее нагнетал тоску.

Какая-то навязчивая мысль назойливо влезла Тому в голову и затребовала:

– Стой! Остановись!

Мотая тяжелой головой, Том попытался отогнать ее:

– Зачем останавливаться? Почему? Мне это совсем не надо. Не хочу останавливаться. Домой хочу, в постель. И побыстрее.

Но мысль упорно не желала отставать и настырно зудела:

– Стой! Стой!

– Черт с тобой! – мысленно выругался Том, остановился и поднял голову.

Сначала он ничего не заметил. Серые камни, серый песок, серая пыль на серой дороге. И только приглядевшись, увидел прямо перед собой на фоне серого неба и серых холмов зыбкую серо-белую тень. Смутная, меняющая словно дым очертания, она казалась призрачной, нереальной.

– Что это такое? – мозги в голове шевелились лениво и

совсем не желали думать.

– Не что, а кто, – появилась откуда-то мысль. – Я такое же разумное существо, как и ты.

Только тогда до Тома стало доходить, что это не он сам думает, а кто-то другой. Думает и отвечает за него.

– Боже! – ужаснулся Том, – допился! Уже в голове двоится, мозги с мозгами говорят. Уже призраки мерещатся. Эх, предостерегала женушка покойная, что плохо кончу. Вот и сбывается ее пророчество. Не-е-т! – твердо решил он. – Все, больше не пью. Хватит. Кошмаров мне только еще не хватало.

Но, несмотря на его благие намерения, призрак не исчез. Он все также парил над дорогой и не давал пройти. Том свернул в сторону, намереваясь обойти его. Тот дрогнул и тоже сместился, опять оказавшись на пути Тома. Не на шутку испугавшись, Том зашептал заклинания, слышанные когда-то в детстве от бабки, но призрак не желал исчезать. Сквозь сумятицу перепуганных мыслей Тома пробивались чужие. Кто-то просил войти в какой-то контакт и объяснял, что он с другой планеты; что космос велик и безграничен, и в нем множество таких же планет и солнц, как и здесь, у Тома; что Дуга – это вовсе не дуга, а солнце; что планета Тома кружит вокруг этого солнца; что день сменяется ночью, а ночью в небе видны звезды; что…

В голове Тома помутилось. Дико закричав, он выхватил свою пушку и давай отстреливаться от страшного назойливого призрака.

Когда мысли немного прояснились, Том осознал себя сидящим на кочке у дороги. Вокруг никого, лишь коняга щиплет на обочине чахлую траву, да валяется рядом его пистолет с опустевшей обоймой.

– Ох, до чего только не доведет пьянка! – угрюмо вздохнул он.

Том еле вскарабкался по скользкой чешуе на коня, закрепился всеми шестью лапами меж гребней и огрел его промеж ряда глаз хвостом. Монотонно покачиваясь на лениво трусившем коне, он пытался привести в порядок свои мысли. Что такое контакт, космос? Что такое планета и солнце, день и ночь, звезды? Ну, планета, – это, как понял Том, земля, на которой он живет. Это ясно. Но при чем здесь солнце, звезды? Та картинка, что появлялась в голове, – муть, бред какой-то. Насколько знал Том, да и не только он, но и все живущие здесь, вокруг планеты висит обруч – яркое белое кольцо, дающее свет и тепло всему живому. Дуга этого обруча проходит узкой полосой по небу, и ее видно всегда. Помнится, ребенком еще Том на спор с соседскими ребятишками всматривался до рези в глазах в Дугу. Им казалось,

что Дуга пульсирует, прерывается. За распространение такой ереси родители драли им уши. И правильно делали. Вон она Дуга – ровная, непрерывная. И нет больше ничего – ни звезд, ни солнц, ни дня и ночи. Да и призрак – был ли он или все это только привиделось? Пожалуй, привиделось по пьянке. Ведь такого не бывает, – это даже ребенок знает.

Игорь, сбросив скафандр и амуницию, устало завалился на кровать.

– Слушай, кэп, – зло проговорил он, – давай сворачиваться. Не выйдет у нас с ними ничего. Не идут они на контакт.

– Жаль, – почесал затылок Олег, официально командир разведывательного шлюпа. – В кои-то веки найдешь такую интересную планетку, да еще с разумными обитателями. Лавры другим отдавать не хочется.

– Если не хочется, так иди и постой пару недель перед этими каменными истуканами в неподвижности и попробуй прошибить их каменные головы. Они же меня абсолютно не воспринимали. У них и мысли-то текут в час по чайной ложке.

– Зато пули летают настоящие.

– Ну, не совсем настоящие. Летят со скоростью мухи. Легко увернуться. Но все равно мог под шальную попасть. И это при наилучшем из всех проведенных попыток контакта.

– Но это уже прогресс.

– Ах, оставь, Олег! Какой тут прогресс, если он меня чуть не шлепнул. За привидение принял. И другие так же принимать будут, так как их глаза не в состоянии нас зафиксировать. Насколько верно я уловил мысли того таракана на скачущем крокодиле, при таком жизненном цикле для них дня и ночи не существует. Вечный серый день, а солнце представляется в виде яркой белой полосы, дуги в сером небе. О звездах вообще говорить не приходится, – для жителей этой планеты они попросту не существуют. А значит, и мы не существуем, как посланцы этих несуществующих звезд. Так что о контакте говорить бесполезно. К тому же небезопасно, – их время воздействует как-то на нас. Увязаем мы в нем. Я уже замечаю, как минутная стрелка движется. Да и ты что-то уж слишком быстро мельтешишь в глазах. Наше время замедляется, вживается в их время. Глядишь, через год-другой станем такими же, как они. Тогда контакт будет возможен. А что дальше?

Когда не вышло у человека

Яркая, всепроницающая и всесжигающая вспышка света озарила вечную непроглядную тьму. Невидимые гравитационные волны, кольцами, как круги по воде, расходящиеся в разные стороны, всколыхнули соседние вселенные, срывая с орбит планеты и их спутники, комкая звездные системы, сбивая их в кучу и вызывая взрывы центральных, дающие энергию и жизнь светил, нарушая незыблемую силовую сеть, связывающую все звезды между собой. Жесткое излучение, хлестнув по незащищенным, блаженствующим в неге своих солнц планетам, выжгло на них все живое, зародившееся или только зарождающееся, и, выхолостив их, равнодушно понеслось дальше, неся в своих лучах смерть и ничто всему живому, попадающемуся на его пути.

Корона вспышки разлеталась. В ней, завихряясь протуберанцами, смерчами, спиралями, хаотически зарождалось пространство, сталкивалось с такими же протуберанцами и исчезало во взрыве. Чтобы возродиться вновь.

Под натиском этого неугомонного младенца по окружающим вселенным побежали, расширяясь, трещины. Скрипя, они стали нехотя раздаваться в стороны, чтобы освободить место вновь зародившемуся. Но быстро растущему малютке этого было мало. Протуберанцы нового пространства вклинивались, проникали в старое, изменяя структуру того, взрывались вспышками сверхновых и, разлетаясь раздробленными осколками, все глубже вклинивались в окружающую материю, разгрызая и разъедая ее.

Также хаотически вместе с пространством зародилось и время. Также хаотически – спиралями, завихрениями – то исчезая, то возрождаясь в столкновениях с другим временем, разрывая сеть времен чужих вселенных, двинулось вместе с осколками пространств, убыстряя или замедляя свой ход в зависимости от энергии своих осколков.

По мере расширения нового пространства его осколки, притягиваемые гравитационными силами, склеивались друг с другом, создавая цельную, без разрывов ткань. И только время, обладающее большей инерцией, мешало склейке, вырывая из нее то один, то другой лоскут и качая его как маятник между прошлым и будущим. Но и время, постепенно успокаиваясь и входя в унисон со временем основного пространства, возвращало свои лоскутки. Целое сплошное полотно уже спокойно расширялось дальше, лишь изредка вздрагивая как студень от бушующей и продолжающей зарождаться в центре вспышки все

новой и новой материи.

Сгустки энергии этих лоскутков, сконцентрированные в гигантские ядра плазмы, взаимодействуя друг с другом гравитационными полями, раскручивали соседние сгустки, и сами закручивались в спирали. То тут, то там в спиралях набухали участки вещества. Набухали и втягивали в себя окружающую плазму, превращаясь в маленькие и большие солнца. Маленькие, быстро растеряв и истратив энергию, затухали, становясь холодным безжизненным веществом. И лишь самый большой, центральный участок, втянувший в себя наибольшее количество плазмы, разгорался. Испуская горячие, заряженные энергией лучи, он обогревал эти холодные комки вещества. Образовались солнца и планеты, звездные системы и галактики.

Далеко от центра вселенной, на самой границе ее расширяющегося пространства в крохотной звездной системе образовалась маленькая невзрачная планета, насыщенная элементами углерода и кислорода. Кислород, этот грозный активный элемент, принялся деятельно разъедать и разрушать все существующие новообразования, вступая с ними в различные соединения. Столкнувшись с углеродом и вездесущим в этой вселенной водородом, он создал органическое вещество. Это вещество, преобразовываясь в различные соединения и состояния, оказалось способно создавать механистические системы. И возникла жизнь.

За считанные мгновения в жизни вселенной органическая жизнь заселила воды планеты, вышла на сушу и, возрождаясь, умирая и вновь возрождаясь, принимая миллиарды все новых и новых обличий, все более совершенствуясь, создала разум. Этим разумным веществом оказалось крошечное изнеженное голое существо, двуногое и двурукое, но имеющее мощное и надежное, упрятанное под прочным черепом хранилище информации – мозг. Мозг умел воспринимать, обрабатывать и хранить поступающие извне потоки информации.

Человек быстро расплодился по всей планете, любовно названой им Землей, занял свободные экологические ниши. Когда же ему стало тесно, вытеснил другие существа и занял главенствующее положение, не давая эволюционировать остальным видам.

И тогда, утвердившись на верхушке лестницы эволюции, человек решил обратить взор на себя, познать свою сущность, цель и смысл своего существования. В возникающих в разных уголках планеты цивилизациях зародились и развились различные философские учения по познанию своего «я»,

совершенствованию человеческих сил и возможностей. Эволюция продолжалась.

И вдруг кто-то где-то изобрел колесо. И покатился первый провозвестник технократической цивилизации по планете. Теперь человек уже не думал о совершенствовании себя, своего организма. Не умея быстро передвигаться по земле, он придумал автомобиль. Не умея летать – сконструировал самолет. Не умея хорошо плавать – создал пароход. Он построил вычислительные машины, которые считали и анализировали во много раз лучше и быстрее его. Где бы и в чем бы ему ни становилось тяжело, он моментально создавал механизмы, замещающие его или облегчающие труд. Ведь это оказалось намного проще, – создавать себе в помощь механизмы, чем перестраивать свой организм.

И эволюция человека остановилась. Из века в век он оставался таким же слабым, хрупким и вконец изнеженным.

Постепенно стали сказываться издержки технократической цивилизации. Отходы технологии накапливались в обширных водоемах, земле, засоряли атмосферу. Через продукты питания, воду, вдыхаемый воздух они попадали и накапливались в организме, вызывая необратимые изменения. Истончился, а местами исчез полностью озонный слой – этот несокрушимый щит, оберегавший человека и все живое от смертоносных радиационных вихрей космоса, обрушивающихся со всех сторон на бедную планету. Все меньше и меньше оставалось генетически здоровых людей.

А вселенная все расширялась, все продолжала свой бег в никуда, к недостижимой цели. Все дальше разлетались друг от друга галактики и звездные системы. Все слабее становились между ними гравитационные связи. Казалось, еще миг, еще промедление, – и они, оторвавшись, навсегда улетят в бездну.

Наконец в ядре закончилась энергия. Гигантская топка, производящая материю, затухла, погасла. И тогда движение во всей вселенной приостановилось. Приостановилось на грани, перейдя которую, частицы и тела ее продолжили бы свой бег в бесконечность. И вселенная, утратив между ними связь, разрушилась бы и перестала существовать как единое целое, как частица мироздания. Такое уже неоднократно случалось с другими вселенными, чьи осколки блуждали теперь в мире бесконечности, прилепляясь от одиночества к чужим вселенным, чужим мирам. Такая же участь могла ожидать и эту, старую, прошедшую уже не через одну тысячу циклов расширения-сжатия вселенную.

Зависнув на этой грани на какие-то мгновения, на какой-то

миллион лет, вселенная нехотя шевельнулась и медленно, через силу стала сжиматься. Галактики, звездные системы, отдельные незатухшие, невыгоревшие еще дотла солнца двинулись назад, к центру, все быстрее и быстрее ускоряя свой бег, чтобы исчезнуть, погибнуть в горниле вселенной. И некому было остановить этот безудержный смертельный бег. Пусто было во вселенной. Ни единого живого существа, ни искорки разума. Тот разум, возникший когда-то на маленькой периферийной планете, не справившись с последствиями технократической цивилизации, отравленный и изуродованный, выродившийся, выхолощенный неумолимой космической радиацией, уже вымер.

А скорость сжатия вселенной все возрастала. И вот уже не планеты и звезды мчатся к центру, а лучи света и сгустки энергии с громадной сверхсветовой скоростью стремятся со всех сторон к темному грозному средоточию мрака. Но только хватит ли у вселенной энергии, материи, чтобы вновь возродиться в следующем цикле? Ведь и у нее вырывали, отхватывали куски ненасытные соседки. А некоторые звездные системы, ушедшие далеко, не сумевшие остановить свой бег вовремя и оборвавшие сдерживающие их связи, так и не вернулись к своей матери, предпочтя одиноко слоняться шатунами в чужих вселенных. К тому же много потратилось энергии на световое излучение, рассеявшееся по другим вселенным. Если материи не хватит, то вселенная не возродится, а будет вечно блуждать невидимой «черной дырой», исподтишка высасывая энергию у здравствующих вселенных до необходимого предела, до той второй грани, определяющей ее существование, перейдя через которую она вновь возродится и войдет в цикл.

Материи еле хватило. Только последние планеты, только последние атомы ворвались в ядро, только свернулось вокруг него пространство, как новый взрыв потряс мироздание. И вновь двинулось во все стороны пульсирующее пространство, очищенное в ядерной топке, вновь полетели вперед сгустки энергии.

Но только частицы в этих сгустках, – кванты, кварки и другие, – несли в своей структуре измененную информацию. Для того чтобы снова возродить разум. Разум, не подобный прошлому, пошедшему по неверному пути и погубившему себя. Разум, возрожденный с учетом ошибок прошлого, способный существовать вечно. Способный наконец-то остановить этот бесконечный бег, этот сумасшедший цикл расширения-сжатия и создать новую вселенную. Вселенную вечную и бесконечную.

Эволюция мироздания продолжалась…

Вторжение

Несколько охранников, случайно оказавшихся здесь, были немедленно уничтожены боевиками. Убедившись в отсутствии опасности, Она сосредоточила боевиков вокруг капсулы, в которую была заключена, и стала прощупывать инфразрением место, в котором они оказались.

Вокруг – сверху, с боков, внизу – нависали продолговатые трубчатые тела, соединяющиеся друг с другом и образующие длинные светящиеся цепи, конца которых терялись вдали. Красноватые, алые, пурпурные отблески, порождаемые свечением этих тел, создавали в инфравидении невыносимую какофонию света, то нарастающую алыми вспышками, то затихающую и переходящую в тлеющее пурпурное свечение.

Невдалеке виднелось несколько узких круглых отверстий каналов, из которых выскакивали небольшие овальные существа. Они проводили какие-то манипуляции с телами в цепях и исчезали в отверстиях других каналов. И те, и другие были заняты своей загадочной деятельностью и на группу чужаков внимания не обращали. В их функции, как знала Она, не входила охрана и оповещение, а, следовательно, опасности от них ожидать не приходилось.

Сориентировавшись на месте, Она передала сигнал «Все в порядке. Жду дальнейших указаний». Получив извне ответ, двинулась в окружении своих боевиков к одному из отверстий, из которых появлялись овалы. Отверстие было маленьким, в него могли одновременно проникнуть лишь несколько десятков боевиков. Она рассредоточила их цепью, чтобы не закупорить канал и тем самым не дать обнаружить себя раньше времени. Группа просочилась в отверстие и стала пробираться вдоль стенок туннеля навстречу редкому потоку овалов.

Туннель постепенно расширялся, в него вливались другие, и он сам, в свою очередь, вливался в более широкие туннели. Вместе с ростом туннеля увеличивался и поток овалов. Изредка лениво проплывали охранники, угадываемые в сумеречном свете по своим хищным амебовидным телам. Боевики имели такие же, как у охранников, тела, и потому те не обращали на них внимания, принимая за своих. Опасность была в том, что Она своей капсулой отличалась от снующих вокруг существ и могла в любой момент подвергнуться нападению охранников. Поэтому Она, будучи абсолютно беззащитной, сконцентрировала боевиков вокруг себя в несколько рядов, оградившись от зоркого внимания стражей. Это хотя и затрудняло движение во встречном потоке,

но зато давало какую-то гарантию безопасности.

Сторожко следя за охранниками, группа медленно продвигалась вперед, к своей неясной цели. Одни охранники спокойно проплывали мимо, другие останавливались, наблюдая за движущейся не по правилам группой, но затем продолжали свой обход. Третьих же, наиболее ретивых, учуявших неясную угрозу, исходящую от группы, и увязавшихся за ней, боевики заманивали в свои ряды и уничтожали. Овальные существа тут же равнодушно подхватывали мертвое тело и уносили прочь.

Скоро встречный поток, несмотря на то, что туннель уже значительно расширился, настолько возрос, что Ей со своей боевой группой с трудом удавалось пробиться сквозь него. Несколько раз их отбрасывало назад. Группа, вытянувшись клином навстречу потоку и цепляясь за неровности стенок туннеля, упорно стремилась вперед.

Неожиданно ударивший сбоку поток раскидал группу в разные стороны. Она, кувыркаясь в месиве чужих тел вперемешку с боевиками, понеслась по течению. Лихорадочно сзывая своих, Она послала тревожный запрос. Пришедший ответ упокоил. Группа вошла в основной туннель, и теперь ей следовало идти по течению до места назначения. Отдавшись на волю потока, толкавшего и несущего Ее в нужном направлении, Она решила провести осмотр своего потрепанного войска, и только теперь заметила новую опасность.

В ритмичных вспышках оранжевого света, создаваемого стенками туннеля, настолько широкого, что за месивом тел терялась противоположная стена, вокруг капсулы происходили стычки между пробивавшимся к Ней в потоке группками боевиков и выныривавшими со всех сторон охранниками. Поток, разбросавший группу, обнажил капсулу, и охранники, почуяв инородное тело, теперь стекались сюда со всех концов, чтобы уничтожить его.

От всей группы осталось около трехсот боевиков, треть потерялась во время движения во встречном потоке и при вступлении в центральный канал. Но перевес был пока на стороне боевиков. Охранники, пробиваясь к капсуле, не обращали на них внимания, и боевики легко, почти без потерь уничтожали тех. Когда же охранники разобрались, что большую угрозу представляют боевики, нежели капсула, подходящий стратегический момент был уже утерян. К этому времени почти все боевики сконцентрировались вокруг капсулы, окружив ее надежным заслоном.

Но, увы, победе радоваться было рано. Со всех сторон, – из потока, из боковых туннелей и переходов – появлялись все новые

и новые противники. Скоро группа оказалась окружена сплошным кольцом. Теперь бой шел уже с переменным успехом. Охранники направили теперь основной удар на сгруппировавшихся боевиков. И в то время как ряды боевиков постепенно таяли, охранников, несмотря на большие потери, становилось все больше и больше.

Так дальше продолжаться не могло. Охрана, постепенно смяв оборону, доберется до Нее, Ее капсулы. А это означает конец всему.

Она заметила в стенке туннеля небольшое отверстие. Решение пришло мгновенно. Отдав команду, Она ринулась в отверстие. У входа завязался ожесточенный бой. Разбросав противника, группа штурмом ворвалась в узенький боковой туннель и, оставив прикрытие в полсотни боевиков, надежно сдерживающую беснующуюся охрану, помчалась дальше, ныряя то в одно ответвление, то в другое.

Оторвавшись от нападающих, Она связалась с внешним наблюдателем, скорректировала дальнейший маршрут и, оставив еще один заслон, предприняла вторую попытку.

Снова переходы, туннели, встречный поток. В основной туннель группа вошла предельно сконцентрированная. Потоку не удалось на этот раз разбить и раскидать ее и оголить капсулу. Охранники, спешащие к месту все еще продолжающегося боя, проносились мимо.

Оставшийся путь проходил уже спокойно. Сигнализируя о своем местонахождении и получая извне указания о пути дальнейшего следования, Она со своей группой сначала по основному, затем по постепенно сужавшимся переходным туннелям добралась до места назначения.

Когда группа вынырнула из отверстия, им опять предстала картина, виденная ранее в момент внедрения. Также ритмично мерцал свет, также нависали вокруг тела, только уже не цепями. Маленькие осьминожьи тельца длинными щупальцами цеплялись друг за друга, создавая объемную многоячеистую сеть, в хаосе которой невозможно было разобраться. Мерцая нежным розовым светом, они изредка вздрагивали, рубиново вспыхивая при этом. Дрожь передавалась через щупальца соседним телам, и по сети проходили в разных направлениях колебательные волны, сопровождаемые волнами света, от розового до ярко-рубинового.

Она долго и кропотливо, участок за участком исследовала сеть, советовалась с внешним наблюдателем. Наконец, определила нужные тела – узлы в этой сети. И тогда Она дала команду своим боевикам.

Боевики, до этого самоотверженно защищавшие Ее от охранников, словно взбесились и накинулись на капсулу,

разгрызая и разъедая ее оболочку.

Когда капсула треснула в нескольких местах, Она разогнала увлекшихся боевиков подальше и, натужившись, стала давить на стенки изнутри. Капсула затрещала, по ее стенкам зигзагами побежали все увеличивающиеся трещины. Издав предсмертный звон, она рассыпалась на мелкие осколки.

Из нее вывалилось маленькое розовое тельце и развернуло свитые кольцами два длинных щупальца. Впервые встретившись со своим телом, ощутив его, Она оглядела себя, слегка пошевелила щупальцами. Затем подняла одно и потянулась к облюбованному в ячейках сети телу. Извиваясь, как змея, щупальце приблизилось к нему, замерло, подыскивая удобное место, примериваясь. Рывок – и конец щупальца намертво присосался к телу. Тельце задергалось, пытаясь сбросить его, сеть беспорядочно затряслась, разгорелась буйным алым пламенем. Но щупальце держалось крепко.

Подтянувшись, Она направила второе щупальце к другому нужному Ей телу. Тряска мешала точно подвести щупальце, да к тому же оно оказалось чуть короче и никак не желало зацепляться за тело. А тут еще одна беда.

Из отверстий каналов хлынул поток охранников. То ли это были те, первые, разбившие заслоны и теперь нагнавшие Ее по следам, то ли новые, почуявшие осколки капсулы и Ее саму.

Боевики вступили в бой. Последний и решающий. Она, не обращая внимания на опасность быть уничтоженной в пылу сражения как чужими, так и своими, лихорадочно тянула утончающееся, готовое разорваться щупальце к тому ненавистному и так необходимому Ей телу. Еще миг, и щупальце, чиркнув концом по тельцу, цепко присосалось к нему.

И тут Она перестала ощущать себя как личность. Новые токи потекли через Нее. Она стала частицей, ячейкой этой многоярусной сети. Ей стали понятны цели и назначение не только тех тел, к которым Она приросла, но и других, расположенных справа, слева, вверху, внизу, следующих за ними. И не только их, но и свое назначение стало вдруг понятно Ей.

Сеть, смирившись с вторжением чуждого, но похожего на них существа, милостиво приняла его в свое семейство. Немного поколебавшись, она успокоилась. Все увеличивавшаяся армия охранников разметала оставшихся без командования боевиков, не обратив внимания в блекнущем свете на изменившийся узор сети. Овальные существа подобрали и унесли трупы. В опустевшем полумраке спокойно и таинственно заструила, замерцала многоячеистая сеть.

Лежащий на операционном столике человек, опутанный

паутиной датчиков, медленно раскрыл глаза, обвел взглядом белый потолок, стены, заставленные громоздкой аппаратурой, людей в белых халатах, склонившихся в напряженном молчании над ним, и улыбнулся:

– Слышу вас хорошо.

Из сообщения центральной газеты:

«После продолжительных испытаний в институте генной инженерии проведена уникальная операция по созданию у человека телепатических способностей. Искусственно созданная клетка, заключенная в капсулу, была введена в мышечную ткань, а оттуда по кровеносным сосудам проведена под управлением оператора в соответствующий сектор головного мозга и там вживлена.

Пациент, сотрудник института, обрел способность воспринимать мысли окружающих. Состояние пациента нормальное».

Жил-был у бабушки серенький…

Двое в форме функционеров МЭК по-хозяйски вошли в приемную и направились напрямую в услужливо приоткрытую испуганной секретаршей дверь в кабинет ректора, вызвав взволнованное шушуканье ожидавших приема посетителей. Секретарша в ответ на наводящие вопросы недоуменно пожимала плечами, признаваясь в своей некомпетентности и вызывая этим еще больший переполох. Некоторые из посетителей, чувствуя, что после визита этих двоих положительное решение своих проблем представляется весьма сомнительным, потянулись к выходу.

Ректор института Мозга, суховатый пятидесятилетний мужчина с залысинами удивленно, с тревогой посмотрел на вошедших. Старший из функционеров, седой полнеющий мужчина, проводив взглядом поспешно ретировавшегося посетителя, представился:

– Международный экологический контроль. Старший инспектор Потапов, – кивнул на сопровождающего, молодого стройного юношу, – стажер – инспектор Малышев.

– Профессор Яковлев, ректор института, – в свою очередь отозвался ректор. – Прошу садиться.

– Итак, чем мы заинтересовали такую грозную организацию? – спросил Яковлев.

– Поступил сигнал, – ответил Потапов, – что в лаборатории вашего института проводятся исследования, оказывающие массовое психологическое воздействие на людей.

– Ваше заявление выглядит слишком угрожающим. Смею вас заверить, ничего подобного в стенах вверенного мне учреждения не разрабатывается.

– Вы уверены?

– Уважаемый инспектор! Насколько вы помните, наш институт называется институтом Мозга, и здесь, соответственно, проводятся исследования по строению мозга человека и его рефлексодинамии на различные факторы. Это и является, собственно, психическим воздействием на мозг, а, следовательно, и на человека. Но это, уверяю вас, не имеет никакого отношения к оружию массового воздействия.

– Это мы как раз и собираемся выяснить, – функционер повысил голос. – Мы имеем полномочия в случае подтверждения фактов закрыть институт.

– Да какое вы имеете право, – взорвался ректор, – совать нос во все, даже в то, что не имеет никакого отношения к деятельности вашей организации!? Вы занимаетесь охраной

окружающей среды, вот и занимайтесь ею, а не суйтесь туда, куда вам не положено.

– Вы недостаточно ясно представляете себе функции Международного Экологического Контроля, – назидательно произнес старший инспектор. – Наша цель – охрана окружающей среды. Для кого? Для человека, его жизнедеятельности. Но окружающая среда – это не только воздух, вода и земля. Согласно принятой полгода назад поправке к параграфу пятому Положения о МЭК окружающей средой обитания являются также производственные отношения, рабочий коллектив, культура, наука. В общем, все, с чем соприкасается человек, и что угрожает нормальной его жизнедеятельности, – закончил он, – подпадает под юрисдикцию нашего органа.

– Что-то вы уж слишком расширяете границы своей деятельности. Скоро и до семейных отношений доберетесь, – съязвил ректор.

– Вполне возможно. Семья также является средой обитания человека. Этот вопрос в настоящее время прорабатывается.

– Думаю, человеку не очень приятно будет, когда вы начнете указывать, как ему жить с женой, детьми.

– Тот, кто живет в человеческом обществе, должен подчиняться законам этого общества, ибо они направлены на благо человека, на то, чтобы ему лучше жилось.

– Да вы же, наоборот, ухудшаете ему жизнь. Сколько новых научных открытий вы не допустили к внедрению, сколько производств закрыли? А ведь все разработки, все поиски направлены как раз на то, чтобы человеку лучше жилось.

– Вот ему сейчас и живется лучше. Атмосфера, вода, земля настолько загрязнены, что медики не успевают находить эффективные способы лечения все новых и новых заболеваний. Воду без кипячения пить уже нельзя. В крупных городах без системы очистки воздуха дышать невозможно. Даже под солнцем длительное время находиться нельзя из-за опасности облучения. Все это – последствия научных открытий, внедренных в производство. Вы ведь горазды рапортовать о новых достижениях, но не задумываетесь об их последствиях, о степени их безвредности. А потому об этом думаем мы. И мы пресекали и будем пресекать все то, что несет или может принести вред человеку как сегодня, так и в будущем.

– Вы так все пресечете, до такой степени, что человек впадет опять в первобытное состояние. Это разве благо?

– Не впадет. Ну, закрыли мы атомные станции. Хватит с нас Чернобыля. Теперь их развернули под землей. Мы этому не препятствуем. Главное, чтобы здесь, наверху был порядок. И

вообще, мы стремимся к тому, чтобы все предприятия работали по безотходной технологии или переносились под землю. Тогда сама собой отпадет экологическая проблема. С транспортом вот только загвоздка, – авиацию, водный и часть автомобильного перенести под землю невозможно.

– В этом я с вами согласен. Но причем здесь наш институт? – умиротворяюще произнес ректор. – Повторяю, у нас нет и не разрабатывается ничего вредного для человека, тем более оружие массового психического воздействия.

– Мы обязаны проверить поступивший сигнал. Поэтому не будем продолжать ненужную полемику, а обратимся к фактам. Для их выяснения попрошу пригласить товарища Маслова. Есть у вас такой?

– Есть. Проректор по административно-хозяйственной части, Маслов Григорий Вениаминович. Это надо же! – сокрушенно качая головой, Яковлев потянулся к интеркому. – Лидочка, пригласи, пожалуйста, Григория Вениаминовича. Срочно!

Наступило напряженное молчание. Профессор нервно постукивал пальцами по столу, искоса поглядывая на прибывших. Потапов сидел на стуле прямо, точно деревянный, сохраняя на лице строгое неподкупное выражение. Малышев же, наоборот, вертел головой, с интересом разглядывая кабинет ректора. Чувствовалось, что он в таком заведении впервые.

– Извините, – прервал молчание ректор, – вы не против, если я закурю? Грешок за мной водится. Балуюсь по старинке, никак отвыкнуть не могу.

– Табачный дым является сильным канцерогенным веществом, – менторским тоном произнес старший инспектор. – Я бы посоветовал вам отказаться от этой дурной привычки. Но вы здесь хозяин. Курите уж! Кстати, где вы достаете табак? Ведь промышленность его уже не производит.

Профессор поперхнулся и смутился:

– Выращиваю на даче помаленьку. Для собственных нужд, понимаете ли.

Снова замолчали. Яковлев, нервно затягиваясь и выпуская дым вниз в сторону, быстро докурил сигарету и затушил в пепельнице, стоявшей в выдвинутом ящике стола.

Раздался осторожный стук, и в приоткрывшейся двери показалась голова:

– Вызывали, Станислав Борисович?

– Да. Входите, Григорий Вениаминович.

В кабинет робко втиснулся пожилой лысеющий мужчина с рыхлым брюшком и осторожно уселся на краешек предложенного стула, настороженно окинув маленькими бегающими глазками

членов комиссии.

– Комиссия из Международного Экологического Контроля, – пояснил ректор, – интересуется вами.

– Это ваше письмо? – спросил, доставая из папки и положив на стол исписанный листок бумаги, Потапов и, получив утвердительный ответ, продолжил. – Попрошу еще раз объяснить обстановку, только поподробнее.

– В нашем институте, – начал неуверенно, но постепенно набирающим силу голосом, Маслов, – есть лаборатория, занимающаяся исследованием рефлексов мозга на зрительную информацию. Руководит ею старший научный сотрудник Беспалый Вячеслав Степанович. Двенадцатого марта, как я вам уже докладывал, Станислав Борисович, – наклонился он к ректору, – Беспалый и его помощник, программист Ткачев, попросили сотрудника соседней лаборатории Васильева войти к ним и выключить компьютер, объясняя, что сами, будто бы, войти не могут. Васильев этого сделать не мог, так как сам через некоторое время выскочил из лаборатории в невменяемом состоянии. В дальнейшем на мои вопросы он не смог вразумительно объяснить причину своего поведения. Тринадцатого и четырнадцатого Беспалый и Ткачев, хотя и находились в институте, в лабораторию заходить упорно не желали. Причин они не объясняли, тем самым давая пищу различным домыслам и слухам.

Постепенно все утихло и вошло в колею. Двадцать пятого марта я зашел в лабораторию Беспалого решить один производственный вопрос. Не знаю, отчего и как, но я пришел в себя только в коридоре. Попытки в последующем зайти к ним еще раз ни к чему ни привели, так как я постоянно испытывал внутреннее нежелание, которое не в силах был преодолеть. Считаю, что в лаборатории Беспалого на меня было оказано психическое воздействие, последствия которого мне неизвестны, но вызывают опасения.

– Сейчас вы можете к ним заходить? – спросил старший инспектор.

– Могу. Но предпочитаю этого не делать.

– А это внутреннее нежелание, – оно сохранилось?

– Нет, прошло. Но я все равно опасаюсь к ним заходить.

– Какой вопрос вы хотели решить с Беспалым? – поинтересовался ректор.

– Это к делу не относится, – перебил его инспектор.

– А может, как раз и относится.

– Ну, я хотел взять с него объяснительную по поводу произошедшего инцидента. Ведь уже почти две недели прошло, а

надлежащих мер…

– Кто же это вас уполномочил? – с сарказмом произнес ректор.

– Я сам, по собственной инициативе. Для порядка, – смущенно ответил Маслов.

– Так, может, для порядка они и выпроводили вас, – забушевал ректор. – Я вас неоднократно предупреждал, Григорий Вениаминович, чтобы вы исполняли свои обязанности, а не чужие. Развелось тут указчиков, шагу ступить нельзя!

– Попрошу быть осторожнее в выражениях, – остановил его функционер. – Мы можем посчитать их направленными в наш адрес. Но не будем отвлекаться. Станислав Борисович, – продолжал он, – вы подтверждаете, что указанные события имели место в вашем институте?

– Первый случай действительно был. Насчет второго, с Григорием Вениаминовичем, не слышал.

– Тогда, на основании проведенного расследования, подтвердившего факт проведения исследований, вызвавших массовое психическое воздействие на людей, – торжественно произнес старший инспектор, поднимаясь, – Международный Экологический Контроль считает деятельность института Мозга угрожающей нормальной жизнедеятельности человека и подлежащей закрытию. Официальное уведомление вы получите завтра, а пока можете продумать мероприятия по перераспределению и трудоустройству сотрудников института.

Яковлев опешил. Проректор, не ожидавший такого поворота событий, бросал растерянные взгляды то на ректора, то на функционера.

– Подождите! Как можно принимать такие скоропалительные решения? – взмолился ректор. – Давайте разберемся в этом деле. В крайнем случае, мы можем закрыть лабораторию Беспалого. Закрывать институт, лишать работы многих невинных людей – это слишком жестоко. Ведь остальные лаборатории не делают ничего предосудительного.

– А вы уверены, что завтра другая лаборатория не займется чем – нибудь подобным? Сорняк надо выдирать с корнем, – возразил Потапов.

– Шеф, – подал голос до сих пор молчавший стажер, – может, мы действительно торопимся? Мне кажется, было бы неплохо осмотреть лабораторию. И сами бы убедились окончательно, и руководство института поставили бы перед фактом.

– Хорошо, – недовольно согласился старший. – С учетом того, что мнение комиссии разделилось, считаю необходимым провести дополнительное расследование. Проводите нас к месту

происшествия.

Лидочка, опытным взглядом проводив процессию во главе с бледным начальником и плетущимся позади поникшим проректором, сообщила оставшимся посетителям:

– Извините, но Станислав Борисович сегодня вряд ли кого примет.

Лаборатория Беспалого размещалась на третьем этаже в конце коридора. На двери не было никакой таблички, только болтался пришпиленный на кнопку листок бумаги с какими-то закорючками.

Яковлев постучался в дверь.

– Войдите, – крикнули изнутри.

Открыв дверь, ректор с инспекторами, пошаркав ногами об пол, хотя никакого коврика перед дверью не было, вошли. Проректор предпочел подождать их в коридоре.

Взорам вошедших представилась небольшая комната. Окна были зашторены тяжелыми портьерами, и в лаборатории лежал полумрак, слегка подсвеченный потолочным светильником. Часть комнаты занимал мощный компьютер с большим, на всю стену, экраном дисплея. Перед ним стояли два кресла, в которых сидели люди. Вокруг – на полу, на столиках вдоль стен – были разбросаны листы и рулоны бумаги с распечатками.

При виде вошедших из кресел поднялись худощавый сутулый человек и низенький плотный юноша.

– Вячеслав Степанович, – обратился Яковлев к худощавому, – комиссия МЭК, – кивнул он на сопровождающих, – считает ваши исследования угрожающими жизни людей. Мы бы хотели разобраться в этом.

– Расскажите о том, что произошло двенадцатого марта, – попросил старший инспектор, когда Беспалый с помощником усадили их на стулья, предварительно очистив те от бумаг.

– Пожалуй, я лучше начну с того, чем мы занимаемся, – Беспалый оценивающе окинул взглядом свою аудиторию. – Я сам – лингвист, специалист по иероглифическим языкам. Ткачев – опытный программист. Изучая древние манускрипты, я постоянно задумывался над тем, почему иероглифы обычно сложны в написании. Ведь намного легче запомнить и написать простые знаки, такие, как, например, в финикийском алфавите, прародителе современной европейской и арабской письменности. Мне пришла в голову мысль, что за этими иероглифами скрыто что-то более глубокое, открывающее ход в подсознание.

Как сейчас у нас происходит процесс считывания текста? Слово состоит обычно из нескольких букв. Каждая буква,

проецируясь на сетчатку глаза, возбуждает определенные нервные волокна, которые направляют сигнал в мозг. При определенных сочетаниях этих сигналов мозг раскодировывает их в соответствующий образ, проявляющийся в нашем сознании.

Возьмем, к примеру, слово «стол». Мозг преобразовывает сигналы от этих четырех букв, и мы воспринимаем в сознании сам предмет. Стоит только одному из сигналов не дойти до мозга или исказиться, как мы воспримем уже не стол, а другой предмет или значение. Например, стул, тол, сто. Кроме этого, следует еще учесть, что восприятие зависит также от того, на каком языке это слово написано. Если на родном языке, то вы воспримете его мгновенно. Если на знакомом иностранном, – то с задержкой. А если на шумерском, который вы видите впервые, – то мозг вообще не воспримет текста.

Теперь возьмем и вместо слова изобразим стол схематически, в виде рисунка. Тогда такой рисунок, знак, воспримется мозгом мгновенно. Причем независимо чьим, – будь то ваш мозг, араба, африканца или древнего шумера. В этом случае исключается необходимость преобразования мозгом множества буквенных сигналов в словесных символах. Останется один сигнал, несущий всю нужную информацию.

Следовательно, можно найти такие иероглифы, знаки, которые будут воспроизводить предмет или действие в сознании любого человека независимо от его умения владеть иностранными языками. Как например, древнеегипетский иероглиф «идти» читается одинаково любым человеком даже сейчас, спустя тысячелетия, так как он является символом, информационным знаком. Значит, можно создать такой язык, который никто не будет учить, но будут знать и читать все люди планеты. Нашей задачей является разработать или, вернее говоря, восстановить этот информационный язык. К сожалению, древние иероглифы со временем значительно изменялись и по сути утратили свои первоначальные информационные функции. Кстати, почему вы вытирали ноги, входя к нам?

– На двери, кажется, было что-то написано, – неуверенно ответил Потапов.

– А на каком языке?

Все недоуменно промолчали.

Беспалый рассмеялся и, быстро подойдя к двери, приоткрыл и сорвал с нее листок с закорючками.

– Здесь действительно написано «Вытирайте ноги», но написано информационными знаками. Эти закорючки воспринимаются глазом как что-то не совсем понятное. В то же время в подсознании возникает образ и ног, и коврика, и что-то

еще, вызывающее у вас потребность вытереть ноги о несуществующий коврик. Как видите, мы уже можем похвалиться некоторыми успехами.

– Как вы находите эти знаки? – спросил стажер.

– Компьютер изменяет иероглиф по заданной Ткачевым программе, а мы сидим перед экраном и следим, какие ощущения вызывает та или иная вариация. На выявленный знак накладываем снова вариации для определения глубины и границ информации. На один предмет бывает до нескольких десятков знаков, имеющих один основной, базовый знак и ряд дополнительных. Так, у нас имеются знаки на дерево, дерево с обломанной веткой, зеленое дерево и еще около десятка различных деревьев. Выявленные знаки компьютер фиксирует в памяти.

– И много знаков вы уже нашли?

– Около двухсот. А вместе с их вариациями – около тысячи.

– Предложения уже можно составлять?

– Вы уже читали на двери предложение, – улыбнулся Беспалый. – Но, увы, объем накопленных информационных знаков еще мал, чтобы составлять предложения. Хотя еще одно предложение мы уже почти составили. Виктор, – попросил он.

Помощник поколдовал над компьютером, оторвал высунувшуюся распечатку и вручил Малышеву.

– Жил-был у бабушки серенький… – нараспев начал стажер, но оборвал себя и искоса глянул на каменное лицо своего начальника.

– Все верно, – сказал Беспалый. – Здесь действительно информационными знаками записана известная детская песенка. Пока только одна строка, дальше еще не составили.

– Я прошу все-таки остановиться на том, что произошло двенадцатого марта, – прервал их Потапов.

– Об этом лучше расскажет Ткачев, – сказал Беспалый.

– Я разработал новую программу варьирования знаков, – начал Ткачев. – Двенадцатого мы решили обкатать ее на компьютере. Для пробы взяли знак «бег» – вариацию от знака «идти». Выявили знак «бег вприпрыжку», «радостно бежать», «бежать от испуга». На следующей вариации на меня накатилась волна ужаса, и я выскочил из лаборатории вместе с Вячеславом Степановичем…

– На меня нашло то же самое, – пояснил Беспалый. – По-видимому, мы вышли на знак из области восприятий страха, причем настолько эмоционально сильного, что в подсознании сработал рефлекс, прогнавший нас от экрана.

– Затем, – продолжил Ткачев, – немного очухавшись в

коридоре, мы попытались вернуться в лабораторию, но не смогли пересилить себя. Возникало чувство, что там находится нечто ужасное, не поддающееся определению. Только через два дня ощущения притупились, и мы продолжили исследования. А в тот день пришлось привлечь на помощь программистов из соседней лаборатории, чтобы убрать с экрана этот знак. Мы предупредили первого, чтобы он не смотрел на экран. Тот не удержался и попал под действие знака, так и не успев переключить компьютер. Второму мы завязали глаза, и он переключил вслепую.

– Значит, ваши знаки могут оказывать психическое воздействие на людей, – констатировал Потапов, кинув удовлетворенный взгляд на своего помощника.

– Могут, возможно, – нехотя согласился Беспалый. – Но, во-первых, мы выявили всего один опасный знак. По такому объему невозможно досконально изучить и дать достоверное заключение о степени его опасности. Во-вторых, этот знак мы ввели в отдельный файл компьютера и закодировали. Код знаем только мы двое, так что доступ к нему невозможен. К тому же мы не собираемся применять его и испытывать на других людях.

– А что случилось с проректором? – резко спросил Потапов.

– Наша вина. Мы действительно показали ему этот знак на листке вместо объяснительной. Войдите в наше положение. Мы хотели еще раз удостовериться в действии знака, да к тому же, если честно признаться, Григорий Вениаминович нам основательно надоел своими придирками, требованием объяснительной. Так что одним махом двух зайцев…

– Трех, – буркнул Яковлев.

Беспалый умолк и посмотрел на ректора. Тот сидел, ссутулившись и опустив голову.

Потапов поднялся.

– Вопреки своим утверждениям вы применили ваш знак на других людях – на программисте Васильеве и одном из руководителей вашего института Маслове в личных целях, тем самым используя знак как оружие массового психического воздействия. Завтра мы дадим вам окончательное решение, – объявил он Яковлеву, направляясь к выходу. Яковлев ринулся за ним.

– Малышев! – крикнул из коридора Потапов. – Я жду.

– Я, пожалуй, еще задержусь. Попробую разобраться до конца.

Потапов хмыкнул и двинулся по коридору в сопровождении семенящих за ним ректора и администратора.

Малышев вернулся в гостиницу только к вечеру, завалился, не раздеваясь, на кровать и блаженно потянулся.

– Где вы пропадали? Я тут один должен готовить заключение, – недовольно проворчал Потапов, заполняя бланки.

– Просидел у Беспалого в лаборатории. Участвовал в проведении исследований. Даже несколько знаков выявили.

– Пока вы там исследовали, мы с ректором решили пойти на компромисс и закрыть только лабораторию Беспалого, не затрагивая институт.

– Да вы что?! – вскочил Малышев. – Неужели вы не поняли, какое открытие сделал Беспалый? Если они разработают свой информационный язык, исчезнет основное препятствие в разобщенности народов всей Земли. Любой человек сможет прочитать текст, написанный на этом языке. И не только человек. Они опробовали некоторые знаки на собаках. Вроде бы есть результат, но они еще не совсем в этом уверены. Ведь мозг любого существа по строению сходен, отличается только степенью развития. Еще Беспалый хочет разработать подобные звуковые знаки, но пока этим не занимается из-за нехватки времени. Проблем, в общем, много, а вы закрыть хотите. Абсурд!

– Абсурд? – возразил Потапов. – А представьте себе, что такой знак, который они показали проректору, попадет в руки какого-нибудь грабителя. Что будет, если он зайдет с ним, к примеру, в банк? Все разбегутся, а он спокойно набьет мешок деньгами и уйдет. Кто будет в состоянии его задержать? Никто! С таким знаком любой человек может творить, что угодно, даже диктатором страны стать. А что будет с цивилизацией, если каждый будет знать и использовать такой знак? Крах, конец всей цивилизации. Останется лишь горстка перепуганных, впавших в первобытное состояние людей.

– Да, картина получается жуткая, – Малышев помедлил. – Но ведь можно разработать определенные запреты, чтобы ограничить человека от таких знаков.

– Вы уверены, что эти запреты оградят человека полностью, на сто процентов?

– Нет, пожалуй.

– Я тоже. И давайте об этом больше не будем.

– А ведь мы тормозим прогресс, и к тому же сильно тормозим, – помолчав, продолжил Малышев. – Хотя бы тот антиграв, что мы засекретили. Какой бы переворот совершился в технике.

– Да, совершился бы. С ним можно было бы взлететь на любую высоту, влететь в любое окно. Что бы тогда началось, представляете?

– Все вам мерещится в сером цвете. Может, антиграв произвел бы переворот не только в технике, но и в сознании

людей. Ведь открытие ядерной энергии произвело переворот в сознании о невозможности атомных войн.

– Не спорю, антиграв – штука хорошая. С ним мы сразу бы решили ряд экологических проблем. Но нас останавливает вероятность возможных непредсказуемых последствий. А изменилось бы сознание или нет, – это неизвестно.

Всю ночь Малышев не мог уснуть, ворочался на кровати, вставал, выходил из номера кому-то звонить…

Всю ночь из окон лаборатории Беспалого сквозь неплотно прикрытые шторы пробивался свет…

На следующий день участники событий собрались рано утром в кабинете ректора. Осунувшиеся лица Яковлева и Беспалого говорили о бессонной ночи, проведенной ими. Еще хуже выглядел Ткачев. Глядя на его впалые щеки и лихорадочно блестевшие глаза, можно было предположить, что он серьезно болен. Он то разваливался на стуле с потухшим взглядом, то, внутренне собравшись и пересилив себя, выпрямлялся, глаза его загорались, но уже через некоторое время он опять устало откидывался на спинку стула.

Ждали комиссию. Инспекторы задерживались. Ректор уже сообщил Беспалому о компромиссном решении комиссии, и теперь тот бегал по кабинету, не находя себе места.

Наконец, дверь открылась, и на пороге появились эмиссары МЭК.

– Прошу извинить за задержку, – сказал Потапов, усаживаясь за стол и раскладывая бумаги. – Итак, приступим.

Все, подобравшись, с невольной надеждой уставились на него.

– Комиссия Международного Экологического Контроля, – Потапов встал и, держа в руке бланк, стал торжественно зачитывать, – состоящая из старшего инспектора Потапова и стажер-инспектора Малышева, проведя расследование по поступившему сигналу в институте Мозга, постановляет:

Первое: Закрыть лабораторию исследований рефлексов мозга на зрительную информацию (заведующий лабораторией – старший научный сотрудник Беспалый) по причине проведения ее сотрудниками исследований, представляющих угрозу нормальной жизнедеятельности человека.

Второе: Тему засекретить на двадцать пять лет, а с лиц, имевших сопричастное отношение к ней, взять подписку о неразглашении.

Третье: Руководителю института в лице ректора Яковлева обратить внимание на слабое руководство вверенным ему

учреждением и ужесточить контроль над тематикой проводимых исследований.

Четвертое:…

– Гражданин инспектор! – вдруг прервал его Ткачев.

Потапов оглянулся на него, задержал взгляд на мелькнувшем в руке Ткачева клочке бумаги и вдруг махнул рукой и бросил:

– Да ну вас! Делайте, что хотите! Счастливо оставаться! – и, засунув руки в карман и посвистывая, беспечно вышел из кабинета.

Яковлев непонимающе проводил его взглядом и, свирепея, набросился на Беспалого:

– Что это значит? Опять ваши штучки, Вячеслав Степанович?

– Не знаю. Я сам ничего не понимаю, – пожал плечами Беспалый. Тут он подозрительно глянул на Ткачева:

– Виктор, объясни, что произошло. Немедленно!

Ткачев разлепил тяжелые веки.

– Я ему один знак показал. Всю ночь вылавливал.

– Какой знак? Что он означает? – закричал ректор.

– Что-то связанное с равнодушием, беспечностью, еще чем-то, – пробормотал Ткачев. – Я сам под его воздействием.

– Что же теперь будет? – схватился за голову Яковлев. – Применение психического воздействия на члена комиссии… За такое по головке не погладят. Мигом институт закроют.

– Не закроют, – подал голос Малышев, все еще сидевший за столом. – Вы промолчите, а я разглашать не собираюсь. Хоть Потапов вчера и нарисовал мне зловещую картину последствий открытия Вячеслава Степановича, я все равно убежден, что в человеке победит добро.

– А как быть с решением комиссии? – спросил ректор.

– Будем считать, что никакого решения не было. А бланк оставьте себе на память, если хотите.

– Но Потапов может вернуться.

– Вряд ли. Его сейчас вообще ничто не интересует, тем более институт. Виктор, – позвал Малышев, – тебя институт интересует?

– Я спать хочу, – капризно застонал Ткачев.

– Но ведь действие знака когда-нибудь кончится, и Потапов опять появится здесь, – сокрушенно сказал Яковлев.

– Потапов – педант. Профессиональная гордость не позволит ему признаться в своей оплошности. А если все-таки вернется к этому делу, тогда я буду протестовать в Комитете против запретного решения, – успокоил его Малышев. – Но если и это не поможет, тогда… – Малышев вытащил из кармана Ткачева бумажку, смял ее не глядя и сунул себе в карман.

– Я запрещаю вам применять этот знак! Справимся как-

нибудь без него, – запротестовал ректор. – Вячеслав Степанович, продолжайте работу. И срочно готовьте публикацию, – нужен референдум. Только бы успеть! Виктор, – остановил он Ткачева, – сколько у нас времени в запасе?

– Не знаю, – ответил тот. – Может, день, а может и вечность.

Неизбежность

Тысяча девятьсот восемнадцатый. Хмурая, угрюмая Москва, настороженно следящая темными глазницами пустых окон особняков за бурным брожением революционного люда. Серый облезлый забор, над которым уныло вытянули серые облезлые шеи трубы завода Михельсона.

Тишь. Безлюдье. Стылый ветер громыхает ржавой кровлей домов да лохматит волосы на голове неизвестного, одетого легко, не по сезону в пиджачок, человека. Тот, ссутулившись и пряча лицо в приподнятый воротник, беспокойно расхаживает вперед-назад по пустынной мостовой, изредка подворачивая рукав, чтобы мельком глянуть на ручные часы. Озабоченность и нетерпеливое ожидание сквозят в каждом его жесте, в неуверенных взглядах, бросаемых то в одну сторону улицы, то в другую.

Вдали появляется одинокая женская фигурка. Она идет неспеша, помахивая легкой дамкой сумочкой. Будто вышла прогуляться или идет на свидание. Будто сейчас самое подходящее для этого время.

Она! Неизвестный скрывается за угол дома, продолжая оттуда следить за женщиной. Изредка он оборачивается назад в ожидании еще кого-то. Ревнивый муж? Возможно.

Слышен шум двигателя. Вдали из-за угла выворачивает автомобиль с открытым верхом и движется в сторону подозрительных субъектов. В автомобиле рядом с шофером сидит человек с маленькой, аккуратно подстриженной бородкой. На заднем сиденье устроились трое солдат в потертых армейских шинелях и с винтовками в руках.

При появлении автомобиля женщина останавливается, раскрывает сумочку и начинает что-то там разыскивать, украдкой бросая взгляды на приближающийся автомобиль.

Неизвестный выскальзывает из-за угла и торопливо направляется к ней.

Автомобиль приближается. Женщина внезапно устремляется через мостовую навстречу ему. В руке ее отливает стальным блеском какой-то предмет.

Неизвестный срывается на бег и в последнее мгновение успевает отбить в сторону ее поднятую руку с пистолетом.

Гулко звучит выстрел. Пуля, взвизгнув рикошетом по булыжникам мостовой, вонзается в стену здания. Сыплется штукатурка. Неизвестный борется с женщиной, пытаясь вырвать у нее из рук пистолет.

Автомобиль резко останавливается. Солдаты, выскочив из

него, бегут к подозрительной паре, щелкая на ходу затворами винтовок.

Из подворотни соседнего дома гремят выстрелы. Солдаты падают на мостовую, стреляют наугад.

Перестрелка затягивается.

Захлебнувшись в негромком крике, валится ничком неизвестный, выпуская из нелюбовных объятий женщину. Та оцепенело смотрит на тело у своих ног. В глазах ее ужас.

Вздрагивает и обмякает на сиденье человек с бородкой. Шофер дико кричит и нажимает на акселератор. Автомобиль, взвизгнув шинами, срывается с места и уносится вдаль.

В подворотне слышен топот убегающих ног. Выстрелы смолкают.

Солдаты, бросившись к подворотне, возвращаются, ругаясь.

– Сбегли, заразы! – зло говорит один.

Они направляются к женщине, все еще неподвижно стоящей у застывшего тела.

– Взять эту стерву! – командует один, вырывая из ее обмякшей руки пистолет. – Семен, посмотри того.

Семен наклоняется над неизвестным, переворачивает его и, приникнув головой к его груди, прислушивается.

– Готов! – говорит он. – Буржуй, видать. Глядь, какой костюм добрый.

– Обыщи!

Семен неловко лезет в карман, вытаскивает пачку.

– Папиросы. Ихние, сразу видно. Старшой, что тут написано?

– Хрен его знает, – отвечает старший.

Семен отбрасывает пачку в сторону, вытаскивает зажигалку.

– Зажигалка. Глядь, какая чудная. Можа, забрать, – все равно пропадет.

Он щелкает несколько раз, любуясь синеватым, почти бесцветным язычком газового пламени.

– Положь, не мародерствуй, – осаживает его старший. – Документы ищи.

Семен с сожалением засовывает зажигалку обратно и вытаскивает из нагрудного кармана небольшую плоскую коробочку из странного неметаллического вещества.

– Аппарат какой-то, – он переключает тумблеры, крутит верньер настройки. Аппарат, поврежденный при падении владельца, молчит.

Семен, похлопав по остальным карманам убитого, поднимается.

– Документов нет.

– Ну и хрен с ним, – говорит старший. – И так ясно, что

буржуй. Пошли! С этой там разберемся.

Конвоируя женщину, солдаты уходят.

Тишь. Безлюдье. Лишь стылый пронзительный ветер лохматит волосы на голове убитого, лежащего посреди пустынной мостовой, да упрямо пытается сдвинуть с места пачку сигарет, на торце которой написано: «Минздрав предупреждает: курение опасно для Вашего здоровья».

Грядет время сурового усатого человека с трубкой в руке…

Первый

Раскрыв вычерченную накануне карту и подсветив ее «маячком», он еще раз проверил направление. Все пока сходилось с данными карты. Опасного места не было. Но чутье подсказывало обратное. А в данном случае малейшая ошибка решала исход всего дела. Осторожно поворачивая голову, он огляделся, цепко схватывая мельчайшие подробности.

Перед ним лежал освещенный участок шириной около двадцати метров. Слепящие лучи прожекторов, установленных на ажурных столбах где-то высоко над головой, перекрещиваясь друг с другом, падали на землю, освещая каждый кустик, каждый бугорок так, что от них не оставалось ни малейшей тени. Тень появлялась дальше, у установки. Ее громада, схваченная паутиной эстакад, арок и пристроек, взмывала высоко в небо, теряясь в слегка подсвеченной звездами темноте. Прожекторы были уже не в силах справиться с такой мощью, и у основания установки лежал зыбкий серый полумрак.

Кусочек высвеченного пространства среди абсолютной темноты вызывал ощущение нереальности, чего-то фантастического. Пересечь его казалось невозможным.

Слева послышался скрип песка под ногами. Он бесшумно отполз назад, в темноту. Солдат с автоматом через плечо прошел и исчез в мареве света. Часовой? Но по карте его здесь быть не должно. Не зря, видно, он почувствовал опасность.

Он осторожно пополз за часовым, стараясь держаться подальше от границы света и тени. Пройдя немного, часовой повернулся и направился назад. Значит, его сектор охраны заканчивается здесь.

Спустя некоторое время из слепящего света вынырнул другой часовой, развернулся и ушел. Он отполз подальше в тень и стал терпеливо наблюдать.

Прошло полчаса. За это время он определил, что часовые обходят свои сектора примерно за три минуты. В его распоряжении около минуты. Больше нельзя, – могут обнаружить.

Часовой слева подошел к границе сектора и остановился. Заметил? Он замер и вжался в песок, задерживая дыхание и стараясь унять бешено застучавшее сердце. Нет, обошлось. К часовому подошел тот, другой. Они закурили украдкой, перекинулись несколькими словами и разошлись.

Все, момент настал. Он выждал, когда часовые разойдутся подальше, и, крадучись, метнулся к установке, каждую секунду ожидая окрика. Все ближе и ближе спасительная темнота. Он

влетел в тень и упал на землю. Нечем было дышать, сердце гулко било в груди. Но и здесь задерживаться опасно. Только вперед. Он пополз, огибая торчащие в беспорядке сваи и балки, и только привалившись к стене какой-то пристройки, расслабился.

Один трудный этап позади. Все пока складывается удачно. Часовые не заметили, продолжают монотонно ходить туда-сюда. Дальше их нет, разве что у лифтоприемника. Фотоглаз не так страшен, если знать, где он установлен. А их понавтыкали на всех лестницах и площадках. Следовательно, там идти нельзя. Он посмотрел вверх. Металлические балки, сплетаясь в сеть, терялись в вышине, полностью закрыв звезды. Он достал карту, накрылся полой куртки и стал изучать дальнейший маршрут. Лифтоприемник с часовым где-то с противоположной стороны. Здесь район малого захвата. Нужно идти влево, к большому захвату. Посмотрел на часы. До рассвета оставалось чуть больше трех часов. Надо поторапливаться.

Изрядно поплутав, он, наконец, выбрался к основанию большого захвата. Время подгоняло. Отдохнув пару минут, он размотал накрученный вокруг пояса шнур со свинцовой гирькой на конце, проверил узел на другом конце шнура, привязанного к карабину на прочном кожаном ремне. Долго вглядывался в путаницу балок и, наконец, примерившись, метнул гирьку вверх. Перелетев через балку, гирька упала вниз, потянув за собой шнур. Выбрав слабину и помедлив мгновение, прощаясь с твердой, надежной опорой земли, ухватился за свободный конец шнура и, подтягиваясь на нем, начал медленно подниматься вверх. Добравшись до балки, пристегнулся другим куском шнура с карабином к ближайшей стойке и только тогда немного отдохнул. Затем подтянул конец с гирькой и метнул ее снова.

Все выше и выше. Уставшим рукам все больше приходилось давать времени на отдых. Голова от усталости затуманивалась, терялась ориентация движений. А предательские лестницы и площадки так и звали отказаться от тяжелого подъема и ступить на них. Но ни в коем случае нельзя поддаваться. Иначе вой сирены, топот ног часовых и бесславный конец всей затеи. С фотоглазом шутки плохи.

Вверху стали просматриваться первые звезды. Близок конец подъема. Балки стали гуще. Можно было подниматься по ним, не пользуясь шнуром. Сбитые в кровь руки и ноги в не выдержавшей, порванной обуви нещадно болели. Выбрав поудобнее место, он закрепил страховочный шнур и достал карту. В предрассветных сумерках уже можно было различить отдельные детали. Ага, вот и сам корпус. Где-то слева и выше должна быть кабина лифтоприемника. Еще один рывок.

Рядом с лифтом в корпусе виднелся люк. Он был закрыт. Соваться к нему бесполезно и опасно, – можно попасть под невидимый луч фотоглаза. Оставалось только ждать. Он залез на кабину лифтоприемника и, стараясь не касаться кабелей и неподвижных, но готовых прийти в движение, вращающихся частей, улегся на платформе, прислонившись к двигателю.

И тогда в полную силу навалилась усталость. Ныли руки и ноги. Казалось, уже нет сил сделать какое-либо движение. Невыносимо хотелось пить. Предательски слипались глаза. Усилием он прогонял сон, но тот снова и снова накатывался волной.

Вскинувшись спросонок, он чуть не свалился с клетки лифтоприемника. Натужено выл двигатель, тарахтел, наматывая канат, барабан.

– Проспал!? Все-таки не выдержал, заснул!

Он огляделся. Уже рассвело, хотя солнце еще не поднялось из-за горизонта. Лишь алая заря загоралась на востоке. Вокруг расстилалась степь. Вдали виднелись коробки родного города.

Нахлынула тоска по дому, по родным. Захотелось закрыть глаза, чтобы эта ночь оказалась нелепым кошмарным сном.

Он стиснул зубы и отвернулся.

Совсем близко, руку протяни, белел корпус космического корабля, к которому он стремился всю ночь. Люк еще был закрыт. Значит, никто не поднимался. Внизу у пристроек стояли машины, между ними муравьями копошились люди. И в лифте уже кто-то поднимался сюда, наверх. Он проснулся вовремя.

Лифт щелкнул и остановился. Из него вышли двое, увешанные аппаратурой. Не космонавты, а, По-видимому, операторы из службы обеспечения полета. Крышка люка неслышно ушла внутрь, операторы ступили в тамбур. Он выжидал.

Через некоторое время один вышел без аппаратуры, вошел в кабину лифта и поехал вниз. Самый подходящий момент, лучший вряд ли представится. Второй вниз не спустится, а подняться еще несколько человек вполне могут. Он осторожно, стискивая зубы от резкой боли в опухших руках и ногах, спустился с платформы и заглянул внутрь корабля. Перед ним был небольшой тамбур с узким проходом между закрепленными с обеих сторон контейнерами. За ними еще через один открытый люк виднелась каюта корабля. Оставшийся оператор сидел перед пультом с наушниками на голове и о чем-то переговаривался с Землей, передвигая и переключая рычажки на пульте.

Где спрятаться? Контейнеры стояли плотно, без щелей, все закрытые. Он дернул ручку одного, другого, третьего. Наконец,

какой-то контейнер открылся. Он был заложен почти доверху маленькими пакетами. Он хотел продолжить поиски, но тут заработал лифт. Лихорадочно разгребя пакеты, он втиснулся в контейнер и опустил крышку. Щелкнул замок. Он инстинктивно дернулся, но крышка не поддалась. По спине пробежал холодок.

– Этого только не хватало! Засыпаться на такой мелочи, когда самое трудное уже позади. Попасться, как в мышеловку… Задохнуться…

Осторожно разгребая вспотевшими ладонями пакеты, он подобрался к замку. Щель между крышкой и корпусом есть, вероятность задохнуться не грозит. И замок оказался простым, изнутри открыть можно. Успокоившись, он удобнее улегся и, уже не вздрагивая от шагов операторов, спокойно заснул.

Навалившаяся неимоверная тяжесть разбудила его. Глухой гул вязко давил на уши. Все тело настолько отяжелело, что не было сил шевельнуться. Легкие тяжело, со скрипом раздвигали ребра грудной клетки, чтобы чуть-чуть втянуть воздух. Он хрипло вскрикнул и потерял сознание.

Очнувшись, он удивился необыкновенной легкости в теле. Стояла мертвая тишина.

– Что случилось? Авария? – подумал он. – Взлет отложили?

Откинув крышку, он неловко повернулся и… взлетел вверх. Ударившись о соседний контейнер, он судорожно ухватился за какой-то выступ. Почему пол оказался над головой?

И тогда до него дошло. Взлетели!.. Уже в космосе… Невесомость…

Неуклюже кувыркаясь, постанывая от боли в суставах, – последствиях перегрузки при взлете, – он добрался до люка, открыл и вплыл в каюту. Спиной к нему в кресле сидел космонавт, наблюдая за экранами на пульте. Лихорадочно мигали огоньки, и что-то неразборчиво бормотало переговорное устройство.

Космонавт что-то переспросил, медленно повернулся и ошеломленно, с отвисшей челюстью уставился на него.

– Т-т-ты кто? – заикаясь, спросил космонавт.

– Витька. Крюков, – ответил он.

Так в летопись истории космонавтики было вписано еще одно имя. Первого мальчишки-космонавта, ученика пятого класса школы номер два города Байконура. Первого «космического зайца». Витьке даже удалось пробыть на космической станции две недели, пока американцы, у которых намечался ближайший запуск корабля, не сняли его со станции и не вернули на Землю.

Но самое грустное в этой истории было то, что весь мир обошла фотография, на которой Витьку, орущего и

упирающегося, космонавты вытягивают за ноги в тамбур состыковавшегося корабля. Как будто не могли выбрать другую, получше!

Последний

– Встать! Суд идет!

В тишине зала негромко скрипнули два стула. Скрипнула дверь. Вошедший судья прошел, не глядя ни на кого, на свое место, уселся, поерзался для удобства и только после этого вперил свой взгляд в зал:

– Гм! Почему пусто? Или у нас закрытое заседание?

– Так это…, – замялся прокурор.

– Понятно, – перебил его судья. – Итак, заседание суда начинается. Прошу садиться.

Присутствующие сели. Остались стоять только два охранника по бокам кабинки с бронированным стеклом.

Судья водрузил на мясистый нос очки и раскрыл папку:

– Слушается дело о…, – он глянул поверх очков на обвинителя. – Почему нет имени?

– Так это, еще не успели дать, Ваша честь, – подскочил прокурор. – Совсем свеженький.

– Ладно. Продолжаем, – судья уткнул нос в папку, – о торговле наркотиками. Фу, чушь какая! У вас там что, людей с мозгами уже не осталось? Лет десять гоните одно и то же.

– Так нет больше других преступлений, Ваша честь, – опять подскочил прокурор. – Хулиганов, бандитов, воров и прочих нарушителей уже давно пересажали всех. Коррупционеров тоже. И убийц. К тому же, какой из этого, – прокурор кивнул на подсудимого, – бандит? Еле по наркоте дело сшили.

– Вот и давай сам оглашай дело, белошвейка! – судья торжественно провозгласил. – Слово предоставляется обвинению.

Прокурор поднялся, оправил складки на кителе, пошевелил бумаги на столе и начал:

– Высокочтимый суд! Господа присяж…, – он запнулся, огляделся по сторонам. – А где присяжные?

– Так давно уж нет, – ухмыльнулся судья. – Упразднили. И пересажали. Сам же сажал.

– Да-да, вспоминаю.

– К делу давай, ближе.

– Итак, подсудимый был пойман на месте преступления. При задержании у него был изъят пакетик с марихуаной. Прошу вызвать свидетеля обвинения.

– Вызывай.

Перед судом предстал сотрудник полиции. Представился.

– Капитан, – обратился к нему прокурор, – Вы подтверждаете, что у обвиняемого в момент задержания находился наркотик?

– Подтверждаю, – ответил свидетель. – Пакетик находился у него в руке. О чем свидетельствуют и отпечатки пальцев на пакетике.

– На этом? – кивнул судья на лежащий перед ним вещдок.

– Так точно, Ваша честь!

– Какой-то он…, – судья брезгливо подтолкнул ручкой потертый, мятый, местами лопнувший и аккуратно склеенный скотчем полиэтиленовый пакетик. – Не могли найти что-нибудь поприличнее?!

– Дефицит, Ваша честь. И в работе постоянно. Изнашивается.

– Ваша честь! – подскочил адвокат. – Да на этом пакетике не одна сотня отпечатков, наверное.

– А тебе, – судья строго глянул поверх очков на защитника. – А Вам никто слова не давал.

– Прошу прощения, Ваша честь, – адвокат тихо опустился на стул.

– У обвинения есть еще вопросы к свидетелю? – Нет? – Слово предоставляется защите. Теперь можете, – глянул судья на адвоката.

Адвокат, потирая руки, проскользил к вещдоку.

– Интересно, где вы взяли такую вещь? – повертел он в руках пакетик.

– Так у нас имеются…, – свидетель осекся и продолжал. – У задержанного, господин защитник. Держал в руке.

– А вы уверены в этом? Разве он, – кивнул адвокат на обвиняемого, – смог бы удержать его в руке?

– Не могу знать. Держал в руке. Сжатой в кулак. И отпечатки, опять же.

– А отпечатков на пакетике было много?

– Много. Но мы идентифицировали отпечатки обвиняемого. Этого достаточно.

– А свои отпечатки, случайно, там не идентифицировали?

– Возражаю, Ваша честь! – подскочил прокурор.

– Принято.

– Это не входило в нашу задачу, – тупо ответил на вопрос защиты капитан. – Пакетик был в руке… И отпечатки…

– Грубо работаете, свидетель. Могли бы что-нибудь поумнее придумать. Обвиняемый, сами понимаете, особый.

– Возражаю! – опять подскочил прокурор.

– Принято, – отозвался судья. – Вы, это самое, по существу, господин защитник.

– У меня нет больше вопросов, – устало отозвался адвокат. – Бесполезно все.

– Вы свободны, свидетель, – сказал судья. – Кто у нас еще?

– Больше нет, – ответил обвинитель. – Все свидетели опрошены.

– Тогда завершаем. Слово предоставляется обвинению.

– Высокочтимый суд! Ваша честь! – торжественно начал речь прокурор. – Налицо уголовное преступление. Обвиняемый был задержан на месте преступления, при нем находился наркотик. Отпечатки пальцев имеются. Все настолько соответствует фактам, что наличие преступления не подлежит сомнению.

Обвиняемый, который вел себя до этого тихо и смирно, вдруг заорал.

Судья недовольно поморщился:

– Охрана, сделайте что-нибудь!

Охранники засуетились, но крик не прекращался.

– У меня все, – торопливо закончил прокурор.

– Обвинение!? – судья повысил голос, стремясь перекрыть шум. Адвокат, хитро улыбаясь, вынул из кармана соску-пустышку и направился к хлопотавшим над обвиняемым охранникам. Вопли прекратились.

– Кушать хочет, – довольно прокомментировал адвокат.

– К делу!

– Высокочтимый суд! Ваша честь! – начал адвокат. – Я согласен с доказательствами преступления, предоставленными здесь обвинением. Сомнений они не вызывают. Но все-таки… Как может только что родившийся ребенок держать в руке пакетик? Это же абсурд! Он же еще ничего не соображает и не понимает, что творит. То есть совершает действие неумышленно. Прошу это учесть при назначении наказания. Это во-первых. Во-вторых, я не зря задал вопрос о других отпечатках. Откуда появился пакетик? Вот в чем вопрос. Ребенок появился из лона матери с пакетиком в руке. Это установлено. Значит, пакетик тоже оттуда, из этой самой…, – адвокат замялся, – то есть родился вместе с ребенком. А значит, что он должен быть таким же девственно чистым и свежим. Без отпечатков пальцев. Без скотча. Новеньким. А что мы видим? – торжествующе указал адвокат на вещдок. – Вот это и вызывает у меня сомнения. Надеюсь, суд учтет мои сомнения при назначении наказания. У меня все.

– Суд удаляется для принятия решения, – судья встал и вышел. Адвокат с прокурором остались одни.

– Ты, как всегда, умеешь испортить настроение, – заметил прокурор. – Праздник портишь только.

– Праздник? – отозвался адвокат. – Ты в этом уверен?

– Конечно. Последний же.

– Ну-ну.

Они замолчали. В наступившей тишине было слышно только

чмоканье, раздававшееся из свертка, лежавшего на столике в кабинке.

– Задерживается, что-то, – прервал молчание прокурор.

– В туалете засел, вероятно.

Дверь раскрылась, и вошел судья.

– Встать! Суд идет!

– Прошу садиться.

Судья зачитал приговор:

– Ввиду неопровержимости улик обвиняемый приговаривается к пожизненному заключению по месту пребывания и лишению гражданских прав.

Прокурор победно глянул на адвоката. Тот равнодушно пожал плечами:

– Как обычно.

– Судебное заседание объявляется закрытым, – объявил судья. – Все свободны.

Дождавшись, пока дверь за охранниками со свертком закроется, прокурор засуетился:

– Ваша честь, судья! Неплохо бы отметить, – в руках у него появилась бутылка.

– Не возражаю, – судья привычно выудил из тумбочки стола три рюмки. – Давайте сюда, поближе.

– Колбаска, ветчинка, – радушно угощал прокурор, раскладывая закуску на судейском столе.

– Пора тебя уже садить, – строго сказал судья. – Ползарплаты тратишь на выпивку. Судью спаиваешь. Шучу я, – успокоил он того, видя, как вытянулась и посерела прокурорская физиономия. – А ты что скучный такой, адвокат?

– Так радоваться-то, вроде, нечему.

– Как это нечему? Все, последний преступник, последний судебный процесс. Судить больше некого. Все население осуждено и отбывает пожизненный срок. Теперь в стране порядок, тишь да гладь. Никто не ворует, не бастует, не грабит, не убивает. Радоваться надо, а не грустить. Задача правительства выполнена.

– Вот-вот, именно. Выполнена. А дальше что? Чем нам теперь заняться? И нужны ли мы теперь? Может, как ты только что пошутил, настал наш черед, судья?

– Ч-черт, а ведь он прав! А, прокурор?

– Не, что-то тут не складывается. Кто тогда нас судить будет? – возразил прокурор.

– Тоже верно. Давай, адвокат, думай. Мы-то по фактам привыкли работать. А ты у нас мыслитель. Ну, давайте, по рюмочке. За последнего осужденного.